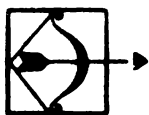

ЕВГЕНИЙ КОРШУНОВ

операция „Хамелеон“

ЕВГЕНИЙ КОРШУНОВ

операция „Хамелеон“

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1971

P2
K70

Глава 1

— Не курить! Застегнуть ремни! Между кресел шел стюард — рослый, плотный, с кожей почти фиолетового цвета. Китель на нем был безукоризненно бел. Он шел с небольшим подносом, на котором пестрела россыпь леденцов.

Стюард молча протягивал пассажирам конфеты, и они равнодушно брали их. Курить никто не прекратил.

Петр Николаев послушно застегнул ремни. За весь длинный путь, проделанный сначала самолетом Аэрофлота, а затем этим — похожим на ИЛ-14, принадлежащим компании «Уэст Африкен эйруейс», Петр привык подчиняться световым табло и твердым голосам стюардесс и стюардов.

Он поймал себя на этой мысли и улыбнулся.

Сидевший рядом с ним африканец — толстый, пузатый, с бабьим лицом, громко сопел, наваливаясь на ручку кресла и сисяя вытянуть свою короткую шею к пыльному овалу окна.

— Луис, — сказал он и, вытащив мятый, несвежий платок из широкого рукава пестрой национальной одежды, похожей на просторный халат, вытер пот на крутом пористом лбу.

— Луис,— шепотом повторил Петр, и его охватило чувство восторга, почти мальчишеского ликования.

Луис... Да, это был Луис!

Он поймал себя на том, что непроизвольно расстегивает и застегивает нелепо простую металлическую пряжку зеленого брезентового ремня, прижимавшего его к креслу.

Надо успокоиться...

Петр на секунду закрыл глаза и несколько раз глубоко втянул воздух — всей грудью.

Он твердо верил, что это помогает собраться... Но волнение не отпускало.

Самолет пронесся над серым бетоном посадочной полосы, коснулся ее, чуть подпрыгнул, моторы взревели, еще раз — и сбавили обороты. В окно Петр увидел длинное белое здание — стекло и бетон,— перед которым на флагштоках пестрели разноцветные флаги дюжины авиакомпаний. По фронтому здания тянулась красная надпись:

«Добро пожаловать в Луис!»

— Леди и джентльмены,— объявил стюард.— Полет закончился. Капитан корабля мистер Мартин Браун желает вам всего самого наилучшего...

Дверь в самолет бесшумно отворилась. Ударил упругая волна жаркого, терпкого воздуха. И сейчас же вошла молодая африканка в форме национальной авиакомпании Гвиании: черная юбка в обтяжку, белая блузка, широкий пояс, стягивающий талию... На парике (Петр уже знал, что все африканские модницы носят парики) чудом держалась черная пилотка.

Гвианийка улыбнулась широкой рекламной улыбкой.

— Добро пожаловать в Луис,— сказала она по-английски и, повторив то же самое по-французски, объявила:— Автобус у трапа.

...Не успел автобус остановиться у здания аэровокзала, как его атаковали встречающие. Здесь были целые семьи. Толстые матроны ахали и всплескивали мясистыми руками. Мужчины в национальных одеждах хлопали себя по бокам и что-то восторженно кричали. Петр смотрел на все это, и ему казалось, что он смотрит одну из тех кинолент о путешествиях по Африке, которые он с такой жадностью и ненасытностью смотрел в Москве.

— Вы мистер Николаев? Аспирант по программе ЮНЕСКО?

Петр обернулся.

Рядом с ним стоял молодой человек, светловолосый, загорелый. Одет он был так, будто только что явился с теннисного корта: белые шорты, белая рубашка навыпуск, с круглым воротом, ворсистая, как полотенце. На ногах белые гетры и белые туфли.

На приятном открытом лице голубели большие веселые глаза.

— Боб,— представился он, протягивая Петру руку.— Простите... Роберт Рекорд. Профессор Нортон просил меня вас встретить.

Он говорил по-английски с непривычным для Петра произношением, совершенно непохожим на то, к которому Петр привык на университетских курсах, где англизированные дамы-преподавательницы щеголяли чистой звуков и оксфордской правильностью синтаксиса.

— Я ваш коллега, аспирант-историк. Австралиец,— продолжал молодой человек, с интересом разглядывая Петра.— А вы, значит, русский.

Он нагнулся, легко поднял с земли объемистый портфель Петра и дружелюбно улыбнулся:

— Что ж, пошли!

Боб первым вошел в стеклянную дверь аэровокзала. Петр шел за ним, и на душе у него было тревожно и радостно. Он все еще не мог поверить, что все вокруг не сон, что он, Петр Николаев, вдруг очутился здесь, в Африке, что мечта, казавшаяся такой неосуществимой, вдруг осуществилась... И Петр изо всех сил старался не дать вырваться на волю чувству радости, переполнявшему его. Он шел нарочито медленно, стараясь ступать уверенно и солидно, и сдержанно разглядывал толпу, покидающую аэровокзал.

«А из наших никто не встречается!»— отметил он, ища глазами в толпе кого-нибудь, кто был бы, по его представлению, похож на русского. Он знал, что из Москвы послали телеграмму, чтобы его встретил кто-нибудь из посольства. И вот пока никого. Все пассажиры уже прошли паспортный и медицинский контроль и толпились в дальнем конце просторного и прохладного зала у прилавка, на котором чернокожие таможенники в тщательно отглаженной форме салатного цвета орудовали цветными мелками, ставя на чемоданы непонятные значки.

Издалеко Петр заметил и свои чемоданы — два коричневых, немного потертых, стоявших с краю прилавка.

— Мистер Николаев!

Роберт, опередивший его, уже махал рукой от конторки красного дерева, за которой стоял плотный гвианец в серо-голубой форме и черной фуражке.

— Ваши документы?

Петр вытащил паспорт.

Иммиграционный чиновник раскрыл его, прочитал фамилию, поднял внимательные глаза:

— Мистер Николаев? Одну минуту...

Он заглянул в ящик, который выдвинул из конторки, и принялся что-то читать, шевеля губами.

— Надеюсь, вы еще не успели попасть в черный список?— весело шепнул Роберт Петру.

— Все в порядке, мистер Николаев!

Чиновник широко улыбнулся, шлепнул печатью по паспорту.

— И не забудьте, что в течение недели вы должны явиться в полицейское управление и зарегистрироваться, как иностранец. Всего хорошего!

Они вышли из здания аэропорта и пошли прямо к стоянке автомашин. Неизвестно откуда взявшийся носильщик с чемоданами шел впереди.

Австралиец уверенно подошел к голубому «пежо». На переднем стекле, засунутая за «дворник», белела бумажка.

Роберт вытащил ее, развернул, покачал головой:

— Опять наверняка реклама мороженных цыплят или... Ого!

Он обернулся к Петру:

— Листовка! Профсоюзы предупреждают правительство, что будет создан объединенный забастовочный комитет. Как вам это нравится?

Носильщик поставил чемоданы в багажник, открытый австралийцем, получил несколько монет, поклонился и ушел, сказав на прощанье:

— Спасибо, маста...

— Маста?

Петр вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Привыкайте,— иронически скривился тот.— Здесь это значит «хозяин».

Он обошел машину, взялся за ручку дверцы. Потом вдруг нагнулся к переднему колесу и весело выругался.

— Что-нибудь случилось? — встревоженно спросил Петр.

— Ничего особенного. Гвоздь в колесе. Обычная история!

Австралиец выпрямился, мальчик не торопясь обошел машину и открыл багажник.

— Мальчишки прокололи шину.

Он взглянул на удивленное лицо Петра и пожал плечами.

— У каждого из них здесь есть свой участок. Вы ставите машину, говорите мальчишке «о'кэй», и он за нею присматривает. Разумеется, вы потом даете ему пару монет. А я опаздывал к самолету, мальчишка бежал ко мне откуда-то издалека. Я махнул ему рукой... мол, потом, потом... А он не понял. Некоторые европейцы считают такой вид заработка рэкетом и принципиально не дают ни копейки. Вот, наверное, и решил, что я один из них.

Говоря это, он извлек из багажника домкрат, небрежно бросил его на асфальт. Затем легко вытащил оттуда же запасное колесо.

— Помочь?

Петр скинул пиджак и положил его на переднее сиденье в машину.

— Стоит ли пачкаться нам обоим? Я сам.

Австралиец присел у проколотого колеса и подмигнул Петру.

— И потом у вас еще здесь будет немало таких возможностей.

Он легко освободил гайки, привычным движением подставил домкрат, принялся работать рычагом. Машина накренилась.

— Подложите что-нибудь под колеса, — посоветовал Петр. — Здесь покато, может сорваться с домкрата.

— Ерунда, она у меня на скорости...

Он двумя руками стал снимать колесо, осторожно его покачивая. И в тот момент, когда колесо было снято, домкрат вдруг стал крениться в сторону — все быстрее и быстрее...

— Я же говорил! — вырвалось у Петра.

Он мгновенно подскочил к падающей машине и, нагнувшись, обеими руками подхватил ее спереди и снизу. От напряжения лицо его налилось кровью, освобожденный домкрат со звоном упал на асфальт.

— Домкрат...— выдавил Петр сквозь стиснутые зубы.— Ставьте домкрат, я держу...

Австралиец схватил домкрат, выронил его опять.

— Сбросьте рычаг! Да спокойнее!— нашел в себе силы сказать Петр.

Но австралиец уже оправился от растерянности, поспешно подставил домкрат под раму, несколько раз дернул рычагом — вверх-вниз, вверх-вниз. Это отняло у него всего лишь несколько секунд. Но до мгновения, когда Петр почувствовал, что страшная тяжесть больше не давит на его руки, поясницу, ноги, ему показалось — прошла вечность.

Убедившись, что домкрат не упадет, австралиец притащил пару камней и сунул их под колеса.

Потом они вместе завинчивали крепежные гайки и отверткой выковыривали из покрышки новенький, хорошо отточенный гвоздь. И все это молча.

Лишь передавая Петру тряпку, чтобы вытереть руки, австралиец неуверенно улыбнулся:

— А вы случайно не выступали в цирке? С гирями, а?

— Конечно, только там я держал на плечах целый автобус с пассажирами,— серьезно ответил Петр, и оба они облегченно рассмеялись.

Австралиец вел машину лихо, одной рукой, небрежно откинув вторую на спинку сиденья.

И Петру вдруг вспомнилось, что точно так же водит машину и его отец. Но не такую — легкую, почти игрушечную, а тяжелый рефрижератор, тяжелый, но тем не менее удивительно послушный благодаря целой системе сложнейших механизмов, облегчающих управление.

«Как-то там сейчас мои?— подумал Петр и вздохнул.— Надо бы дать телеграмму, что все в порядке».

Он был уверен, что и отец, и мать, и все пять сестер тайком друг от друга ходят к телефону-автомату на углу улицы, неподалеку от их дома, и звонят в Институт истории — нет ли какой-нибудь весточки от него, Петра?

К матери наверняка заходят соседки, и она — в который раз!— рассказывает им, что сын поехал в научную командировку аж в самую Африку! И соседки сочувственно кивают головами — ведь в Африке страшнейшая жара, и вообще, как там только живут люди!

А в институте, конечно, все по-прежнему. Да и такая ли уж это невидаль — младший научный сотрудник уехал в загранкомандировку! Правда, профессор Иванов, научный руководитель Петра, человек нервный, беспокойный и любопытный, уже наверняка готовит Петру письмо с рекомендациями впрок. А может быть, он уже выловил в зарубежной периодике что-нибудь новое по теме Петра — колонизация Северной Гвиании — и восторженно рассказывает об этом на очередном ученом совете.

Да, профессор любил знать о мельчайших деталях работы своих учеников. Он и с Петром тщательнейшим образом прошелся по плану командировки. В общем-то тема была ясна: лорд Дункан, генерал-губернатор Южной Гвиании, захватил и присоединил к английским владениям север страны, опасаясь, как бы этот район не попал в руки французов, продвигавшихся из Центральной Африки.

Написано было уже об этом немало, библиография была богатая. Но имелся момент, который не давал покоя ни Петру, ни его научному руководителю. В ученом мире шли споры: что непосредственно послужило предлогом для захвата англичанами Северной Гвиании? Кое-кто видел в действиях лорда Дункана прямую уголовщину, циничную провокацию. Но таких было немного, и доказательств у них явно не хватало.

Минут двадцать «пежо» летел по узкой, разбитой асфальтированной дороге, стиснутой зарослями высокой травы, полянками пожелтевшей кукурузы, редкими, растрепанными пальмами. Через каждые сто метров попадались огромные фанерные щиты, рекламирующие то пиво «Гинис», то антималярийные таблетки, то радиоприемники «Филиппс».

Город начался широкой, пыльной улицей двухэтажных домов, грязных, облупленных, закопченных. Тротуаров здесь не было. Возле домов тянулись ряды навесов из рафии, похожих на соломенные циновки, под которыми на низеньких скамеечках неподвижно сидели толстые торговки разной мелочью. За их широкими спинами виднелись пыльные пирамиды товара — консервированные сливки, сардины, рулоны туалетной бумаги, пачки мыла, спички — вроссыпь и коробками, сигареты, зеленые пивные бутылки.

Мальчишки, разгуливающие с лотками на головах,

тут же продавали авторучки и шариковые карандаши, ремешки для часов, ножички и ножнички, шнурки, зубные щетки.

Все это Петр успел разглядеть, пока австралиец, нетерпеливо сигналив, тащился в длинном хвосте машин, запрудивших улицу.

День клонился к вечеру. Жара понемногу спадала. Пахло дымом и чем-то таким, от чего Петра начинало поташнивать.

Австралиец заметил его состояние:

— Выедем в центр, там воздух почище. Я и сам до сих пор не могу привыкнуть к запаху жареного пальмового масла.

Он свернул с большой улицы в переулок, затем в другой, третий. Начался асфальт. Они проехали по почти пустой, широкой и чистой улице, затем въехали в узкий коридор зданий — бетон, металл и стекло, в стиле модерн — этажей по пятнадцать-двадцать.

— Центр, — равнодушно произнес австралиец.

Внезапно он резко нажал на тормоз: прямо перед ними на перекресток на полном ходу вылетел и остановился крытый брезентом грузовик с надписью по борту «Полиция». Из него выскакивали полицейские в серо-голубой форме, со щитами в руках, плетеными из толстых прутьев, в стальных касках, с длинными дубинками.

Глава 2

— Ну, теперь начнется! — весело сказал Стив. — Они прибыли.

Гоке забрал в горсть свою густую, роскошную бороду и молча кивнул. Его худое, почти аскетическое лицо, обезображенное шрамом, исказила болезненная усмешка. Шрам сбегал от виска через всю щеку и до подбородка, и, когда Гоке улыбался, лицо его ломалось жуткой гримасой. Он знал это и отпустил бороду. Но там, где был шрам, борода не росла, и Гоке имел привычку все время расчесывать ее, чтобы скрыть это. Он никогда не выпускал из рук маленького гребешка из

слоновой кости, обычного гребешка, который в Гвиании имел почти каждый. Но сейчас он забыл обо всем — и о гребешке и о шраме. Глаза его пылали ненавистью, он словно напрягнулся и был похож на пантеру, приготовившуюся к прыжку, — мускулистый, стройный, гибкий.

Вместе со Стивом он шел впереди во главе демонстрации нескольких сотен людей под красными флагами. У обоих в руках было по плакату — листу фанеры, прибитому на массивные палки.

«Остановить американскую агрессию во Вьетнаме!» — требовал плакат Стива.

«Янки, вон из Африки!» — было на плакате Гоке.

Стив обернулся. Демонстранты за его спиной, увидев грузовики с полицией, сгрудились теснее. Колонна стала монолитнее, плотнее.

«Как кулак перед дракой», — подумал Стив.

В противоположность Гоке Стив был коренаст и тяжеловат фигурой. Массивную голову он брил наголо. Широкий крутой лоб, маленькие уши и тяжелая нижняя челюсть делали его похожим на бульдога. Его спокойная уверенность резко контрастировала с нервной порывистостью Гоке, но вдвоем они удивительно дополняли друг друга.

Стив редко улыбался. Те, кто хорошо знал его, говорили о его удивительном упорстве и предсказывали, что он далеко пойдет. К тому же все знали, что Старый Симба, герой движения «симба» и президент Гвиании, приходился ему дядей. Сам Стив на эту тему говорить не любил.

Грянула музыка. Лучший джаз Луиса — шесть бродячей, тоже членов Конгресса молодежи, секретарем которого был Стив, — заиграл «хайлайф».

«Молодцы, — подумал Стив. — Вовремя».

Лица демонстрантов, помрачневшие было при виде полиции, просветлели. Нашлись даже остряки.

— Эй, папа! — крикнул один из них толстому сержанту. — Шел бы домой, чего жариться на солнце!

Сержант истекал потом.

— Смотрите, смотрите, он тает! — крикнул другой голос из колонны.

В шеренге полицейских послышались смешки.

— Прекратить! — рявкнул сержант и расстегнул сумку со слезоточивыми бомбами.

Но демонстранты к этим жестам были привычны. Они, улыбаясь, шли мимо полицейских, стоявших по обеим сторонам улицы с палками наготове.

А впереди уже виднелось здание посольства США — одноэтажное, окруженное тщательно ухоженным садом. На флагштоке во дворе, за невысоким цементным забором, развевался полосатый флаг.

Узорчатые ворота стояли закрытыми, и посольство казалось вымершим.

Но именно здесь, у посольства, по плану, согласованному между двумя левыми молодежными организациями Гвиании — Конгрессом молодежи и союзом «Авангард», должен был состояться митинг, на котором собрались выступить руководители этих организаций Стив Коладе и Гоке Габойе.

Демонстранты подошли к посольству. Здесь еще не было полиции. Машины стояли в соседних улицах. Там же выстроились и «плетеные щиты», готовые по первому приказу броситься на демонстрантов.

Колонна остановилась у ворот посольства, рассыпалась, образовала круг возле запущенной цветочной клумбы, на которую встали Стив и Гоке.

Стив неторопливо огляделся. Полицейские вышли из переулков и окружили демонстрантов: теперь Стив и Гоке были в двойном кольце. Первое — возбужденное, дерзкое, расцвеченное красными флагами и яркими разноцветными плакатами, второе — мрачное, серо-голубое, ошетилившееся палками, щитами, стальными шлемами.

Кто-то передал Стиву и Гоке знамена их организаций.

— Начинай! — нервно подтолкнул Гоке Стива.

Стив кивнул. Он набрал полную грудь воздуха и крикнул, стараясь, чтобы его голос донесся и до полицейских:

— Товарищи!

Все стихло.

Стив помолчал. Затем произнес чуть потише:

— Товарищи!

Он написал речь заранее — три страницы машинописного текста лежали у него в кармане. Но сейчас нужно было не читать, а говорить — Стив понимал это и подыскивал слова самые точные, самые скупые и самые тяжелые.

И он заговорил. Заговорил уверенно, неторопливо, и каждое его слово тяжело и отчетливо ложилось в тишину, напряженную, предгрозовую.

— Нас пока здесь мало, — говорил он. — И мы пришли сюда, чтобы поднять наш голос в поддержку народа далекой страны, в которой никто из нас не бывал. Но, защищая народ Вьетнама, мы защищаем свою страну — Гвианию. Потому что то, что происходит сегодня во Вьетнаме, может начаться в Гвиании завтра.

Он видел, что его внимательно слушают не только демонстранты, но и полицейские. Сочувственно кивал даже толстяк сержант.

И, глядя поверх голов демонстрантов, туда — в лица полицейских, Стив говорил, что Гвиания не свободна, хотя на городском стадионе и был торжественно спущен флаг Великобритании и поднят оранжево-черный флаг Гвиании. Он говорил, что в стране по-прежнему все пытаются решать те же колониальные чиновники, ставшие теперь служащими гвианийского правительства.

Когда он замолчал, над головами демонстрантов взметнулись руки с растопыренными пальцами — на манер латинской буквы «V» — начальной буквы слова «виктори» — победа. Заколыхались флаги, молодые голоса грянули «Интернационал».

Полиция пока не вмешивалась. Но поверх толпы Стиву было видно, как из ближайшего переулочка на полном ходу вылетел военный «джип». К двум белым офицерам, сидящим в машине, сейчас же подскочил офицер-гвианец, вытянулся, отдал честь, принялся докладывать.

Офицеры молча смотрели на красные флаги. Потом один из них что-то приказал солдату-гвианийцу, сидевшему с наушниками на голове. Тот кивнул и склонился к аппаратуре.

Тем временем демонстранты опять построились в колонну и подошли вплотную к воротам посольства.

Гоке с заранее заготовленной петицией в руках нажал кнопку звонка. Ворота оставались закрытыми. Гоке позвонил еще раз, еще и еще.

Демонстранты уже стояли вплотную, передние прижимались к решетке ворот, держались руками за ее массивные чугунные узоры.

— Товарищи!

Гоке обернулся к демонстрантам. Глаза его пылали.

— Они не хотят с нами разговаривать. Они не хотят с нами разговаривать здесь, на нашей земле. Неужели же мы не заставим их выслушать нас, хозяев Гвиании?

— Заставим! — заревело несколько глоток, и к решетке протиснулась дюжина широкоплечих молодцов.

— Стойте! Что вы делаете? — крикнул Стив.

Вчера, когда обсуждался план митинга, был предусмотрен и такой вариант — никто из посольства не выйдет, чтобы взять петицию. Тогда было решено прикрепить ее к воротам и спокойно уйти — продемонстрировать по городу, скандируя ее текст.

Правда, Гоке предлагал другой вариант: ворваться в посольство силой и добиться встречи с послом. Стив знал парней, пробирающихся к воротам. Они были вроде телохранителей Гоке: бородатые, одетые в подобие военной формы цвета хаки, перетянутые новенькими блестящими ремнями.

Стив оглянулся на полицию, там уже слышались слова команды.

— Подождите! — крикнул Стив тем, у ворот.

Но было уже поздно. Парни Гоке умело вскрыли внутренний замок, толпа навалилась, ворота распахнулись настежь. И сейчас же из дверей посольства выпало десятка полтора молодчиков в форме морской пехоты США — традиционная охрана посольства.

— Да здравствует африканская революция! Бей их! — крикнул Гоке, и его парни кинулись на американцев с невесть откуда взявшимися велосипедными цепями и обрезками труб. Морские пехотинцы встретили их ударами ружейных прикладов, но были смяты, отброшены.

Давя друг друга, демонстранты ломились в здание. Посыпались стекла, кто-то саданул обрезком трубы в окно размером со стену, кто-то рвал шнуры флагштока, пытаясь сдернуть полосатый флаг.

И в этот момент во двор ворвалась полиция. Вернее, сначала туда полетели бомбы со слезоточивым газом, громыхнули взрывы.

— Воду, — крикнул кто-то, и демонстранты, выхватив из карманов заранее припасенные тряпки и бутылки с водой, закрыли лица импровизированными мокрыми масками.

Изнутри посольства уже валил дым: горела библиотека. Выли полицейские сирены. И во дворе бушевал бешеный водоворот борьбы.

Демонстранты защищались отчаянно — древками флагов и лозунгов. Они вырывали у полицейских щиты и палки, лупили по стальным каскам кулаками. Отовсюду неслись стоны, крики, брань.

Стив видел, как Гоке пытался пробиться к воротам. Он размахивал знаменем союза «Авангард» и подбадривал своих товарищей. Но силы были неравными: люди Гоке падали один за другим, сшибаемые прикладами карабинов и дубинками полицейских. Вот и его самого бьют сапогами, топчут, куда-то волокут. Толстяк сержант с треском срывает знамя «Авангарда» с древка и сует его к себе за пазуху — свидетельство своего героизма и залог будущей награды от начальства.

Сам Стив оказался к воротам ближе Гоке. Группа, в центре которой он был со знаменем Конгресса молодежи, была более многочисленной. Да и полицейские здесь дрались не так ожесточенно. И Стиву удалось вырваться на улицу вместе с десятком окровавленных демонстрантов. На бегу он сорвал и спрятал под рубашку знамя. Теперь у него в руках было массивное древко.

Сразу же за воротами к нему бросилось несколько полицейских. Но бегущие впереди храбро встретили нападающих. Замелькали кулаки. На Стива набросилось сразу трое. Одного он уложил мгновенно ударом древка по каске. Другого сбил кто-то бежавший рядом. Третий отпрянул в сторону. Впереди никого больше не было.

Стив побежал мимо посольского забора, затем свернул, перепрыгнул через решетку какого-то сквера, пересек его, выбежал в пустынный переулок, побежал по нему. Последнее, что он видел, — это кто-то, метнувшийся ему навстречу из ближайшей подворотни, искаженное ненавистью лицо, занесенную палку...

Оранжевое пламя вспыхнуло у него в глазах, с грохотом взорвалось, земля накренилась — раз, другой, завертелась, опрокинулась. И еще он успел заметить «пежо» и двух европейцев в нем.

Словно какая-то неведомая сила выбросила Петра из машины — прямо в самую схватку. Нет, это был не

бокс. Одного из нападавших Петр сбил хорошим ударом правой, другой же бросился бежать, оставив на земле бритоголового, истекающего кровью человека.

— Скорей, — крикнул австралиец, поднимая раненого.

Он погнал машину по каким-то запутанным улочкам, сворачивал в переулки — и молчал. Молчал и Петр. Лишь с заднего сиденья доносились стоны бритоголового.

Они въехали в университетский городок, и Роберт подвез Петра к четырехэтажному дому.

— Наша квартира на третьем этаже, — сказал он. — Номер пять, — и сунул в руки Петра ключи. — А я — в госпиталь.

Быстро развернувшись, «пежо» рванул по улице, оставив Петра, стоящего у подъезда, растерянного и не могущего понять, как это он, едва ступив на землю Гвиании, оказался замешанным в такую прескверную историю!

Чем она могла кончиться, Петр прекрасно понимал.

— Дурак, — вслух обозвал он себя в конце концов, но дальнейшему самобичеванию помешало появление «Волги».

Она вылетела из-за угла дома и резко затормозила. Из машины поспешно вышел высокий, худой человек в больших очках с выпуклыми стеклами.

— Товарищ Николаев? — по-русски спросил он, и не успел Петр ответить, как человек в очках уже протягивал ему руку.

— Консул посольства Глаголев Николай Алексеевич. — Он перевел дух. — Извините, что не смог встретить! Застрял по дороге на аэродром. Везде пробки! В городе сейчас такое творится!

— Да уж я видел! — угрюмо ответил Петр.

— Что-нибудь случилось? — сразу насторожился высокий. Скулы его напряглись.

Петр мрачно усмехнулся:

— Попадет, видимо, теперь нам обоим. Вы меня не встретили, а я тут по дороге уже подрался.

— Шутите! — Глаголев даже отпрянул.

— Да нет, — все так же мрачно продолжал Петр. — Боюсь, что парню, которого я стукнул, сейчас не до шуток.

Глаголев быстро снял очки, и Петр непроизвольно

отметил, какое у него тонкое и интеллигентное лицо. Но взгляд Глаголева был напряженным: он не понимал, шутит ли Петр или говорит правду.

Глава 3

Во время рассказа Петра о случившемся Глаголев только досадливо покряхтывал. Потом снял очки, крепко зажмурился и шепотью правой руки сильно потер межбровье. Внезапно вскинул голову и, не отводя руки от лица, спросил:

— Скажите, а больше с вами сегодня никаких приложений не было?

Петр удивленно посмотрел на него:

— Вроде бы нет...

— Постарайтесь вспомнить. Может быть, что-нибудь вам показалось странным?

— Да нет же! — решительно мотнул головой Петр. — Разве что...

— Что? — поспешно спросил Глаголев.

— Нам прокололи шину в аэропорту. Рекорд не дал мальчишкам денег, вот они и...

— Вы меняли колесо? Долго?

— Минут десять-пятнадцать, — неуверенно протянул Петр. — А что?

Глаголев опять снял очки и потер межбровье.

— Странно. Меня, пока я ехал в аэропорт, три раза останавливала полиция и проверяла документы, хотя я ехал с дипломатическим номером. Причем они явно тянули время. А вас... допустим... кто-то хотел задержать в аэропорту. Кстати, вы не помните — колесо было проколото или спущено?

— Проколото. Я сам вытаскивал из него гвоздь! — сказал Петр с недоумением.

— Так вот. Мальчишки здесь действительно вывинчивают пиппеля из колес. Но шин не прокалывают!

Глаголев вздохнул и надел очки. Лицо его было задумчиво.

— Думаете, все это не случайно? — насторожился Петр.

— Ну вот!

Консул дружески положил руку на плечо Петра:

— Вы, я вижу, человек горячий! Это и хорошо и плохо. В данной ситуации это плохо.

Он опять положил руку на плечо Петра:

— Боюсь, что нам с вами придется играть в игру, предложенную людьми довольно хладнокровными.

Петр почувствовал во рту вкус меди.

«Начинается, — подумал он. — Вот тебе и научная работа!»

Глаголев словно прочел его мысли:

— Ничего, не вешайте нос!

Он посмотрел на часы и поспешно встал.

— Извините, мне пора.

Голос его стал официальным:

— Завтра в девять ноль-ноль вас ждет посол.

И опять он дружески улыбнулся:

— Хочет познакомиться. Ведь нас, советских людей, здесь раз-два, и обчелся...

Когда Глаголев ушел, Петр почувствовал себя удивительно одиноким. В таком настроении и застал его Роберт.

— Парень счастливо отделался, — весело заявил австралиец прямо с порога. — Я говорил с врачами — вероятно, небольшое сотрясение. Во всяком случае, в сознание он уже пришел. Э-э! Я ведь забыл объяснить вам, какая комната ваша.

Он сказал это весело и громко, как будто ничего и не произошло.

В холл, где Петр беседовал с Глаголевым, а теперь дожидался появления своего соседа, выходило три двери: одна из них вела в маленькую чистую кухню, две другие были дверьми спален.

— Вот здесь вы и будете жить, — сказал Роберт, распахивая одну из дверей. Он поднял чемоданы Петра, все еще стоявшие посередине холла, и внес их в спальню.

— Располагайтесь.

Потом посмотрел на часы и щелкнул пальцами. Его голубые глаза возбужденно блестели.

— Через час к нам придут гости. Декан историко-экономического факультета профессор Нортон, наш с вами шеф. Большущий специалист по Гвиани! Так что спешите привести себя в порядок.

Он шутливо толкнул Петра в плечо.

Через полчаса, когда Петр вышел в холл, он нашел Роберта удобно устроившимся в легком кресле со стаканом в руках. Австралиец сидел, вытянув ноги, синяя рубашка с отложным воротником была выпущена поверх пояса.

— Том,— заорал он при виде Петра.— Том! Виски для маста Питера!

Из двери, ведущей на кухню, появилась круглая черная голова в белоснежной пилотке, затем короткая шея, стянутая воротником белого кителя, а затем — маленький толстый африканец с плутоватой улыбкой на круглом лице.

— Добрый вечер, маста,— сказал он, улыбаясь и кланяясь.

— Добрый вечер,— ответил Петр и протянул толстяку руку.

Тот, прежде чем пожать ее, поспешно вытер свою о яркий передник, разрисованный коктейльными бокалами.

— Ну вот и познакомились, — комментировал Роберт.

Он отпил желтоватую жидкость из длинного запотевшего стакана, на дне которого виднелись кубики льда.

Том вернулся почти мгновенно. На подносе он нес длинный стакан, наполненный желтой жидкостью с кубиками льда.

Петр протянул руку.

Роберт поднял свой:

— Давайте выпьем за то, чтобы мы с вами были друзьями.

Его глаза были прищурены и походили на голубые лезвия:

— И за то, чтобы вы называли меня Боб. Просто Боб. Договорились?

Петр кивнул.

— Выпьем.

Он почувствовал, как мягкая теплота поднимается изнутри, снимая напряжение дня, в голове становится легче, светлее, тело расслабляется.

Позвонили.

— Профессор Нортон!

Австралиец быстро допил стакан, легко встал и твердым шагом направился к двери.

На пороге стояли двое. Один из них, грузный, оплывший, тер платком голову — совершенно лысую, круглую и блестящую. Одет он был в легкую рубашу навыпуск в крупную красную клетку, несвежие светло-серые брюки. Лицо красное от жары, на толстом, мясистом носу плотно сидели очки в тяжелой роговой оправе с темными стеклами.

— Ух,— пророкотал он, поднося руку к сердцу.— Чертов климат! А у вас опять кондишен не работает?

— Сегодня ветер с океана, профессор,— почтительно сказал австралиец.

— А это мой новый ученик?

Профессор тяжело шагнул через порог и, выставив вперед объемистый живот, обтянутый рубашкой, пошел к Петру, переваливаясь, отдуваясь и пыхтя.

«А он похож на пингвина!»— неожиданно подумал Петр, поспешно поднимаясь из кресла. Но сейчас же мысль его заработала в другом направлении.

«Так вот он какой, профессор Нортон,— думал он.— Человек, написавший десятки книг о Западной Африке. Лауреат множества премий, обладатель званий и степеней... в рубаше навыпуск».

— Нортон,— пропыхтел толстяк, протягивая Петру руку, тяжелую, жирную, потную.

— Петр Николаев.

Профессор задержал руку Петра в своей, пристально вглядываясь снизу — сквозь темные стекла — в лицо Петра. Осмотром он, видимо, остался доволен.

— Так вот вы какой.

Он вытер лицо платком.

Рядом с ним у двери стоял высокий мужчина в строгом темно-сером костюме.

— Ах да,— профессор перехватил взгляд Петра.— Забыл вас представить. Это тоже наш новичок. Всего месяц как приехал из Штатов. Доктор Смит. Уф...

Нортон громко засмеялся:

— Смит. Это ведь как у русских — Иванов? Жаль, что вы не Иванов. Вот было бы забавно, а?

Он бесцеремонно ткнул Петра в бок массивным кулаком и, пыхтя, опустился в кресло, продолжая платком тереть лицо и лысую голову.

Смит, неловко улыбаясь, подошел к Петру.

— Очень рад,— сказал он смущенно и чуть поклонился.— Джеральд Смит. Микробиолог.

Голос его был приятен — мягкий, красивый баритон. Да и сам он был красив. Высокий, темноволосый, с чуть вытянутым интеллигентным лицом. Глаза Смита были ярко-синими, большими и добрыми, подбородок, пожалуй, немного крупноват, зубы как у киноартиста, один к одному, белоснежные, ровные.

Он уже успел загореть легким желтоватым тропическим загаром, и это ему шло.

Смит обернулся к Бобу и виновато развел руками:

— Извините, мистер Рекорд... Я без приглашения...

Он улыбнулся застенчивой, извиняющейся улыбкой.

Профессор захохотал, и живот его заходил горой мяса:

— Это я его притащил... Дай, думаю, познакомлю:

Смит — Иванов, Иванов — Смит... Хо... хо... хо...

Роберт обернулся к двери и крикнул:

— Том, виски профессору Нортону и...

Он посмотрел на Смита.

— Сок. Только сок, — смущенно поднял тот сразу же обе руки.

— Он у нас не пьет, — многозначительно заметил профессор. — Он у нас наполовину вегетарианец.

Через минуту все уже сидели со стаканами в руках, удобно расположившись в низких креслах.

Профессор жадно опустошил первый стакан ледяного виски.

— Уф, — гулко похлопал он себя по животу. — Чтобы охладить такую утробу, нужен целый айсберг. А вы, Питер? Не нравится?

Профессор снял на минуту очки, чтобы вытереть платком переносицу, и Петр увидел его глаза — внимательные и пытливые.

— Надеюсь, вы не будете здесь пить один сок, как наш коллега?

— Профессор! — слабо запротестовал микробиолог все с той же смущенной улыбкой. — Просто... Такая жара. И потом, когда выпью, меня сразу же бросает в сон.

— А меня бросает в сон, если у меня во рту в течение часа нет чего-нибудь с градусами...

Профессор обернулся к Петру:

— Молодой человек, послушайте совет старика — пейте виски. В тропиках это лучшее лекарство от всех болезней. Пейте — и будете здоровым, как я... лет так

тридцать тому назад. Это говорю вам я, старый колонизатор, матерый англичанин, слуга империи... Вот ваш коллега, Боб Рекорд, этот парень хоть куда. Моя школа — и пьет и...

«Старый колонизатор... слуга империи... — усмехнулся про себя Петр. — Да ты своими книгами расшатывал устои этой империи все последние тридцать лет!»

— Кстати, мистер Николаев, над какой темой вы хотели бы работать в университете? Ваша специальность, насколько мне известно, история?

Лицо Нортон стало серьезным. Он ждал ответа.

Петр неторопливо поставил стакан на маленький столик рядом с креслом. Теперь он уже говорил со своим будущим научным руководителем, и от этого разговора могло зависеть многое.

— Меня интересует история колонизации северных областей Гвиании, — почему-то робея, произнес он. — В частности, момент, решивший начало кампании 1903 года.

— Вы имеете в виду решение генерал-губернатора южных провинций лорда Дункана начать поход против северных эмиров?

Нортон снял очки и принялся протирать их, и опять Петр увидел его умные, внимательные глаза.

— Вы читали книгу моего друга профессора Холдена?

Петр кивнул.

— Значит, вас заинтересовала вся эта история с письмом султана Каруны? Да, профессор Холден считает, что лорд Дункан спровоцировал все это, чтобы захватить Северную Гвианию. Он утверждает, что было два письма из Каруны после убийства капитана Мак-Грегора. Первое было ответом на ультиматум Дункана, требовавшего выдать убийцу — эмира Бинды. В этом письме было объявление войны. Но затем буквально через неделю пришло второе. Гонец, доставивший его, говорил, что в этом письме султан безоговорочно соглашается выдать убийцу и предлагает немедленно начать об этом переговоры...

Резко затрещал звонок у двери.

Профессор вздрогнул.

— Черт! Боб, вы что это, нарочно установили у себя этот сигнал атомной тревоги? Кто там еще?

Австралиец поспешно вскочил. У самой двери он на

мгновение задержался, глубоко вздохнул... и решительно открыл ее.

В холл уверенно шагнула женщина — высокая, угловатая блондинка с мальчишеской прической. Именно эти детали бросились Петру в глаза прежде всего. И еще Петр отметил, как решительно, пожалуй, даже слишком решительно, она переступила порог. Смит поспешно встал и застыл, вежливо склонив голову. Петр последовал его примеру.

— Знакомьтесь,— голос австралийца показался Петру напряженным.— Мистер Смит, мистер Николаев. Доктор-микробиолог и аспирант-историк.

Смит церемонно поклонился.

— А я уже вас видел... в университете,— тихо сказал он. И торопливо добавил, словно боясь, что гостья не расслышала его:

— Смит. Джерри Смит...

— А это, — голос Роберта еще более напрягся, — Элинор Карлисл, художница и скульптор, жрица бога Ошун...

Гостья вскинула на него глаза.

— Не паясничайте, Боб,— жестко сказала она.— Вам это не идет!

Глава 4

В этот вечер верховный комиссар Великобритании сэр Роберт Хью против обыкновения задержался в своем рабочем кабинете дольше обычного. Он даже отложил намеченную ранее партию в гольф. И все это по настоянию полковника Роджерса, начальника контрразведки Гвиании. Кроме них двоих, в кабинете присутствовал и подполковник Прайс, главный советник иммиграционного управления этой страны.

Кабинет верховного комиссара был невелик. Тяжелая старомодная мебель красного дерева делала его мрачным. Книжные шкафы мутно поблескивали зеленоватыми стеклами. На письменном столе, украшенном резьбой и похожем на катафалк, царил образцовый порядок. Справа и слева по краям стола стояли ящич-

ки с надписью «ин» и «аут» — для бумаг входящих и исходящих.

Ящик «ин» был пуст, ящик «аут» доверху полон бумагами. Это означало, что сэр Хью с утра отлично поработал и теперь, несмотря на то, что пришлось отказаться от гольфа, был в хорошем настроении.

В кабинете царил полумрак: большое окно, выходящее на лагуну, полузакрыто тяжелыми шторами. Старинные бра, в которых свечи были заменены продолговатыми лампочками, света давали мало. Ровно гудел кондишен, мощный аппарат, охлаждающий воздух и установленный в большом камине, скрытый бутафорскими поленьями.

Сюда не доносился шум Флет-стрит, узкой и тесной улочки, забитой магазинами, лавками и лавчонками гвианийцев, индусов, сирийцев, арабов, греков. Когда-то, лет сто назад, здесь был деловой и административный центр Луиса, и штаб колониальной администрации, естественно, в другом месте размещаться и не мог. Но теперь деловой центр переместился отсюда в другой район, где как грибы росли двадцати-тридцатизэтажные здания современной конструкции. Посольства стран, с которыми Гвиания установила отношения сразу же после получения независимости, строились в другом районе, но верховный комиссариат Великобритании продолжал оставаться все на той же Флет-стрит, в доме, построенном почти сто лет назад и лишь модернизированном внутри.

Сэр Хью любил говорить о традиционности отношений между Гвианией и Великобританией и символом этой традиционности считал старый трехэтажный дом на Флет-стрит.

И теперь, попивая маленькими глотками сильно разбавленное виски, сэр Хью с удовольствием скользил взглядом по массивным книжным шкафам. Там, за мутноватыми стеклами, тускло мерцало золотое тиснение тяжелых кожаных переплетов: они хранили копии абсолютно всех документов, касающихся политики Великобритании за последние сто лет — вплоть до получения Гвианией независимости.

Только что полковник Роджерс рассказал о начале операции «Хамелеон», начале довольно успешном. Он не касался деталей — они были совершенно ни к чему ни сэру Хью, ни подполковнику Прайсу. И вообще, Род-

жерс не был обязан отчитываться перед кем-либо здесь, в Гвиании. Он и сам, в сущности, точно не знал, что заставило его информировать об операции «Хамелеон» и сэра Хью и Прайса. Или знал и не хотел признаваться в этом даже самому себе?

Иногда ему казалось, что подполковник Прайс, сидящий сейчас здесь с постным лицом, догадывается, что привело полковника в этот кабинет самое обычное честолюбие. И это злило Роджерса.

Он слегка поморщился: Прайс вообще шокировал его своими манерами. Да что манерами? Кто, например, заставлял его носить эту дурацкую форму гвианийской полиции — идиотские широченные шорты цвета хаки, сшитые из какой-то жесткой материи и отглаженные так, что складки торчали, как острия ножей? Или эту серо-голубую рубаху с множеством медных пуговиц, надраенных, словно корабельный колокол? А уж жезл, который он таскал под мышкой...

Молчание, наступившее после сообщения полковника, затягивалось.

— И вы уверены, что все пойдет... по плану? — заговорил наконец сэр Хью, тщательно подбирая слова и не отводя взгляда от золоченых корешков книг.

Конечно, все это было интересно, очень интересно. Но между министерством иностранных дел и разведкой существовали особые отношения. Лично сэр Хью не стал бы слишком огорчаться, если бы Роджерс получил вдруг несколько щелчков по носу.

— Операция лишь начинается, — неторопливо сказал Роджерс. Он тоже взвешивал сейчас каждое свое слово. О, он слишком хорошо знал, что сэр Хью запомнит и использует каждую его неточную фразу, чтобы в случае неудачи операции «Хамелеон» лишний раз пнуть соперника, которому не повезло.

— Все основные фигуры расставлены...

— Красиво говорите, полковник!

Голос Прайса был бесцветен и сух, но Роджерс знал, что над ним издеваются.

— Вы можете еще добавить что-нибудь вроде «мы делаем историю» или «ведем битву за демократию», — скрипучим голосом продолжал Прайс. — Конечно, все, что вы задумали, довольно ловко. Но нужно ли столько возни?

Роджерс пригладил жидкие, расчесанные на пробор

волосы. Ничего другого он от Прайса и не ожидал. Уже не первый раз подполковник вставлял ему палки в колеса в своем дурацком иммиграционном управлении.

Взять хотя бы историю с этим Николаевым. Прайс как только мог тормозил выдачу ему въездной визы, несмотря на то, что тот ехал по линии ЮНЕСКО. Прайс словно чуял, что у полковника Роджерса уже связаны с мистером Николаевым свои планы. И полковник был абсолютно уверен, что Прайс сделал бы все от него зависящее, чтобы сорвать операцию. Мозги у него от длительного пребывания в тропиках и от умеренного потребления виски совсем высохли!

— Интриги в стиле Джеймса Бонда хороши только в кино. А здесь, пока у нас есть возможности, мы должны действовать просто и наверняка, — Прайс казался равнодушным. Глаза его были полуприкрыты веками и устремлены в потолок, но и сэр Хью, и Роджерс отлично понимали, что Прайс внимательно следит за их реакцией на каждое его слово.

— А если вдруг разразится скандал?

Прайс резко выпрямился в кресле.

Из-под густых рыжеватых бровей блеснули холодные глаза, лицо еще больше вытянулось и стало похоже на лошадиную морду.

Голос Прайса окреп, он теперь отчеканивал каждое слово:

— Да, джентльмены, вы отлично знаете, что красные — и здесь, у нас, и там, за рубежом, — только и ждут повода, чтобы поговорить о нашем неокOLONиализме. И особенно сейчас, когда они так и рвутся в Африку, когда делают все, чтобы разрушить британское содружество наций. И тогда...

Прайс насмешливо посмотрел на сэра Хью.

— ...тогда, ваше превосходительство, вы будете представлять страну, с которой произойдет то же самое, что произошло с Испанией и Португалией, когда они лишились колоний!

Сэр Хью поморщился:

— Надеюсь, что это случится не скоро.

— Я тоже.

Разговор уже надоел сэру Хью. В конце концов ведь собрались они здесь не для того, чтобы препираться. Всем в посольстве давно известно, что Прайс и Роджерс недолюбливают друг друга. Особенно после

того, как Роджерс несколько раз высказался в гольф-клубе, что Прайс давно уже спился и пора бы ему вернуться в далекую Англию.

Разумеется, Прайс об этом узнал и, в свою очередь, там же, в клубе, произнес тираду против «всех этих желторотых выскочек с университетскими дипломами, которые развалили империю».

Сэр Хью демонстративно посмотрел на старинные часы, высоким футляром напоминавшие башню.

— Благодарю вас, джентльмены, — сказал он и встал.

Уже выйдя из комиссариата, Прайс придержал полковника Роджерса за локоть и примирительно улыбнулся:

— В конце концов у нас одни и те же цели. И мне больно видеть, как летит к черту все, во что вложили свои жизни наши отцы и деды.

«Размяк, — отметил про себя Роджерс. — Да ты, братец, действительно уже стар, и время твое ушло».

Он молча поднес руку к козырьку. Но Прайс словно прочел его мысли.

— И все же в Африке нужна хорошая полиция. Методы Лоуренса Аравийского здесь слишком тонки. Боюсь, африканцы вас не поймут, дорогой полковник! Кстати, — он помедлил, — ваш Николаев может быть выслан в двадцать четыре часа... За вмешательство во внутренние дела Гвиании.

Роджерс вежливо улыбнулся:

— Надеюсь, вы хоть дадите ему доужинать с многоуважаемым профессором Нортоном? Сейчас они как раз сидят за столом.

Нет, Роджерс не боялся, что Прайс добьется высылки Николаева за драку с сотрудниками полиции. Его сейчас волновало другое. Операция только началась, а в ней уже появились неожиданные моменты — например, Николаев задержался в аэропорту на пятнадцать минут из-за проколотой шины. Еще бы десять минут — и консул Глаголев успел в аэропорт, чтобы встретить Николаева. И тогда Николаев не «спас» бы Стива Коладе. А это привело бы к тому, что первая фаза операции могла сорваться.

Роджерс тоже знал, что мальчишки обычно не прокалывают шины. Они просто вывинчивают ниппель — и фьють!

Но что же произошло? Случайность? А если не случайность?.. Чутье разведчика говорило ему, что здесь что-то не так. Но что? Он провел рукой по волосам:

«Да, мистер Николаев, как-то вам сейчас ужинается!»

А в это время Петр спокойно сидел за столом рядом с Нортоном напротив доктора Смита и Элинора.

Окна были открыты. Бриз доносил запахи далекого леса, мешавшиеся с горьковатым дымком костров. Терпко пахли цветы — необычные, с крупными лепестками, белые, желтые, алые... Они лежали около каждого прибора, свежие, только что сорванные и принесенные откуда-то Томом.

Сам Том появился с круглым бронзовым подносом, уставленным тарелками.

— Что там у вас сегодня?

Нортон приподнялся и бесцеремонно заглянул в одну из тарелок.

— Си фуд? Морская пища?

— Йе, са... Си фуд! — весело осклабился Том.

— Много йоду и всякой другой гадости, полезной для таких старых хрычей, как я!

И, не дожидаясь, пока Том поставит тарелки перед всеми, профессор взял себе с подноса ближайшую и принялся за ее содержимое.

Да, это были дары моря. Лежали оранжево-красные кружки креветок, темнели кусочки каракатицы, серебрились сардины. Устричные раковины были уже полуоткрыты — между створками сверкали кубики льда и желтели дольки лимона. Кусочки черепашьего мяса лежали на листьях морской капусты.

— Красиво! — отметил Смит, застенчиво обращаясь к австралийцу, но глядя на художницу. — Вы посмотрите, как сочетаются цвета.

— Танкью, са, — нарочито коверкая английский язык на гвианийский лад, ответил Роберт.

— У гвианцев, как, впрочем, и у всех африканцев, очень развито чувство красоты.

Это произнесла Элинора. И Петр увидел ее глаза — удивительно ясные, изумрудно-зеленого цвета, с любопытством изучающие его. Художница опустила взгляд. Она рисовала даже за столом. Крохотный карандашик

быстро и резко метался по квадратному листку бумаги, лежавшему рядом с ее тарелкой.

— Дурная привычка, — глухо сказала она, заметив, что Петр не отводит от нее взгляда, и поспешно спрятала листок под стопку точно таких же квадратиков, лежащих на столе.

— Почему же дурная? — удивился Петр. — Это ведь как записная книжка. набросок — та же запись мысли.

— А вы уверены, что в наше время мысли нужно записывать? — резко возразила Элинора. — Впрочем... — Голос ее смягчился. — Впрочем... у вас ведь там все иначе! — она сделала движение головой, подчеркивая слово «там». — Другие люди, другие мысли, другие моральные ценности.

Глаза Элинора сузились, она перевела взгляд на Роберта. Тот деланно усмехнулся.

— Много я дал бы, чтобы сейчас заглянуть... — он кивнул на стопку бумаги. В его глазах светились хмельные сгоньки.

— Стоп! — это сказал профессор Нортона.

И впервые Петр уловил в его голосе скрытое беспокойство.

— Хватит, дети мои! Следующий раунд отложен.

Он развел руками, как судья на ринге, разводящий боксеров.

Австралиец замолчал. Художница чуть заметно поморщилась.

Ее лицо было жестким. Она с вызовом смотрела на Роберта.

«Ого! — отметил Петр про себя. — А здесь все не так-то просто!»

Профессор тяжело встал из-за стола, перевел дух:

— Леди и джентльмены, я предлагаю перейти в кресла.

— Кофе, сэр? — подскочил Том.

Нортона снял очки и, хитро прищутив свои жирные веки, потер левую сторону груди, словно массируя сердце.

— Кофе меня слишком возбуждает. В моем возрасте в возбужденном состоянии можно наделать та-ких глупостей. А вот коньяк...

Он подмигнул Тому.

Смит встал и галантно взялся за спинку стула Элинора.

— Спасибо, — мягко сказала художница.

Она быстро собрала свои квадратики. Потом встала и пошла к креслам — высокая, уверенная в себе. Мешковатая юбка из грубой узорчатой ткани скрывала линии тела, но даже она не могла скрыть врожденную грацию этой странной женщины.

Петр поймал себя на том, что провожает художницу взглядом, и смутился.

— Не советую связываться, мой мальчик! — неожиданно прогудел у него почти над самым ухом голос профессора Нортон. — Поверьте мне, старому сплетнику, и помогите за это добраться до кресла. Эта женщина... (он покрутил пальцем у виска) тоже не-много того. Впрочем, как и все мы здесь... Это тропики...

Петр попытался пожать плечами, словно говоря: а я-то здесь при чем?

Но профессор был достаточно наблюдателен.

— Бросьте, — сказал он веско. — Все мы люди, и ничто человеческое... Словом, вы меня понимаете.

Вдруг быстрая гримаска боли промелькнула у него на лице.

— Сердце, — сказал он, словно извиняясь.

Петр помог ему дойти до кресла и... сел рядом с Элинора.

Художница приветливо улыбнулась:

— Вас зовут... мистер Петр Николаев? — спросила она.

Петр кивнул. В горле у него внезапно стало сухо, и он сделал несколько глотательных движений, прежде чем ответить. Но Элинора спокойно продолжала:

— Значит, Питер. Я буду называть вас Питер.

Петр смущенно пожал плечами:

— Если вам так больше нравится.

— Так просто привычнее, — просто сказала художница.

Это почему-то разозлило Петра.

«Ну и черт с тобой! — раздраженно подумал он. — Тоже — покорительница сердец!»

Он повернулся к профессору, тихо беседующему со Смитом, и залпом выпил рюмку коньяка, которую взял со столика на колесах, подвезенного Томом.

Смит отказался и от коньяка и от кофе.

— Сок, только сок! — попросил он Тома. — И не очень холодный, пожалуйста.

— А вы неплохой ученик! — хохотнул профессор, кивнув на рюмку в руке Петра. — Если это начало, то вы далеко пойдете!

Он потер жирной рукой тяжелый подбородок и посмотрел на часы:

— Уже одиннадцать! Пора и на боковую!

Пыхтя и отдуваясь, он тяжело поднялся из кресла, перевел дух:

— Ну вот и познакомились...

Элинор была уже на ногах. Она первая протянула Петру руку:

— До свидания, Питер.

Рука у нее была твердая, сильная, рукопожатие крепкое.

Элинор на мгновение дольше, чем нужно, задержала его руку. И в ее взгляде Петру почудилась... жалость.

Глава 5

Стива все еще мутило, когда он вышел на широкую бетонную площадку перед зданием университетского госпиталя. Голова слегка кружилась от смеси едких и дурманящих запахов лекарств, обрушившихся на него в хирургическом кабинете.

Он осторожно тронул белый тюрбан свежей повязки и вздохнул: хорошо хоть еще не уложили в госпиталь! Затем сделал несколько неуверенных шагов вниз по серым бетонным ступеням и только сейчас обратил внимание на длинную зеленую машину «шевроле», стоящую несколько в стороне от входа в госпиталь.

Задняя дверца была открыта, и полицейский офицер, опершись на нее локтем, наблюдал за Стивом. Заметив, что Стив увидел машину, он выпрямился и твердым шагом пошел ему навстречу.

— Мистер Коладе?

Рука в белой перчатке коснулась козырька:

— Прошу в машину!

— Значит...

Стив, стараясь казаться как можно спокойнее, пожал плечами. Да, он давно уже ожидал этого момента. Даже заранее представлял себе, как все это произойдет: многих из его друзей арестовывали в свое время колониальные власти, да и сам Старый Симба... Стив много раз слышал историю его четырех арестов: сейчас об этом рассказывали даже ученикам в школах, это стало хрестоматийным.

Стив грустно усмехнулся и подумал:

«А ведь, наверное, когда-нибудь в школах будут рассказывать и о том, как арестовывали нас...»

И он непроизвольно посмотрел на небо, потом обвел взглядом простор университетского парка, окружавшего разбросанные по стриженным лужайкам серые двухэтажные здания, и устало вздохнул.

— Прошу, — напомнил о себе полицейский.

Шофер был в форме, рядом с ним сидел еще один офицер. Севший рядом со Стивом нажал кнопку на спинке переднего сиденья: бесшумно поднялись темные стекла и отгородили их от всего мира. На крыше машины взвыла сирена, и «шевроле» рванулся вперед.

«Люди полковника Роджерса, — подумалось Стиву. — Плохо, если никто не видел, как меня арестовывали!»

Он попытался вспомнить — не было ли поблизости хоть случайных прохожих? Нет, как назло, никого не было.

Машина миновала ворота университетского городка и понеслась по улицам Луиса. Был вечер — тот самый миг, который отделяет шумный и безалаберный ночной Луис от Луиса дневного — озабоченного, делового, спешащего. Короткие сумерки взорвались вспышкой яркого оранжевого цвета — в городе зажглись фонари.

Голова кружилась все больше.

«А может быть, все же лучше было бы остаться в госпитале?»

Стив закрыл глаза и откинулся на сиденье.

Надо собраться с силами, сосредоточиться. И он решил думать о чем-нибудь другом, только не о том,

что ему предстояло и к чему он давно уже был внутренне готов.

Например, о том же университетском госпитале. Стив уже бывал здесь — навещал больного товарища.

Сначала нужно было стоять в очереди внизу, около конторки, за которой сидел невозмутимый старик в круглых железных очках, совершенно седой. К нему обращались с почтением, называли его «папá». Он долго и с достоинством листал толстые книги, отыскивая фамилию больного, к которому пришли, старательно читал ее и затем поднимал взгляд на робко переминающегося с ноги на ногу просителя.

— Доктор велел не пускать, — говорил он в раздумье. — Случай очень серьезный...

Тогда родственник налегал животом на конторку и выкладывал на нее пару монет.

— Ну, ну, деревенщина! С дерева, что ли, только слез, — орал старик. — Нечего здесь грязь разводить!

И, делая вид, что смахивает пыль с конторки, старик ловко сгребал монеты.

— Папа, будь добрым, — жалобно говорит проситель. — Доктор-то и не узнает!

— Знаем мы вашего брата, — ворчал старик. — Да что сделаешь! Все мы люди. А доктора тоже, ученые, колют и колют людей. Может, родное лицо увидеть — и лекарства никакого больше не надо. Идите уж, — вздыхал он. — Палату-то знаете?

— Знаем, не первый раз...

И родственники — человек пять-шесть с детьми всех возрастов — чинно шествовали в коридор налево — холодный, ведущий в холл, откуда разбегались другие коридоры, крытые по полу линолеумом, по которым сновали девушки в высоких белых наколках и синих форменных платьях с белыми передниками — санитарки.

У сестер были фиолетовые платья. А врачи — здесь были врачами только мужчины — ходили в белых халатах, коротких, с голыми по локоть руками.

Санитарки были молоденькими все до одной. По правилам госпиталя здесь могли работать только незамужние — и сестры и санитарки. Как только девушка выходила замуж, ее сразу же увольняли. Но замужем были многие и всеми силами скрывали это от администрации.

Время от времени разражались скандалы: старшая сестра вдруг начинала подозревать у кого-нибудь беременность, и тогда после осмотра врачом, если подозрения подтверждались, несчастную с позором изгоняли.

Кто и почему ввел это нелепое правило, никто точно не знал. А требовать его отмены девушки не решались.

Стив давно уже хотел организовать здесь отделение Конгресса молодежи, но девушки были инертными, да и у парней из конгресса — стоило лишь завести речь об университетском госпитале — сразу же срывались шуточки отнюдь не политического характера.

Гоке тоже был против.

— Нам нужны революционные бойцы, а не бабьи юбки, — говорил он.

«Гоке. Интересно, где он сейчас? И когда он решил-ся на штурм посольства — уже накануне, когда они договаривались о совместных действиях, или в последний момент, у запертых решетчатых ворот?»

Как все-таки Гоке изменился!»

Они были погодками и родились в одной деревне. Их отцы дружили. И когда на плантации какао, которым жила деревня, напала «черная болезнь» и мистер Грин, начальник района, приказал срубить и сжечь все деревья, их отцы вместе подались на угольные шахты — в Ива Велли. Там был верный заработок — небольшой, но верный. Два раза они приезжали оттуда на рождество, и тогда в их домах собиралась вся деревня. И Стив и Гоке то и дело бегали с пустыми колебасами — сушеными тыквами — к потайному колодцу в роще за деревней — там в большой железной бочке из-под керосина хранился «иллисит джин» — самогон из пальмового сока.

Иногда администрация района присылала в деревню полицейского — конфисковать «джин». Правда, до сих пор все обходилось — толстый Кардинал Джексон, вождь деревни, всегда умел договориться с чернокожим полицейским, но если готовилось празднество и «джина» изготавлялось особенно много, его на всякий случай хранили в общественном тайнике.

Празднества обычно продолжались дня три, и потом

шахтеры уезжали обратно без единого пенса, но с полными колбасами выпивки — расплачиваться за проезд.

Лихие водители разбитых грузовиков, окрещенных «буш-такси», считали, что самогон облегчает и сокращает им дорогу, и охотно принимали таких пассажиров.

На третий год на шахты уехала вместе со всеми своими детьми и мать Гоке. Мать Стива осталась в деревне. Так было ближе к Луису, вернее, к Центральной тюрьме Луиса, где тогда — уже в третий раз! — сидел преподобный Самуэль Огву, родной брат матери. Друзья прозвали его за смелость в борьбе за свободу — Симба — Лев, — и никто тогда не рискнул бы назвать его «Старый Симба».

Мать ездила навещать его каждый месяц и несколько раз брала с собою маленького Стива. Обычно они долго сидели у высокой тюремной стены и ждали вместе с толпой родственников других заключенных.

Арестанты, в широких белых рубашках с синими полосами, в таких же штанах и босиком, проходили мимо них небольшими группами — по восемь-десять человек.

Они шли и размахивали тяжелыми, острыми мачете, которыми косили траву в городских скверах. Полицейский, затянутый в серый мундир, изнемогая от жары, плелся сзади. Вид у него был унылый и измученный, и даже дубинка, свисавшая на шнурке, привязанном к кисти правой руки, казалась ему в тягость.

Стив все удивлялся: почему когда-нибудь арестанты не нападут на полицейского, не отнимут у него дубинку и не убегут?

Не бежал и Симба. Правда, его не водили косить траву в городском парке, на стадионе или ипподроме. Его называли «политическим», и начальник тюрьмы, северянин-гвианец, относился к нему с уважением, не говоря уж о стражниках и других заключенных.

Потом Симбу отправили куда-то на далекие острова — подальше от Гвиании.

Как-то утром, когда мать толкла ямс, а Стив, как старший из детей, раздувал угли в старой чугунной жаровне, к ним в компаунд пришел учитель — преподоб-

ный мистер Эванс Ошилим, в черном сюртуке, торжественный и важный. В руках он держал газету.

Так Стив узнал, что его отец, как и отец Гоке, как и еще восемьдесят семь шахтеров, бунтовал и требовал, чтобы белые люди платили им больше денег. И тогда были вызваны солдаты — черные солдаты, они стреляли по бунтовщикам. И все восемьдесят семь человек были убиты.

А потом в деревню вернулись и мать Гоке, и сам Гоке. Он был молчалив и угрюм. Через всю щеку у него была рана, которая долго не заживала.

Целыми днями Гоке сидел в углу хижины и молчал.

Они ходили вместе в миссионерскую школу, и преподаватель Эванс Ошилим, глядя на них, любил помянуть в своих наставлениях заблудшие души, забывшие о смирении, возгордившиеся и покаранные богом.

— Я его убью, — после одной из таких сентенций сказал Гоке.

И Стив понял — Гоке это может.

Гоке был скрытен. Сколько Стив и другие ребята из деревни ни расспрашивали его о том, как у него появился шрам, он так ничего и не рассказал. Правда, в деревне все равно знали, что он был вместе с отцом у шахтоуправления, когда на шахтеров напали солдаты, но, если бы об этом рассказал сам Гоке, это куда как было бы интереснее!

Потом вдруг все изменилось. Говорили, что над Африкой дует «ветер перемен».

Симбу вернули из ссылки. Мало того, он стал главой правительства самоуправления колонии Гвиании, и сам генерал-губернатор сэр Гибс советовался с ним по многим важным вопросам.

И Стив и Гоке переехали в Игадан, где закончили школу второй ступени, а затем поступили в Игаданский университет, в юридический колледж. С ними было еще несколько юношей из их же деревни.

За учебу платил Симба, о котором теперь говорили «Старый Симба». Это было и признаком уважения, и... Впрочем, что из того, что кое-кто из юнцов произносил слово «старый» с нескрываемым презрением?

Стив и Гоке дружили. Но в их дружбе было что-то такое, что заставляло их ревностно относиться к успехам друг друга. Казалось, что каждый из них зорко

следил за другим, стараясь не позволить ему ни в чем обогнать себя.

Они вместе создавали в университете Игадана Конгресс молодежи Гвиании. Сначала это было нечто вроде обычного молодежного клуба, которые тысячами возникали и распадались по всей стране.

По вечерам они собирались в университетском общежитии или у кого-нибудь из друзей в городе: пили пиво, танцевали под плохонький проигрыватель. Однажды кто-то заговорил о социализме. Это было модно. В стране, только что получившей независимость, все бурлило, кипело. Все ждали перемен.

Но шли дни, недели, месяцы. Английский флаг, торжественно спущенный на столичном стадионе, казалось, продолжал развеваться над страной. Отгремели звуки гимна Гвиании, впервые исполненные все на том же стадионе, но жизнь, казалось, текла по-прежнему.

И многие вдруг почувствовали себя обманутыми. Они были словно бы бегунами на длинную дистанцию: бежали долго и трудно, из последних сил, и только ожидание какого-то блестящего, невиданного триумфа поддерживало их. А когда они добежали, оказалось, что на финише нет ни судей, ни призов, ни оркестров и что триумфа не будет, а все пойдет по-старому, словно они ни к чему и не стремились так долго...

В Игаданском университете наиболее горячие, во главе с Гоке, стали призывать к действиям — немедленным, пусть даже насильственным, но чтобы они, эти действия, обязательно принесли немедленные перемены.

Однажды на очередной студенческой вечеринке Гоке обозвал Стива трусом и буржуазным слизняком. Стив говорил, что, прежде чем браться за оружие, надо разобраться, во имя чего же будет поднято это оружие и против кого.

— Да здравствует революция! — кричали сторонники Гоке.

— Но какая революция? Во имя чего? — спрашивали сторонники Стива.

— Да здравствует социализм! — вскидывал вверх кулак Гоке.

— Но какой? Марксистский? Прагматический? Африканский? — уточнял Стив.

Так в университете Игадана появились две молодежные организации с двумя лидерами — Конгресс мо-

лодежи и союз «Авангард». Затем эти организации выросли, распространились за пределы университета.

Иногда они выступали вместе. Так было в дни последовавшие за убийством Лумумбы, когда разъяренная молодежь штурмовала американское, бельгийское и французское посольства. Затем демонстрировали в поддержку бастующих портовиков. И вот теперь — у посольства США.

Стив вздохнул: не надо все-таки было громить посольство!

Шофер сбавил скорость. Желтые отблески редких фонарей набегали и уплывали, и все опять погружалось в темноту.

Но в машине вдруг стало легче дышать. Вентиляторы на щитке приборов с тихим гудением жадно всасывали воздух — свежий, прохладный, пахнувший только что политой землей садов и ночной листвой.

Стив несколько раз глубоко вздохнул: такой воздух во всем Луисе был только в районе Дикойи, бывшем белом сеттльменте. Теперь Стив знал, куда его везут — в тюрьму Кири-Кири, замок из серого камня, выстроенный еще сэром Дунканом, первым генерал-губернатором Гвиании.

По странной иронии судьбы здесь, на мысе Дикойи, насквозь продуваемом океанскими ветрами, наслаждались микроклиматом те, кто стоял на высшей ступени гвианийского общества, и те, кто оказался низвергнутым на самое его дно — в тюрьму для особо опасных преступников.

Машина плавно остановилась. Офицер, сидевший рядом со Стивом, открыл дверцу и вышел.

Нет, это еще не тюрьма! Стив сотни раз видел Кири-Кири вечером: серые стены, залитые ослепительно белым светом прожекторов.

Хорошо знакомый голос произнес приветливо:

— Хэлло! Мистер Коладе! Как вы себя чувствуете?

Из темноты появилась фигура человека в белой рубашке. Человек сел в машину рядом со Стивом.

— Полковник Роджерс?

Стив вздротнул от неожиданности.

— Да, это я. Я попросил, чтобы вас привезли сначала сюда, в Дикойи. Извините, что не приглашаю вас зайти в мой дом.

Роджерс поудобнее устроился на сиденье, делая вид, что не замечает удивления Стива.

— У нас сейчас мало времени. Мало даже для самого короткого делового разговора.

Он сделал многозначительную паузу.

Полицейские на переднем сиденье поспешно выскочили из машины.

— У меня к вам есть деловое предложение, мистер Коладе, — продолжал Роджерс. — Подождите секунду — и не возмущайтесь. Повторяю, у нас мало времени. К тому же я от вас ничего не требую: я лишь хочу, чтобы вы помогли человеку, спасшему сегодня вашу жизнь. Ему из-за этого грозят крупные неприятности. Вы можете ему помочь.

— Что? — от неожиданности голос Стива стал хриплым. — В госпитале мне сказали, что меня привез мистер Рекорд, аспирант университета. Какие у него могут быть неприятности?

— Вы ошибаетесь. Вас спас другой человек.

Роджерс затянул паузу, явно наслаждаясь растерянностью собеседника.

— Кто он? — не выдержал Стив и кашлянул — в горле было сухо.

— Русский. Петр Николаев. Запомните это имя. Стив закрыл глаза. В голове гудело.

Глава 6

В дверь постучали — негромко, но настойчиво. С вечера Петр забыл задернуть шторы, и теперь в комнату сочился серый рассвет, мгlistый и холодный. Над балконной дверью тихо гудел кондишен. Холодный воздух, нагнетаемый им в комнату, удивительно гармонировал с холодностью утреннего света.

— Войдите, — сказал Петр.

Дверь отворилась, и на пороге появился Том с подносом в руках.

— Утренний чай, са, — сказал он скучным и сонным голосом.

Ему было холодно, и он набросил на спину серый

рванный свитер, завязав рукава у себя на груди. На голову он натянул теплую шапочку, похожую на шерстяной носок.

— А я не просил чай... — удивился Петр.

Том остановился в нерешительности на полпути к кровати. На подносе стояла чашка с чаем, маленький молочник, сахарница — все из белого фаянса.

От удивления с гвианийца сонливость сняло как рукой. Он не знал, что ответить, и стоял с открытым ртом. Вид его был до того комичен, что Петр невольно улыбнулся.

В ответ на лице Тома появилась широченная улыбка

— А разве там... в России... не подают чай в постель, са? — спросил он и поставил поднос на столик около кровати.

«В России».

Всего лишь сотня часов прошла с того момента, как ИЛ-18 поднялся в небо с Шереметьевского аэродрома и Петр с волнением смотрел, как за стеклом иллюминатора теряют свои очертания домики и дороги, как вместо леса расплывается зеленый ковер, из зеленого превращающийся в голубой, а затем и в серый.

Сейчас, при воспоминании об этом, Петру вдруг стало немножечко тоскливо, словно он потерял что-то, чего не должен был терять.

Том вышел, осторожно закрыв за собой дверь.

Чай был густой, бурого цвета и необычного вкуса. Петр тут же окрестил его «пойлом» и отставил чашку. Зато молоко было свежим, холодным, и он выпил его прямо из молочника, затем откинулся на подушку и закрыл глаза.

«Как-то там сейчас», — думал он, вспоминая поселок в Подмоскowie, тихий и зеленый, где среди старых яблонь стоял его родной дом. Здесь он родился, здесь он ходил в школу, отсюда уехал в Ленинградский университет.

Довоенные годы он помнил смутно. Они ассоциировались в его памяти с ярким, звонким Первомаем, когда отец взял его в Москву и нес на плече в колонне веселых, празднично одетых людей, а он из всех сил размахивал красным флажком на новенькой, пахнущей смолой круглой палочке. И теперь, когда говорили «до войны», то время казалось ему сплошным праздником, разом окончившимся тревожным днем, когда взрослые вдруг столпились около столба с боль-

шим черным репродуктором, а они, мальчишки, еще не понимая серьезности происходящего, весело бежали по улице и радостно кричали: «Война! Война!» — пока кто-то не цыкнул на них, и они вдруг присмирели и тихо разошлись по домам.

Отец ушел в первый же день... И теперь Петру вспоминались серые треугольники писем, завтраки, которые давали им в школе, — пюре из сладкой, мороженой картошки с кислой капустой и кусочком тяжелого, похожего на глину хлеба.

В школе Петр учился хорошо, но особенно увлекался историей и географией. Причиной тому была книга, которую подарил ему перед уходом на фронт отец. Это было иллюстрированное издание, называвшееся «История географических открытий», и Петр не расставался с ним ни на минуту. Он десятки раз перечитывал уже хорошо знакомые главы и мог часами рассказывать их содержание мальчишкам, валяясь на золотистом пляже у Клязьмы или забравшись осенним дождливым вечером на чердак сарая, где пахло сеном и кошками.

Отец пришел с фронта без единой царапины. И хотя грудь бравого гвардейца-танкиста была увешана медалями и орденами, Петр чувствовал себя неловко: у многих его друзей отцы не вернулись совсем, у других пришли инвалидами.

Живой, непоседливый, вечно придумывавший какие-нибудь шальные игры, Петр слыл в поселке заводилой. И уже на второй день пребывания дома отец отшлепал его своим широким солдатским ремнем — соседи пришли жаловаться, что Петька с командой разобрал у них сарай, а доски пустил на крышу «штаба» — землянки в лесу, в которой все местные мальчишки собирались курить самокрутки из сосновой хвои.

После взбучки отец приказал Петру отвести его к «штабу», осмотрел землянку, раскритиковал ее, велел разобрать и вернуть доски соседям. Сарай они восставляли под его руководством всей командой.

Отдыхал отец дома от силы дней десять, а потом пошел в соседнее автохозяйство. Там ему предложили заведовать гаражом. Но он отказался.

— Эта работа для инвалида, а я мужик здоровый, — рассудил он, — покручу-ка еще баранку.

Ему поручили дальние рейсы.

Уже потом, через несколько лет, Петр понял, в чем

было дело. Он понял это, слушая в редкие вечера, когда отец бывал дома, рассказы о походе в Венгрию, Румынию и Австрию, о далеком Дунае, Карпатах и Альпах. Ветер странствий, подхвативший солдата во время войны, не переставал звать его в дорогу.

Это оказалось заразительным. И когда Петр, сдавая на исторический факультет Московского университета, недобрал одного очка и ему предложили поступить на истфак в Ленинграде, он даже обрадовался этому. С собою он взял и том «Истории географических открытий».

Ленинград. Все свободное время — а его оказалось вдруг так много, ведь теперь не нужно было, как в школе, каждый день сидеть над тетрадами, готовя уроки! — Петр бродил по городу. Он буквально жил Ленинградом: его набережными, чугунными решетками мостов, торжественной тишиной музеев...

Так он впервые оказался и в Музее этнографии. И здесь перед ним ожили страницы «Истории географических открытий». Петр приходил в музей все чаще и чаще. Сначала он бывал здесь один. Потом, увлеченные его рассказами, пришли трое однокурсников, с которыми он делил комнату общежития. И так уж получилось, что он вдруг оказался старостой научного кружка этнографии, в который и вовлек почти весь свой курс.

Именно в те дни Петр вдруг понял, как мало знает и умеет.

Он пытался вести дневник, на первой странице написал:

«До окончания университета стать всесторонне развитым человеком: выучить английский язык, научиться фотографировать, печатать на машинке, водить машину, стрелять, хорошо плавать. Изучить стенографию. Прослушать курсы лекций по музыке, живописи, архитектуре...»

Дальше дневник не продвинулся, но все, что было записано на первой странице, осуществилось. Все, кроме стенографии. Зато английским Петр овладел неплохо.

Его тянуло к спорту. Сначала было увлечение штангой, потом боксом. Бокс сменился автогонками.

Но чем бы он ни увлекался, чем бы он ни занимался, Африка оставалась его единственным настоящим увлечением. Он мечтал о поездке в далекие жаркие страны, о поездке, в которой ему должны были бы пригодиться

и английский язык, и бокс, и все, чему он учился в университете.

По-настоящему это началось, когда он познакомился в Музее этнографии с человеком, всю жизнь посвятившим Черному континенту, много ездившим в свое время по свету, а сейчас прикованным многочисленными болезнями к тихому кабинету при музее.

Ни с кем еще Петр не чувствовал себя так легко и свободно, как с этим своим новым знакомым. Они подружились. И чем чаще Петр встречался с ним, тем больше его к нему тянуло. Старик буквально бредил Африкой. Особенно много он говорил о Северной Гвинии — пожалуй, единственном уголке Западной Африки, где он не побывал и куда собирался поехать: «Вот только здоровье чуть поукрепнет — и тогда...»

Он-то и рассказал впервые Петру о падении султана Каруны и бравом лорде Дункане. Потом он подарил Петру редкую книгу — том писем самого Дункана, — и Петр забыл даже и об автогонках.

Да, лорд Дункан был в Англии чуть ли не национальным героем. Еще бы! Когда в конце девятнадцатого века европейские державы, словно голодные хищники, набросились на Африку и со скандалами стали делить ее, лорд Дункан был именно тем человеком, который урвал для Англии львиную долю добычи.

Его прекрасно обученные и хорошо вооруженные отряды захватили в Западной Африке огромную территорию султаната Каруны, находившегося с Англией в договорных отношениях. Официальным предлогом для разрыва договора о дружбе и мире послужило убийство английского офицера и отказ султана Каруны выдать убийцу. Но участь султана была решена еще раньше — когда на его северных границах появились отряды французских экспедиционных войск. И лорд Дункан, генерал-губернатор британских колониальных владений, граничащих с султанатом с юга, не мог допустить, чтобы французы проглотили такую добычу. Английский офицер погиб весьма кстати.

Петр читал письма лорда Дункана и удивлялся, как откровенно они были сделаны «на публику» — лорд всеми силами старался создать себе романтический ореол и преуспел в этом.

И все же письма лорда Дункана волновали Петра. Это был рассказ о сложной жизни далеких народов,

о хитрых интригах и жестоких сражениях, о неоткрытых землях и удивительных обычаях.

Старик умер, когда Петр был на пятом курсе. Родственников у него почти не было, и Петр, стоя на талом, утоптанном снегу у рыжего холмика свежей могилы, думал, что его старый друг так и не собрался в Северную Гвианию...

Через несколько месяцев Петр переехал в Москву и поступил в аспирантуру Института истории. Темой диссертации он выбрал колонизацию Северной Гвиании. Но и тогда он не предполагал, что когда-нибудь окажется здесь, в Гвиании!

— Вот ведь как оно получается! — подумал Петр и поймал себя на том, что сказал это вслух.

С той самой минуты, когда он поднимался по трапу самолета в аэропорту Шереметьево, смутное беспокойство не оставляло его. Впереди был чужой мир, в котором ему предстояло и жить, и работать. Что ждало его там? А теперь это беспокойство окрепло, усилилось. Вчерашний злосчастный инцидент отравлял все. И Петр не сомневался, что во время предстоящей встречи с послом ему придется выслушать по меньшей мере строгую нотацию.

В дверь постучали.

— Войдите!

Петр приподнялся на локте.

Дверь отворилась, и снова появилась возбужденная физиономия Тома.

— Один человек хочет вас видеть, — торопливо сообщил он.

— Меня? Но...

Петр удивленно пожал плечами: кто бы это еще мог быть? Неужели опять Глаголев?

Но, к удивлению Петра, в холле, кроме Роберта, сидящего в кресле, оказался лишь гвианец, одетый в национальную одежду — просторный, длинный, ниже колен, балахон и широкие шаровары — короткие, стянутые на лодыжках. Все это было из грубой, вероятно домотканой, материи золотистого цвета, расшитой строгими зелеными узорами. Одежда дополнялась кожаными башмаками, вышитыми бисером, и шапочкой, похожей на ночной колпак, из той же золотистой материи.

Незнакомец был бородат, но борода не скрывала глубокого шрама на щеке.

— Это к вам, Питер, — Роберт внимательно посмотрел на Петра. — Мистер Гоке Габойе, лидер союза «Авангард». Один из местных красных, тех, что вчера...

Он не договорил.

— Доброе утро, товарищ, — спокойно произнес Гоке и упруго, по-кошачьи, пошел навстречу Петру, на ходу откидывая на плечи широченные рукава своего балахона и освобождая руки, худые и длинные.

— Простите, что я так бесцеремонно ворвался к вам.

Глаза гостя были острыми, он словно прицеливался.

«Какое интересное лицо, — думал Петр, пожимая худую руку гостя. — Нервное, умное. А глаза... глаза, как у пантеры...»

— Вы спасли нашего товарища, — сказал Гоке. — Революционеры Гвиании в неоплатном долгу у вас.

Горящие, бешеные глаза смотрели прямо в лицо Петру.

— Если бы не вы, агенты империализма...

Австралиец откровенно усмехнулся и закинул ногу на ногу, словно подчеркивая, что он не имеет к происходящему абсолютно никакого отношения.

— ...зверски расправились бы с нашим боевым товарищем. Революционеры Гвиании всегда будут вам благодарны за это. И сегодня, в этот день...

Голос гостя становился все более торжественным, и Петру стало не по себе. Слишком уж выпрени были слова и слишком театральны жесты. «А ведь он на самом деле не такой. Ведь он притворяется!» — неожиданно мелькнула мысль. И решение пришло сейчас же.

— Я опаздываю на встречу с послом, — решительно сказал Петр и спохватился: не грубо ли?

Но Гоке не растерялся.

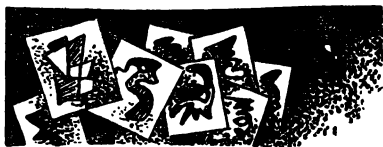
— Простите, — неожиданно весело и добродушно улыбнулся он. — Это уже привычка — от частых выступлений на митингах. Короче говоря, я пришел, чтобы от имени семьи Коладе пригласить вас на прием, который устраивает Майкл Коладе, главный редактор газеты «Экспресс», брат Стива.

Он пошарил в кармане и вытащил оттуда два конверта из плотной белоснежной бумаги.

— Здесь все написано — и время, и адрес.

Он протянул один конверт Петру, другой Роберту.

Глава 7

Роберт привез Петра к советскому посольству без пяти минут девять.

— Встретимся на факультете. Ваш консул знает, где это, — сказал он, и «пежо» рванулся по узкой улочке, оставив Петра перед решетчатыми воротами, за которыми в глубине сада виднелся двухэтажный особняк.

Петр помедлил перед воротами. Справа от особняка, в тени деревьев манго, стояло несколько машин иностранных марок с красными номерами. Около них весело болтала группа африканцев в зеленой униформе и фуражках.

Заметив Петра, они вдруг замолчали. Потом один из них, судя по уверенности, с которой он держался, — старший, подошел к воротам и приветливо кивнул.

— Хэлло, сэр? Вам нужен кто-нибудь из советского посольства?

— Мне нужно к послу, — несколько неуверенно сказал Петр.

— Он вам назначил время?

Гвианиец был дружелюбен, но строг.

— Пропустите его, Аде! — раздался в этот момент голос Глаголева, и сам он легко сбежал с невысокого крыльца особняка, на ходу поглядывая на часы.

— А вы пунктуальны. Алексей Владимирович это любит.

Глаголев открыл калитку в воротах и приглашающе махнул рукой:

— Прошу!

Петр вошел, и они обменялись рукопожатиями.

Сегодня Глаголев показался ему гораздо проще, чем вчера. Он был без пиджака, в белой рубашке с длинными рукавами, галстук его был скромн, модные ботинки припорошены красной пылью. Очки задорно блестели.

Легонько подталкивая Петра в спину, он быстро провел его через приемную посольства — маленькую комнату, в которой за столиком сидела молодая женщина и что-то медленно выстукивала на машинке.

Она с любопытством посмотрела на Петра.

— Это Николаев, — на ходу сказал ей Глаголев. Она кивнула и приветливо улыбнулась, из чего Петр заключил, что о нем в посольстве все хорошо известно.

Пройдя по короткому коридору, они поднялись по скрипучей, красного дерева лестнице с шаткими перилами и натертыми до блеска ступенями на второй этаж и остановились на неширокой площадке, на которую выходило две двери — деревянная и железная.

— Референтура, — кивнул Глаголев на железную и легонько постучал в деревянную.

— Кам ин! (Войдите!) — слышалось оттуда по-английски, и Глаголев толкнул дверь.

Они вошли в просторную светлую комнату, две стены которой были сплошь стеклянными и занавешены решетчатыми жалюзи из голубых пластмассовых планок.

Хозяин кабинета уже шел им навстречу от большого стола, заваленного книгами.

Он широко улыбался. Это был худощавый высокий человек в белой рубашке с длинными рукавами. Серый галстук аккуратно затянут. На легких серых брюках острые складки.

Волосы его отливали серебром, но лицо, тронутое желтоватым тропическим загаром, казалось удивительно молодым. Посол улыбнулся, показав великолепные белоснежные зубы, и представился:

— Алексей Владимирович...

Петр открыл было рот, чтобы назвать себя, но посол поднял руку:

— Знаю, знаю...

Он с любопытством оглядел Петра, чуть склонив голову набок.

— Значит, представитель советской африканистики...

— Аспирант Института истории, — уточнил Петр.

— Что ж, прошу!

Алексей Владимирович сделал приглашающий жест в сторону трех массивных кресел, стоявших возле низкого и круглого стеклянного столика. И пока Петр и Глаголев усаживались, достал из небольшого шкафчика, стоявшего рядом, ярко-красный термос и три чашки.

— Кофе! Только что сварен, — сказал он и разлил кофе по чашкам.

Затем достал оттуда же вазочку с печеньем и поставил ее на стол.

— Ну вот вы и здесь!— сказал он, усаживаясь в кресло и все с тем же любопытством глядя на Петра.

Петр поднес чашку к губам и мельком оглядел комнату. Стена, возле которой стоял письменный стол, была завешена огромной картой Гвиании. Вдоль нее на всем протяжении шел низкий и длинный шкаф, забитый книгами в ярких обложках. Петр почувствовал, что его охватывает зависть: это были книги по Африке. Он невольно вздохнул.

Посол усмехнулся:

— Знакомая реакция! При виде новых книг я веду себя так же.

Он обернулся к Глаголеву:

— Вот видите, оказывается, товарищ Николаев интересуется не только кулачными боями!

И хотя в голосе посла были шутливые нотки, Петру стало невольно не по себе, и он мысленно приготовился к неприятному разговору.

Посол отпил кофе, помолчал.

— Ну ладно,— сказал наконец он.— С товарищем Глаголевым у нас уже была беседа.

Петр украдкой глянул на Глаголева. Тот слушал с непроницаемым лицом.

«А ему, видимо, здорово за меня попало»,— подумал Петр.

— Товарищ Глаголев здесь ни при чем,— начал было он, но посол перебил его:

— Дело не в том, кто виноват. Но как вы, человек с университетским образованием, любящий книги... Так по крайней мере писал мне о вас ваш научный руководитель и мой старый друг профессор Иванников — и вдруг... пустились в кулачный бой.

Он усмехнулся и недоуменно пожал плечами.

— Честно говоря, вы всех нас здесь здорово подвели. Конечно, мы и эту кашу расхлебываем, и не такое бывало, но как же вы... как же вы не подумали, чем все это может кончиться?

В голосе его было искреннее огорчение, и Петр почувствовал, что, как мальчишка, заливается краской.

Посол легко поднялся из кресла и подошел к карте Гвиании.

— Собственно, мы должны были этого ожидать. Си-

туация в стране настолько остра, что кое-кто здесь готов пойти на все, чтобы только скомпрометировать нашу страну, — сказал он, разглядывая карту. — Лакомый кусочек: колумбит, нефть, арахис, какао, пальмовое масло. И за все это сегодня идет самая настоящая грызня. Англичане, бывшие хозяева Гвиании, дали ей независимость, но оставлять страну в покое и не собираются. А американцы, западные немцы, Израиль рвутся сюда изо всех сил. Это раз.

Он загнул мизинец на левой руке и обернулся к Петру.

— Второе. Внутри самой страны — недовольство. Рабочий класс здесь довольно развит, имеет боевые традиции, но расколот: Его поддерживают мелкая буржуазия, ремесленники, фермеры. Все они недовольны, что «гвианизация» проходит медленно — иностранцы все еще занимают важнейшие политические и экономические позиции в стране. С другой стороны, племенные вожди, крупные бизнесмены и профессиональные политики. Эти грызутся за власть. Они тоже против иностранцев, за то, чтобы вытеснить их и занять их позиции.

Посол улыбнулся:

— О них в Гвиании говорят, что их идеалы — белая жена, черный «мерседес» и разноцветная вилла.

— Но есть и такие, кому хорошо жилось и при колонизаторах, — произнес Глаголев.

Посол кивнул.

— Правильно. Именно из таких элементов западные державы создают здесь свою агентуру.

— А правительство? Как на все это смотрит правительство? В нашей печати о Гвиании пишется так мало, что...

Петр не окончил фразу.

— У нас ровные отношения, — осторожно начал посол. — Развиваются кое-какие контакты, есть небольшая торговля. Гвианцам выгодно иметь с нами дело, но развитие советско-гвианийских отношений невыгодно Западу. Словом, западные страны делают все, чтобы затормозить развитие наших отношений, а при возможности — заморозить их совсем.

— Ну, а нейтралисты? Левые? Я видел листовку с предупреждением о забастовке. Это что? Серьезно? — с интересом спросил Петр.

— Еще как!

Лицо посла стало строгим.

— Профсоюзам Гвиании, кажется, удалось в конце концов договориться о совместных действиях. А этого здесь боятся как огня и западные державы, и те, кто на них ориентируется. Сейчас они будут лезть из кожи вон, чтобы не допустить создания единого фронта профсоюзов. Я уверен — они пойдут на все, на любые провокации, вплоть до обвинения нас, советских людей, в организации всеобщей забастовки.

— Старый прием! Кто в такое сейчас поверит! — иронически заметил Петр.

— Вы так думаете? — посол склонил голову набок и усмехнулся. — Старые приемы-то самые надежные. Он посмотрел на Глаголева, словно ища поддержки.

— Особенно здесь, где люди не столь искушены во всем этом, как в Европе, — заметил консул.

Петр почувствовал, что опять краснеет.

«А ведь они опять это подводят ко вчерашней истории, — подумал он. — Действительно, как все глупо получилось! И я-то хорош! Нет, впредь надо быть умнее!»

Посол словно прочел его мысли и сразу переменял тему разговора.

— Ну, хватит пока о наших заботах. Поговорим о ваших. Профессор Иванников просит меня помочь вам с поездкой на Север. Конечно, ситуация в стране не совсем подходящая для этого, но попробуем. Кстати, ваш здешний метр, профессор Нортон, исключительно интересный человек. И с весом!

Посол многозначительно поднял указательный палец.

— Думаю, что с его помощью мы устроим вам эту поездку. Кстати, что это за история с письмом Дункана, о котором мне пишет Иванников?

После разговора у посла Глаголев затащил Петра в свой кабинет — крохотную комнатку, заваленную газетами, журналами, какими-то проспектами.

— Ну как вам понравился наш? — спросил Глаголев. И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Умница.

Петр кивнул, вспоминая, с каким увлечением слушал посол его рассказ о письме султана Каруны, о лорде

Дункане. Чувствовалось, что он прекрасно знаком не только с внутренней и внешней политикой современной Гвиании.

Глаголев убрал в сейф какие-то бумаги.

— Кстати, вы ведь и не знаете, кого вы вчера вытащили из драки,— сказал он, поворачивая ключ в массивной стальной дверце.— Стива Коладе, племянника самого президента!

Петр вздохнул:

— Ох, как же я жалею, что влез в эту историю!

— Да?

Глаголев рассмеялся:

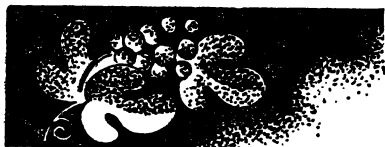
— Подождите, эта история еще вспомнится и вам лично, и всем нам! Вот поверьте мне.

Петр встал.

— Мне пора. Вот если бы вы меня еще подбросили сейчас в университет, было бы совсем хорошо.

— Уай нот? — сказал Глаголев по-английски, перевел: — Почему бы нет? — и они вышли из комнаты.

Глава 8

Часы на университетской башне пробили полдень. — Итак, сегодня мы обедаем в клубе с профессором Нортон. Ровно в час,— австралиец оторвался от разложенных перед ним листов фотобумаги, усеянных арабскими письменами.— Профессор не любит опозданий!

Петр молча кивнул, продолжая читать «Дневник участника похода на Север». Это был толстый фолиант, изданный в 1907 году в Лондоне.

Вот уже три недели как Петр в Гвиании. Нортон сразу же запряг его в работу. Как только Петр появился в университете после визита в посольство, профессор отправил его в университетскую библиотеку подобрать все, что там было о падении султаната Каруны. И главное, все, что касалось требования лорда Дункана о выдаче убийцы капитана Мак-Грегора.

У профессора была своя система.

— Наука — это дисциплина,— сказал он, приведя Петра в небольшую комнатку на галерее одного из учебных корпусов, разбросанных по тщательно подстриженным и ухоженным зеленым лужайкам университетского городка.

В комнате стояло два стола, за одним из которых уже корпел над книгами Роберт Рекорд.

Профессор обращался со своими аспирантами как с непоседливыми школьниками.

Он требовал, чтобы они строго выполняли установленные им правила: начинали занятия в восемь часов утра, а кончали в четыре. Петр подчинился этому с удовольствием и с вечера заказывал книги в библиотеке, а утром вместе с австралийцем тащил их в свою учебную комнату.

Роберт оказался хорошим компаньоном — собранным, молчаливым. Он работал над темой, связанной с работорговлей и ее влиянием на экономику районов, ставших затем Республикой Гвианией. Сейчас он разбирал фотокопии документов на языке хауса, которым владел довольно хорошо.

Отложив бумаги, он встал из-за стола, потянулся так, что хрустнули суставы, и прошелся по комнате.

Петр закрыл книгу и зажмурил уставшие глаза.

Роберт, прохаживавшийся по комнате, вдруг резко остановился.

— А что вы скажете, если профессор пошлет вас на север Гвиании — порыться в архивах Каруны?

Он пристально посмотрел на Петра.

— Это же здорово!— вырвалось у того.— В этом ведь, собственно, весь смысл моего пребывания здесь! Если я обнаружу документы, проливающие свет на то, как в действительности была начата колонизация Севера...

Австралиец саркастически прищурился:

— Вы... что же... действительно думаете, что где-то там, на Севере, потомки султана Каруны хранят для вас копию письма своего неудачливого предка к бравому лорду Дункану?

Он рассмеялся.

— Но история всегда ухитряется сохранить какие-нибудь свидетельства!— упрямо заметил Петр.

— Что ж, вы, пожалуй, правы.

Австралиец возбужденно хлопнул в ладоши.

— Честно говоря, я тоже заинтересован в этой поездке. Я здесь дьявольски устал и хочу проветриться. Отдохнуть от университета. Итак, союз! Я подаю профессору мысль о поездке на Север, а вы просите, чтобы он разрешил мне поехать с вами. Тем более что у меня есть машина, а у вас нет. Ну?

Петр охотно кивнул.

— Конечно, вдвоем лучше,— согласился он.— А почему вы сами не хотите спросить разрешения у профессора?

Роберт фыркнул:

— Ха! Старик со странностями. Никогда не знаешь, что он вдруг выкинет. А к вам он с первого же дня проникся уважением. Уж я это чувствую! Кстати... нам пора выезжать. Если мы опоздаем хоть на десяток минут, профессор нас съест живьем.

По дороге до самого клуба Роберт молчал. Впервые за три дня Петр видел его озабоченным.

Приехали они минут на пятнадцать раньше и поставили машину на площадке, на которой прямо по асфальту было написано белой краской: «Только для старших сотрудников».

Такая же надпись висела и над неширокой аллеей, образованной зелеными стенами ровно, словно по ниточке, выстриженных цесарин — похожих на кипарисы деревьев. Аллея вела к длинному одноэтажному зданию из стекла и бетона, окруженному зеленью просторной лужайки.

Это был клуб, куда имели доступ лишь профессора, преподаватели и представители административной верхушки университета. Студентам вход сюда был строго-настрого заказан.

Гвианиец, служитель в серой университетской форме, сидевший за конторкой у входа, вопросительно поднял глаза на вошедших.

— Мы приглашены профессором Нортоном,— привычно сказал Роберт.

— Да, да, мистер Нортон ждет вас. Проходите, пожалуйста,— поспешно ответил служитель.

Боб весело подмигнул Петру. Они пересекли довольно большой зал, судя по всему, служивший библиотекой.

Петр с интересом огляделся. В зале было два-три человека: они читали газеты, развалившись в креслах и

вытянув ноги. Вдоль единственной нестеклянной стены на высоте человеческого роста были развешаны черно-серо-белые эстампы в тонких металлических рамках без стекол.

— Элино́р Карли́сл,— сказал австралиец. — Хотите посмотреть?

И опять, как тогда, в первый день своего приезда, Петр уловил в его голосе странные нотки.

Они подошли к стене и медленно пошли вдоль нее, разглядывая эстампы.

Художница вызвала на свет фантастических чудовищ, поселила их среди изломов линий, геометрических фигур и пятен. Все это было похоже на горячечный бред, но чем больше Петр смотрел на эстампы, тем спокойнее было у него на душе. Сейчас они удивительно совпадали с его настроением. И в то же время они словно протестовали против тихой порядочности и благопристойности зала, на стене которого висели.

— Кто она?— вдруг непроизвольно вырвалось у Петра.

Австралиец вздрогнул. Но когда он обернулся к Петру, лицо его опять было спокойным, а голос, как всегда, ироническим:

— Она здесь живет довольно давно. Приехала с профессором истории из Женевы. Потом кто-то кого-то бросил: то ли она его, то ли он ее. Профессор уехал лет пять назад на острова Папуа, а она осталась. Живет милях в шестидесяти отсюда — в деревне Огомощо.

— Она... замужем?— спросил Петр и вдруг живо представил лицо Элино́р: большие, блестящие глаза изумрудно-зеленого цвета. И сейчас, глядя на буйство черно-белых эстампов, он вдруг отчетливо увидел их опять.

— Здравствуйте,— раздался рядом голос Элино́р.

Петр поспешно обернулся и одновременно всем своим существом вдруг почувствовал, как напрягся Роберт.

Рядом с нею был доктор Смит: высокий, подтянутый, в белоснежных шортах и такой же рубаше с открытым воротом. Волосы его были мокры и тщательно причесаны.

— Хэлло!— дружелюбно сказал Смит и протянул руку сначала Петру, а затем Роберту.— Мы из бассейна. Вода сегодня изумительна. Оказывается, здесь ее специально охлаждают!

Элино́р тоже была в шортах. Ноги ее были стройны и красивы. Чувствовалось, что она знала это. Знала она, что у нее красивы и руки — блузка ее чайного цвета была без намеков на рукава. Пластмассовый полуобруч придерживал короткие мальчишечьи волосы.

— Только не ходите в бассейн с Джерри, — сказала она весело и кивнула на доктора Смита. — Он помешан на спорте: меня он заставил сегодня проплыть без передышки двадцать кругов. Говорит, что в год нормальный человек должен наплавать сколько-то там миль. Это, мол, точно определили японцы.

Петр покосился на австралийца. Тот улыбался безразличной улыбкой... и молчал.

«Однако, она уже называет американца Джерри, — отметил Петр. — Быстро же!»

— Вы, наверное, как и Джерри, не принимаете абстракции, — улыбнулась ему Элино́р, кивнув на эстампы. — Как я ни пыталась объяснить доктору Сми́ту, что все это значит, он так ничего и не понял!

Последние слова были сказаны нарочито громко, и американец услышал их.

— Я ученый, а ученые любят точность. Точность и конкретность, — серьезно ответил он.

— А вы?

Художница выжидающе смотрела на Петра.

— Ученый, не умеющий подойти от конкретного к абстрактному, — не ученый, — резко сказал Петр, но, поймав удивленный взгляд американца, устыдился своей резкости.

— Впрочем, я полнейший профан в искусстве, — признался он. — А что думают о ваших работах гвианийцы?

Элино́р провела ладонью по волосам, поправила обруч. Лицо ее стало серьезным. Она испытующе посмотрела на Петра.

— Все это не так-то просто, — грустно сказала она. — Но если вы будете проезжать через Огомощо, вы кое-что поймете. Это недалеко от Луиса.

— Так вот они где! А я уже выпил полбара и прикончил бы все, что там есть, если бы не Расаки!

Профессор Нортон со стаканом виски в толстых пальцах стоял на пороге зала. Рядом с ним вежливо улыбался служитель, встретивший Роберта и Петра у входа в клуб.

— Э-э! Не затуманивайте головы моим парням!

Профессор погрозил Элинор пальцем-сосиской.

— ЮНЕСКО посылает их сюда заниматься наукой, а не крутить романы. В здешнем климате любовь и наука противопоказаны! Хо-хо-хо!

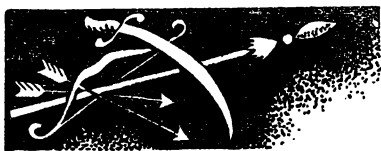
Он расхохотался на весь зал, и читатели газет высунулись из-за своих бумажных простынь.

— Вас ждут, — почему-то тихо сказала Элинор.

— Да, — так же тихо ответил Петр.

К ним подошел доктор Смит, вежливо коснулся ее локтя. Она ласково кивнула:

— Да, да, Джерри. Идем.

Глава 9

Этот вечер Петр с Бобом провели над картой Гвиании. Профессор Нортона, размягченный долгим пребыванием в баре университетского клуба, согласился отпустить австралийца вместе с Петром, хотя и поворчал, что мистер Рекорд еще не заработал себе права на пикники с приятелями.

— Да уж ладно. Так-то оно, может, и лучше, — вздохнул он, думая о чем-то своем и, видимо, не особенно приятном.

Зато в хорошем настроении был в этот вечер полковник Роджерс. Прежде всего преподавательницы католической школы «Сердце Иисуса», где учились два сына и дочь полковника, порадовали мистера Роджерса письмами, в которых, подводя итоги за последнюю четверть, очень высоко оценивали успехи всех троих.

Полковник любил своих детей и всегда сам проверял, как они выполняют домашние задания. К тому же он был активнейшим членом попечительского совета и главным организатором школьных праздников — здесь фантазия полковника была поистине неистощима.

Несмотря на громкие протесты детей, выключив телевизор ровно в восемь, как только знаменитая теледикторша Гвиании мисс Сюзи объявила своим звонким

голосом об окончании детских передач, и, удостоверившись, что все трое сразу же после ужина пошли спать, полковник отправился на своем ярко-красном «ягуаре», мощном спортивном автомобиле, покататься в Дикойи, парк-поселок, огромный зеленый лабиринт вилл, улиц и улочек, тупиков и перекрестков.

Даже жители Луиса порой путались в этом бывшем сеттльменте, куда доступ самим гвианийцам до получения Гвианией независимости был строго-настрого запрещен. Но полковник знал парк и каждый вечер отправлялся кататься по его пустынным аллеям один.

— Человек ежедневно должен побыть наедине с самим собой хотя бы пару часов, — говаривал он. — Для душевного равновесия.

И сегодня, наслаждаясь скоростью верного «ягуара», бесшумно мчащегося по темным аллеям парка, полковник спокойно обдумывал ход событий. Все шло по плану. Стив не подвел его.

Мало кто из нынешних сотрудников полковника знал, что всегда спокойный и сдержанный мистер Роджерс честолюбив. И сейчас полковник довольно улыбался, вспоминая удачное начало многообещающей операции «Хамелеон».

Он спрятал улыбку, лишь когда свет фар вырвал из темноты переулка зеленую табличку: «Мр. Девон, Американское информационное агентство».

Оба они — и полковник, и американец — любили шахматы и частенько сражались здесь, на вилле шефа отделения Американского информационного агентства в Гвиании.

— Итак, товарищ Николаев выезжает на Север, — сказал полковник, делая ход пешкой — е2—е4.

— Знаю, — ответил американец, передвигая свою пешку.

Полковник сделал еще ход.

— Королевский гамбит?

Американец удивленно поднял густую серебряную бровь:

— Обычно вы предпочитаете более спокойные партии... Что ж, теоретически вызов лучше всего принять. Итак?

— Итак, товарищ Николаев едет искать письмо султана Каруны...

— Вас это волнует? Беру пешку...

— Надеюсь, защищать свою пешку вы не будете... Нет, пусть это волнует кого-нибудь еще. Например, моего земляка Прайса. Кстати, Николаев едет в район вашей базы слежения за спутниками. Ваш ход, сэр...

— Вывожу коня... А вы все не можете нам ее никак простить?

— Да, сейчас бы мы вам ее здесь построить уже не разрешили.

— Не хотите делиться гвианийской нефтью?

— Конечно! Вам шах.

— Спасибо.

— А как насчет экспедиции доктора Смита? Они отправляются на плато через девять дней. Вы в нем уверены?

Американец внимательно посмотрел на Роджерса.

— Доктор Смит — настоящий американец, — напыщенно заметил он.

— Это я знаю. Пьет только соки, не шляется с уличными девками. Ухаживает с серьезными намерениями за мисс Карлисл. Мат. Сегодня вы невнимательны, дорогой коллега.

Полковник взглянул на часы.

— Прошу прощения. Мне пора, а то жена будет беспокоиться.

А через десять минут «ягуар» полковника остановился на перекрестке в противоположном конце парка. Фары его мигнули раз, два, три...

Из темноты выросла фигура человека.

— Садитесь на заднее сиденье, — приказал Роджерс.

— Но...

— Хотите, чтобы нас увидели вместе? Нет? Тогда без разговоров!

Человек медлил.

В этот момент из-за поворота из густой тьмы на бешеной скорости вынырнула небольшая спортивная машина. Яркий свет фар на мгновение уперся в красный «ягуар», выхватив как на экране Роджерса и стоящего на обочине человека, поспешно закрывшего рукой лицо.

Машина вихрем промчалась мимо.

— Кто это? — резко спросил полковник.

— Не знаю... Кажется, в машине сидела какая-то женщина, — ответил его собеседник.

Хлопнула дверца. «Ягуар» взревел и прыгнул в темноту.

А еще через полчаса полковник Роджерс уже сидел в ванне, мурлыкая какую-то песенку, и улыбался своим мыслям.

В парке же в это время катался мистер Девон, он тоже любил иногда побывать наедине с собой. Кроме того, ему хотелось немного проветриться — сегодня предстояло еще поработать. Он знал, что до глубокой ночи не погаснут сегодня огни в штабе Конгресса профсоюзов Гвиании. Штаб этого левого профсоюзного объединения размещался в старом трехэтажном особняке в рабочем квартале Луиса, примыкавшем к железнодорожному депо и мастерским.

Собственно, профсоюзам принадлежали лишь верхние два этажа: первый этаж занимала мастерская по ремонту электрооборудования, где хозяйничал тощий, больной туберкулезом техник с дипломом, полученным в Соединенном королевстве. Там же он получил и туберкулез.

Сегодня в зале заседаний Конгресса, на третьем этаже, в просторной комнате, заставленной рядами дешевых стульев, повернутых к невысокой, грубо сколоченной кафедре, собрались лидеры всех профсоюзных объединений страны.

Инициатором встречи был Конгресс профсоюзов Гвиании, но вопрос был настолько важным, что на встречу пришли и лидеры «Трудового центра» во главе с самим хаджи Имолой, членом палаты вождей Северной Гвиании, и группа руководителей Рабочего союза, которым вот уже почти двадцать лет правил старик Димоду, рабочий вождь «номер один», как называли его в Гвиании.

Был здесь и Адесанья, руководитель небольшого объединения католических профсоюзов, совершенно лысый господин с круглым благообразным лицом.

Все они настороженно посматривали на Бора, лидера Конгресса профсоюзов Гвиании, который по праву хозяина помещения и инициатора встречи занял место председателя за длинным столом, покрытым красной скатертью.

Здесь же на столе стоял небольшой бронзовый бюст

Ленина. На стене, за спиной Бора, висел плакат «Рабочие и трудящиеся Гвиании, объединяйтесь!», а еще ниже — эмблема Конгресса: на красном фоне рукопожатие трех черных рук — рабочие, крестьяне и интеллигенция.

Справа от стола, рядом с входной дверью, висела старая классная доска, на которой мелом крупным, размашистым почерком была написана повестка сегодняшней встречи: «Положение трудящихся Гвиании и всеобщая забастовка».

Открытие совещания задерживалось: ждали Гоке, который все еще не вернулся от Стива, все-таки уложенного врачами в постель. Стив должен был сообщить Гоке свое мнение о предстоящей забастовке, с тем чтобы Гоке высказал его на сегодняшней встрече профсоюзных лидеров.

В другой раз эту миссию Гоке, может быть, и не доверили бы: Конгресс молодежи Гвиании примыкал к Конгрессу профсоюзов Гвиании, а Гоке со своим союзом «Авангард» — к объединению старика Димоду. Но сегодня ожидали, что все враждующие профсоюзные группировки придут к единому решению: начать всеобщую забастовку, и поэтому Гоке мог представлять и своего друга Стива.

Два дюжих парня внесли картонку местного пива — большие зеленые бутылки фирмы «Стар». Следом за ними сестра Бора — шестнадцатилетняя красавица, работающая у брата секретарем, — принесла поднос с перевернутыми стаканами.

Парни водрузили картонку прямо на председательский стол, сюда же был поставлен и поднос со стаканами. Затем все вместе во главе с самим Бора принялись ловко открывать пивные бутылки и разливать пиво в длинные фирменные стаканы «Стар» — по стенке, осторожно, чтобы не было пены.

— Прошу, товарищи, — сказал Бора и сделал приглашающий жест. Собравшиеся загребели стульями, с веселым шумом двинулись к столу.

Бора, взглянув на мрачное лицо хаджи Имолы, что-то шепнул сестре, та виновато ойкнула, бросилась в комнаты, а через пару минут вернулась уже с небольшой картонкой, в которой стояли бутылки кока-колы: хаджи Имола, трижды совершивший паломничество в Мекку, пил только безалкогольные напитки.

Мисс Бора собственноручно подала хаджи стакан кока-колы, он улыбнулся ей своими тонкими твердыми губами и в знак благодарности чуть склонил свою увенчанную зеленым тюрбаном голову.

В его жилах текла явно арабская кровь: черты удлиненного лица были тонки и правильны, кожа не черная, как у остальных в этой комнате, а смуглая, пепельного оттенка. И белая, длинная, до пят, одежда северянина, которую он носил на все случаи жизни, чем-то напоминала бурнус бедуина.

Хаджи Имола ездил не только в Мекку. Гораздо чаще он бывал в Соединенных Штатах, и его «Трудовой центр» был открыто связан с американцами.

Бора, плотного, бородатого, с хитрющими глазами на мясистом, щекастом лице, побитом юспой, хаджи Имола называл «коммунистом», «красным» и «агентом Москвы» и обвинял в намерении установить коммунистическую диктатуру в стране.

— Долго еще мы будем ждать?

Старик Димоду взял стакан пива тощей, цепкой рукой, похожей на лапу большой птицы — пальцы его были длинны и скрючены, они были действительно похожи на когти огромного грифа. И весь он напоминал старого нахохлившегося грифа: маленькая головка на тощей жилистой шее, словно гребнем, увенчанная шапочкой-пирожком из меха гепарда, торчала из просторных одежд, расписанных черно-желтыми узорами. Лицо его было похоже на маску бурого пергамента. Но в запавших глазницах пылали огромные, бешеные глаза.

Старик все еще был полон энергии, но годы неслись слишком быстро, а жизнь менялась слишком медленно, и ветеран Димоду все еще не хотел верить, что ему уже не дожить до провозглашения Красной республики Гвиании.

И он спешил жить, торопил события, мечтал о баррикадах: нынешняя молодежь, по его твердому убеждению, была слишком мягкотелой, слишком образованной. Что, например, может сделать адвокат Бора? Или тот же Стив, привыкший болтать в университетских аудиториях?

У самого старика образования не было: он научился читать и писать в тюрьме, куда попал семнадцатилетним мальчишкой за организацию бунта на каучуковой

плантации. Потом были лондонские доки, кружки самообразования, английские лейбористы, а затем и коммунисты...

И до сих пор на митингах толпа встречала его восторженным воем и криками: «Номер один! Номер один!»

— Здравствуйте, товарищи!

На пороге стоял Гоке.

Димоду улыбнулся провалившимся ртом (зубы ему выбили в английской тюрьме лет двадцать назад):

— Ты что, заблудился, парень?

Гоке отер пот со лба, перевел дух:

— Вы же знаете, па, какое движение в Луисе. Как всегда, на Паркер-бридж застрял автобус, и пассажиры толкали его через весь мост. Вот такси и ехало со скоростью их ног.

Все засмеялись, зашумели. Паркер-бридж — ветхий мост, построенный пятьдесят лет назад и соединяющий острова Луиса с материком, — был давним предметом шуток и анекдотов.

Бора постучал карандашом по стакану:

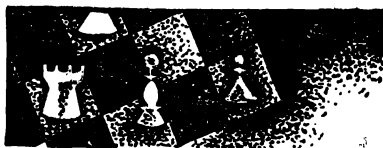
— Внимание, товарищи... Начинаем!

А через три часа репортерам, терпеливо дожидавшимся во дворе, было роздано отпечатанное на ротаторе коммюнике. В коммюнике сообщалось, что лидеры всех профсоюзных объединений Гвиании пришли к соглашению о необходимости предъявить правительству ультиматум о повышении минимального, гарантируемого законом уровня заработной платы. Это объяснялось экономической ситуацией в стране — цены росли с каждым днем, иностранные компании, контролирующие значительную часть гвианийской экономики, выкачивали из страны все большие прибыли. Коммюнике заявляло, что терпение народа иссякло. И если требования профсоюзов будут отвергнуты, ровно через месяц, начиная с завтрашнего дня, в стране начнется всеобщая забастовка.

От имени участников встречи с репортерами говорил Гоке. Он намекнул, что уже сейчас решено начать подготовку этой забастовки и по стране разъедутся представители профсоюзов — вести работу на местах.

Стиву, который должен был вот-вот выйти из госпиталя, предстояло ехать на Север.

Глава 10

Петр считал дни до отъезда. Собственно, всей практической подготовкой к поездке занимался Роберт, который уже много раз там бывал. Он заранее послал телеграмму — заказал номера в маленькой придорожной гостинице города Бинда, где они собирались ночевать. У профессора Нортонна он выпросил его автомобильный холодильник, который наполнил жестянками пива. Он же заставил Петра купить теплый свитер — по ночам в саванне было холодно. Для дороги Петр приобрел также плотную серую рубашу с короткими рукавами и большими нагрудными карманами. Он тщательно вычистил и смазал фотоаппарат «Зоркий», который купил еще студентом. Аппарат был прост, неприхотлив и потому надежен. Петр рассчитывал вернуться из Гвиании с целой фотовыставкой для Института истории.

Предоставив Бобу заниматься хозяйственными делами, Петр снова взялся за книги. Целые дни он проводил в библиотеке, читая воспоминания лорда Дункана, изучая все то, что здесь было о тех краях, куда ему предстояло ехать.

Здесь, между застекленными полками, набитыми книгами, стоял приятный полумрак. Где-то ровно жужжали кондиционные аппараты, нагоняя прохладный и сухой воздух. Мысли Петра все время возвращались к окружающим его людям и прежде всего к его спутнику по предстоящему путешествию.

Роберт Рекорд был общителен. По крайней мере, добрая половина Луиса была у него в друзьях. Он был завсегдатаем ночных клубов, любил теннис. Играл азартно, старался обязательно выиграть.

Как-то Петр смотрел его игру на университетском корте. Роберт выигрывал. Он жестоко «гонял» противника — усатого сухопарого профессора-англичанина, щеголявшего белоснежным теннисным костюмом. Костюм на Роберте был несвеж, гетры даже пожелтели от пота и пыли. И зрители реагировали на каждую выигранную им партию с враждебной холодностью.

— Он не джентльмен, — сказал кто-то, когда Роберт жестоко разгромил профессора.

Снобистский тон, каким это было сказано, чуть было не взорвал Петра. Он инстинктивно стал на сторону австралийца. Да, Роберт выглядел на корте, особенно в сравнении с белоснежным джентльменом-профессором, грубым, азартным парнем с рабочей окраины. Да, он открыто жаждал победы, и игра его была резкой. Это была игра, а не балет. Во всем этом была почти детская искренность, и Петру она импонировала.

После этого случая Петр стал еще внимательнее приглядываться к австралийцу. Он был ему симпатичен.

Как-то Роберт упомянул о своих родителях. Отец его был докером в Сиднее, мать воспитывала трех сестер, младшая из которых недавно перенесла полиомиелит. Роберт лишь однажды упомянул об этом мельком. Чувствовалось, что разговор на эту тему ему не особенно приятен. Писала ему только младшая сестра, которой он регулярно посылал деньги.

Петр как-то нашел в одной из книг по истории Гвиании, принадлежащей Роберту, конверт с австралийскими марками. Адрес на нем был тщательно выписан крупным детским почерком.

Австралиец помрачнел, забрал конверт и нехотя выдал из себя несколько скупых фраз о своих родных. Тогда-то и произошел этот разговор. И это было все, что Петр, в сущности, знал о прошлом Боба Рекорда.

Мысли его снова обратились к цели поездки. В библиотеке университета оказалась целая коллекция книг, посвященных походу лорда Дункана на султанат Каруну. И, читая их, Петр видел все события того времени так отчетливо, как будто сам присутствовал при всем этом полвека назад.

Лорд Дункан — тогда еще никакой не лорд, а просто искатель приключений — завербовался на службу «Бамуанга компани» — огромной компании, названной по имени реки Бамуанга, купеческому государству, захватившему необъятные территории в Западной Африке.

Вот старая фотография: молодой полковник (полковник? Кто дал ему этот чин в «Бамуанга компани»? Ведь он бросил службу в армии и уехал в Африку!), молодой полковник Дункан на смотре отрядов компании. Чернокожие солдаты в форме, повторяющей форму английской армии. Затем из них будут сформированы уже

регулярные части английской армии — западноафриканские пограничные силы.

Еще фотография: колесный пароход на Бамуанге, плавучий штаб генерал-губернатора колонии полковника Дункана, наведшего порядок в новоприобретенных африканских землях.

Потом появилась Флора Болл. Она приехала в Вест-Африку, и полковник Дункан устроил прием в честь красавицы журналистки. Пароход шел по Бамуанге, расцвеченный цветными фонариками, и туземный оркестр играл на верхней палубе; воины в полных боевых нарядах бились в сложнейших ритмах перед «маста Дунканом» и «мадам».

На северном берегу Бамуанги бушевали пожары. Ночь была черной, пожары багровели, и тонкие ноздри красавицы Флоры трепетали, ловя ветер романтики и приключений.

— Мадам, — твердо сказал тогда полковник Дункан, — я завоюю для вас эту страну, и вы назовете ее именем, которое вы ей придумаете...

И она придумала это имя — Гвиания.

— Слушай, ты так, пожалуй, сойдешь с ума, — не выдержав, сказал австралиец, когда Петр, наверное, в тысячный раз заговорил с ним о лорде Дункане. Это было в машине Роберта, все в том же «пежо». Они ехали к профессору Нортону.

Профессор пригласил их на ужин перед поездкой на Север. Это был типичный холостяцкий дом: и жена, и два взрослых сына профессора давно уже жили в Англии, да и сам он собирался поработать еще год-другой, а затем ему полагалась пенсия от правительства Гвиании.

Они пришли точно в назначенный срок — ровно к семи, но профессора еще не было. Их встретил слуга — невысокий, плотный, в черных брюках и белом кителе, но босиком.

— Мاستа звонил с пляжа... сейчас будет, — широко улыбаясь, сообщил он. — Просил вас идти прямо в бар.

— Отлично, Санди. Не провожай.

Роберт потянул носом воздух и щелкнул пальцами.

— Гм... Что-то вкусное.

— Йе, са, — еще шире заулыбался Санди. — Но маста просил вас пока ничего не говорить.

— Ладно, подождем. Прошу.

Роберт по-хозяйски махнул рукой, предлагая Петру войти первым.

Они вошли в просторный холл, разделенный надвое оригинальным шкафом — железными прутьями и ящиками из красного и черного дерева. В пространстве между ящиками стояли скульптуры — бронзовые и деревянные, лежали стопки книг, бумаги.

Первая часть холла служила гостиной. В углу — стойка бара, над которой на зеркальных полках сверкали разноцветные бутылки. Там же стояли три высокие табуретки.

Роберт прошел прямо к бару, взгромоздился на табурет:

— Что же, профессор всегда давал мудрые советы. Санди... достань-ка виски. Хорошая дезинфекция перед долгой поездкой.

— О'кэй!

Петр уселся на табурет рядом.

«Роскошно живет профессор, — подумал он, оглядывая помещение. — Вот тебе и каморка ученого... со всеми удобствами и баром. Сколько же здесь комнат?»

Он вздохнул. Далекий домик в подмосковном поселке был мал и тесен, но что бы он сейчас не отдал, чтобы очутиться там хотя бы на мгновение!

Санди привычно налил им виски в высокие прозрачные стаканы на три пальца, что означало тройную порцию, достал из небольшого, стоявшего тут же холодильничка ведро со льдом.

Зашипела содовая вода, звякнули кубики льда.

Петр отхлебнул глоток.

Передняя стена холла была сплошь стеклянной и выходила в сад. Тяжелые желтые шторы сейчас не были задернуты, и о стекла снаружи бились мириады насекомых, летящих на свет.

Стена, вдоль которой стояли диван с зеленой обивкой и такого же цвета кресла, была увешана оружием: саблями, мечами, копьями, боевыми топорами. Яркость отделки колчанов, ножен и рукояток мечей скрадывалась хорошим слоем пыли: Санди, видимо, не утруждал себя излишней заботой об этой коллекции, а профессор Нортон пыли просто не замечал.

— В основном это оружие с Севера, — сказал Роберт, заметив, что Петр с интересом разглядывает

коллекцию. А Петру, смотревшему на эти давно уже ставшие безопасными куски железа и стали, вдруг вспомнились страницы из книги Паркера — одного из офицеров лорда Дункана, участвовавшего в походе на север Гвиании. Эту книгу Петр прочел в библиотеке университета Луиса.

«...Когда мы подошли к городу Сандеру, — писал колониальный служака, — я приказал построиться в каре. На флангах были четыре пулемета «максим». Носильщики и лошади были в центре каре. Там же я поставил три 75-миллиметровых орудия.

Конница эмира Сандеру вышла сразу из трех ворот и помчалась на нас. Мы подпустили их на девятьсот ярдов и открыли огонь залпами. «Максимы» косили их ряд за рядом. Но фанатики не обращали на это внимания. Последние из них вместе со знаменосцем упали всего лишь в пятидесяти ярдах от каре. Мы насчитали потом около семисот убитых и раненых.

Один из наших туземных солдат был ранен отравленной стрелой и умер. Других потерь нет.

Город взят. Эмир вместе с гаремом бежал в северном направлении».

Лорд Дункан прочел рапорт Паркера и задумался.

Фанатики. «Максимы» и скорострельные пушки перебьют их всех. Но умиротворит ли это страну? Эмиры бегут из своих столиц и рыщут по саванне, а их подданные слепо повинуются им. Если в газеты просочится что-нибудь о подобных бойнях...

Лорд Дункан про себя выругался:

— Черт бы побрал этого ханжу Чемберлена! Пишет сюда идиотские письма, требует объяснить, почему мы нарушили мирный договор с султаном Каруны. Французы, видите ли, беспокоятся, что мы приближаемся к их владениям Ханжа!

— Капитана Мак-Грегора ко мне!

Вестовой щелкнул каблуками:

— Йес, сэр!

Дункан встал из-за походного, грубо сколоченного стола и прошелся по хижине. Здесь было душно, низкий потолок давил.

— Капитан Мак-Грегор прибыл!

Лорд Дункан окинул его ободряющим взглядом. Молодец! Красавец... Отличный офицер! Говорят, с амби-

цией! (Ему нравились люди с амбицией.) И все же жалко... Но ничего не поделаешь.

Зато о нем будет знать вся Англия.

Капитан стоял навтыжку и лишь взглядом следил за шагающим по хижине лордом.

— Вам поручается выступить с отрядом на Бинду. Эмир Бинды опять беспокоит наши торговые караваны. Кроме того, он продолжает торговать рабами. Вам поручается арестовать эмира и посадить на его место кого-нибудь посговорчивее. Письменный приказ вы получите позже.

— Йес, сэр!

«И все-таки жалко, что этот парень погибнет».

И лорд Дункан неожиданно подумал, что сам он уже немолод, ожесточел и, если бы не высокий рост, казался бы даже толстым. Он вспомнил себя вот таким же, как этот капитан, блестящим офицером в Индии.

Интересно, если бы в те годы его послали на верную смерть, смерть во имя Англии, как бы он себя вел? Да, он вел бы себя точно так же, как этот Мак-Грегор. Он пошел бы не моргнув глазом.

— Значит, конница эмиров была вооружена всем этим? — сказал Петр и кивнул на копья и стрелы.

— Зато отряды лорда Дункана имели «максимы».

Роберт допил стакан до дна.

— Фирма сделала пулеметы разборными — специально для двух носильщиков. Кстати, носильщики несли и разборные семидесятипятимиллиметровки: три человека на пушку. Офицеры вспоминали потом, что носильщики очень гордились выпавшей им честью. И конечно же, были очень довольны платой.

— Они уже у бара!

Профессор Нортон стоял в дверях холла. Таким Петр видел его впервые.

На профессоре были необъятных размеров шорты неопределенного цвета. Салатовая рубашка с трудом сходилась на обширном животе. Вся она вымазана варом, как и шорты, и массивные кривые ноги, и тяжелые, обнаженные по локоть руки.

Он держал небольшой, но увесистый брезентовый мешочек.

— А я... вот!

Профессор встряхнул мешок, и там что-то зазвенело.

— Пенсы! Оказалось, идеальные шайбы для моей лодки! И как это я раньше не догадался. Да сидите вы, сидите. Я сейчас...

И, потряхивая мешком, профессор поспешно проследовал через холл к лестнице, ведущей на второй этаж дома. Уже на лестнице он обернулся:

— Сегодня я закончил-таки лодку!

Он опять махнул мешком и, отдуваясь, поспешил вверх по лестнице.

Роберт слез с табуретки, обогнул стойку и принялся разливать виски.

— У профессора есть лодка? — спросил Петр.

— Хобби! Все свое свободное время проводит на пляже. То чинит ее, то усовершенствует. Простой деревянный баркас со стареньким мотором. Сейчас гораздо дешевле купить хороший пластмассовый глиссер, чем чинить это корыто. Но он не хочет. Говорит, что не доверяет этим современным безделушкам. Кроме того, мол, ему необходимо заниматься физическим трудом — тренировать сердце. Впрочем, на пляже все считают его немного... того!

Ужинали они в саду за домом.

Санди развесил на кустах стеклянные фонарики, зажег в них свечи. Тучи насекомых бились о горячее стекло, падали, налетали новые.

Профессор был в отличном настроении. К тому же сегодня, как никогда (по словам самого профессора), Санди удались запеченные улитки.

Сначала, увидев на блюде коричневые раковины, Петр чуть было не выскочил из-за стола, чем еще больше повысил настроение хозяина. Но затем, собравшись с духом, съел одну, еще одну, еще...

Это было вкусно.

«Вот бы увидели мои, как я здесь лопаю улиток! — улыбнулся про себя Петр, вспоминая отца, мать и сестер. — Мама наверняка бы просто плюнула, отец покачал бы головой, а сестры... Нет, сестры у меня современные. Сказали бы, что родители безнадежно отстали, да еще привели бы в пример какую-нибудь статью из научного журнала, в которой утверждается, что улитки очень полезны!»

— Миссис Нортон — француженка. Если вы хотите

стать другом профессора, вы должны привыкнуть ко всяким диковинам французской кухни, — с набитым ртом пояснил Петру положение дел Роберт. — Мне тоже пришлось пройти через все это. Только меня мистер Нортон испытывал на лягушачьих лапках.

— Это было весело, черт возьми! — довольно рычал хозяин: Санди тщательно следил, чтобы его стакан все время был полон.

Когда покончили с улитками, Санди торжественно принес и установил на столе небольшую жаровню. Потом появились глиняный горшок и солидное блюдо с мясом, нарезанным длинными ломтиками. И в заключение Санди принес десятка два тонких и длинных лучинок.

Горшок был водружен на жаровню: через несколько минут в нем забулькала жидкость, запахло горячим прованским маслом.

Нортон плотоядно потирал толстые ладони:

— У вас в России такое не готовят, а?

Он ловко нанизал на лучинку кусочек мяса и привычно опустил его в кипящее масло. Роберт сделал то же самое.

Профессор, в предвкушении удовольствия чмокнув губами, вытащил сварившийся в масле кусок мяса, подул на него и отправил в рот.

— Так готовят мясо в Провансе. Отличное блюдо! Рекомендую!

— Попробуем.

Петр принялся насаживать мясо на лучину.

Внезапно квадраты света, падавшие в сад из окон виллы, исчезли. Роберт взглянул на часы, поднеся их почти к самым глазам.

— Однако выключили-то они точно, а вот включают...

Он обернулся к Петру:

— Помните, я говорил вам о забастовке? Но пока это только напоминание, что правительству предъявлен ультиматум. Сегодня по городу опять были разбросаны бумажки: предупреждение, что будет прекращена подача электричества на час — с восьми до девяти. Это как раз то время, когда обычно устраиваются всякие официальные приемы или банкеты. Да и частным лицам вроде нас это может испортить аппетит.

В голосе Роберта звучало раздражение.

— Откровенно говоря, я рад, что мы на это время уезжаем на Север. Там, у эмиров, полный порядок. Никаких листовок, никаких демонстраций! Все как при лорде Дункане.

— Не ворчите, Боб. Вы для этого еще молоды.

Профессор положил тяжелую руку на руку Петра.

— Не верьте ему, Питер. Порою он бывает сварливее меня. Но в общем-то он очень неплохой парень.

Санди вырос из темноты с бутылкой коньяка.

— Хорошо, Санди. Оставь коньяк здесь. Мы уж как-нибудь сами с ним справимся.

Профессор взял бутылку.

— А сам иди в дом да проверь, все ли окна закрыты. Я не уверен, что кое-кто не захочет использовать эту профсоюзную акцию в своих частных интересах.

— Ие, са.

Профессор проводил взглядом белое пятно кителя Санди, удаляющееся в темноту. Потом налил себе полстакана коньяка, молча выпил до дна, ладонью вытер губы. Лицо его стало серьезным, он глубоко вздохнул, задумчиво потер рукою тяжелый подбородок, испытующе посмотрел сначала на Петра, затем на Роберта.

— Вот что, парни.

Голос его окреп. И Петр подивился трезвости этого голоса. Нортон откинулся на спинку кресла, опять задумчиво потер подбородок.

— Вы можете меня не слушать... Воля ваша. Но я хочу поговорить с вами откровенно. Я хочу вам рассказать об одном разговоре, касающемся вас обоих, который у меня был с...

Он оборвал фразу, остановил взгляд на австралийце.

Роберт, словно не замечая этого, потянулся к бутылке, налил себе, отпил глоток, провел языком по сухим губам.

И вдруг тяжелый кулак профессора с грохотом обрушился на стол. Лицо его побагровело.

— Эти свиньи ни с чем не считаются. Для них нет ни науки, ни ученых, а только их грязные делишки. Они лезут во все. Сволочи!

— Профессор! — начал было мягко Роберт.

— Нечего меня успокаивать! Я достаточно стар и скоро успокоюсь навсегда. Но пока я жив, пока жива

моя совесть, я не буду пешкой ни в чьей грязной игре. И никому не позволю...

Он вдруг схватился за сердце и обмяк.

— Черт...

Петр и Роберт вскочили.

— Санди... Он знает... лекарства в ванной... в шкафчике...

Петр бросился в темноту.

— Санди! Санди! — почти в отчаянии кричал он, спотыкаясь о кусты, обдирая руки о колючие ветви.

— Ничего, это пройдет... это пройдет, — бормотал профессор, пока Роберт старался заставить его выпить глоток воды, осторожно поддерживая за плечи. — Эт... то бывает...

Зубы его стучали, как в лихорадке.

Наконец Роберту удалось влить ему в рот несколько капель.

Но профессор отвел стакан от своих губ.

Он говорил шепотом, с трудом выдавливая слова.

— Так вот... слушай. Эти свиньи... Роджерс и компания затеяли грязное дело.

В темноте сверкнул фонарик, рядом с ним второй.

Профессор дышал тяжело:

— Слушай, парень.

Фонари приближались.

— Слушай. Ты отвечаешь за русского! Что бы ни случилось, ты отвечаешь мне за него. С ним ничего не должно произойти. Ты понял?

Глава 11

Они выехали рано утром. Город спал, вдоль улиц еще горели фонари. Было темно, но небо над океаном, казалось, уже светлело.

Странно было ехать через ночной Луис. Петр и узнавал и не узнавал улицы, ставшие ему знакомыми за этот месяц, что он провел в Гвиании. Днем они тянулись сплошными рядами одноэтажных магазинов и магазинчиков, лавочек, мелких мастерских, крохотных контор. Веселила глаз пестрота вывесок. Узкие тротуа-

ры кипели водоворотом прохожих и покупателей: гремели проигрыватели и транзисторы, клаксонили сотни автомобилей, ругались кондукторы автобусов. Так было в африканской части города — подальше от банков и контор, роскошных универсальных магазинов и дорогих ресторанов.

Теперь административный центр был пуст. Лишь кое-где у подъездов на циновках спали сторожа, подложив под головы тяжелые котласы — широкие тесаки.

Зато тротуары африканских кварталов превратились в сплошную спальню. На асфальте, расстелив циновки из джута, подложив под головы тряпье, спали люди. По их одеждам можно было понять, откуда, из каких районов страны пришли они в Луис в поисках счастья.

Петр впервые видел африканский рассвет.

Они выехали за город. Ключья тумана набегали на радиатор, и свет фар казался тогда длинными клубками белого дыма.

Дорога была узкой и разбитой, машина прыгала на выбоинах, но Роберт не снижал скорости.

Холмы перебрасывали дорогу — как будто бы играли ею — с ладони на ладонь. Плотная стена леса подступала к обочинам. Иногда она подавалась назад, и дорогу стискивали болота, вода тускло поблескивала в зарослях осоки. Потом опять начинался лес — черная стена.

Но впереди, там, где дорога взлетала на холм, уже светало, уже было серебристое мерцание, разгоравшееся все ярче с каждым мгновением. Постепенно из темноты стали выступать отдельные великаны деревья. Их мощные ветви протянулись над дорогой, словно гигантские шлагбаумы. Затем, как на фотобумаге, положенной в проявитель, стали появляться деревья поменьше, кусты, лианы — все быстрее и быстрее.

По обочинам замелькали фигурки людей, закутанные в тряпье.

Женщины шли на рынок небольшими группами, неся на головах широкие корзины с немудреным товаром. Ямс, похожий на большую безвкусную редьку, кассава, сахарный тростник, гари — мука из растертого ямса, сушеная рыба — все эти дары природы текли на рынок, чтобы быть обмененными на медные пенсы с дырками посередине или на тусклые шиллинги с изобра-

жением английской королевы. А потом все эти пенсы и шиллинги опять будут обменены на цветастые бумажные ткани, на керосин, соль, спички — словом, на то, что нужно иметь в хижинах из красной глины, укрытых в чаще тропического леса.

Иногда на обочине попадались охотники — тощие, оборванные. Их сопровождали грязные, взъерошенные собаки.

Охотники выступали гордо, неся на плече старые кремневые самопалы, а то и вовсе мушкеты времен первых португальских купцов — с дулами растробом. И они с презрением поглядывали на сборщиков сока каучуконоса — гевей, везущих на велосипедах сетки с белыми шарами каучука в ближайшую деревню, к скупщику.

Затем появились группки детей в синей или желтой выгоревшей форме, босых, со старенькими сумками, из которых виднелись потрепанные книги. Дети шли в школы, открытые миссионерами, «дабы нести цивилизацию в африканские джунгли».

Дети весело кричали вслед машине:

— Айбо! Айбо! Белые! Белые!

И махали руками, как дети во всем мире машут проезжим.

— Дружелюбный народ! — заметил Петр после того, как им приветливо помахали руками женщины, стиравшие белье в речке.

— Самые разбойные места, — мрачно буркнул Роберт.

— Разбойные?

— Еще какие!

Роберт покосился на Петра и улыбнулся:

— Не веришь?

Дурное настроение, с которым он выехал сегодня из дома, явно проходило; австралиец просто не мог быть мрачным слишком долго.

Петр с сомнением хмыкнул:

— И в чем же их... разбойность?

— Останавливают и грабят. Где-нибудь сразу за поворотом валится дерево поперек дороги. Обычно отбирают все, что можно унести.

Петру не верилось: опять, как всегда, Роберт его поддразнивает.

Небо из белесого стало голубым, потом — ярко-си-

ним. С первыми лучами солнца, проникшими в лесной туннель, сквозь который бежала дорога, ярко вспыхнула зелень, засверкала роса, все вокруг наполнилось тяжелым запахом гниющих листьев, сырости, плесени... Лес словно вдохнул и выдохнул полной грудью.

Деревни, через которые проносилась машина, жили уже своей обычной жизнью. Женщины стирали в ручьях белье, толкли в больших деревянных ступах ямс, возились у жаровен.

Голые дети играли в пыли у дороги. Бродили маленькие тощие козы. Куры норовили проскочить перед самыми колесами.

Неожиданно лес расступился. Дорога круто свернула влево, потом вправо и уперлась в массивный шлагбаум. Дальше виднелась невысокая железнодорожная насыпь, на которой голубели лезвия рельсов.

Гвианиец в пестрой рубашке и шортах неопределенного цвета стоял по ту сторону шлагбаума, подняв в худой темно-коричневой руке квадратный флажок в черно-желтую клетку.

Откуда-то справа доносились тяжелые вздохи паровоза, дребезжащий гул и короткие свистки.

Роберт выругался:

— Вот черт! Теперь простои́м здесь минут тридцать!

— Но ведь уже пыхтит.

Петр кивнул в сторону, откуда доносилось пыхтение паровоза.

— Вот он и будет пыхтеть еще полчаса. На этом переезде бывает столько аварий, что шлагбаум закрывают заранее, и машинист снижает скорость до минимальной, а шума поднимает как можно больше!

Австралиец вылез из машины и потянулся, разминая спину и плечи. Судя по всему, он приготовился к длительному ожиданию.

Петр последовал его примеру.

Выйдя из машины, он огляделся. Шоссе здесь лежало на довольно высокой насыпи, сбегавшей к осевшим квадратным хижинам из красной глины, чьи стены сильно пострадали от дождей. Несколько мощных деревьев манго укрывали эту крохотную деревеньку своими раскидистыми ветвями.

— Что-то случилось, — вдруг сказал Роберт, тоже глядевший в сторону деревеньки. Там, возле хижины, почти прилепившейся к великану манго, толпилась

группа людей. Они возбужденно жестикулировали, голоса их были тревожны. Петра словно что-то толкнуло: беда!

Не раздумывая, он сбежал с откоса и поспешил к деревеньке.

— Стой! — крикнул ему сверху австралиец. — Куда ты?

Громкий женский вопль вырвался из толпы; он был полон отчаяния и ужаса. Петр прибавил шагу и услышал позади себя шум и проклятия Боба. Австралиец спускался по откосу.

Они подбежали почти одновременно, и толпа расступилась перед ними.

В центре круга, на утопанной глинистой площадке, почти под самым деревом лежал человек. Лицо его было не коричневым и не черным, оно было серым — и это бросилось Петру прежде всего в глаза. Человек лежал раскинув руки, вытянувшись и смотрел в небо остекленевшими, полными тоски глазами. Рубашка, пестрая, грязная и рваная, была распахнута на груди, как будто человек задышался.

Толпа с молчаливым ужасом смотрела на него, не решаясь приблизиться. Изможденная женщина, обнаженная по пояс, лежала в ногах у человека. Она скребла пальцами глину и сыпала ее себе на голову.

Рядом валялись старенькое одноствольное ружье и сумка, из которой торчали перья какой-то птицы...

— Что случилось?

Петр обвел глазами толпу. Но лица вокруг были непроницаемы: люди стояли словно загипнотизированные.

— Что случилось? — еще громче выкрикнул Петр и в упор посмотрел на молодого гвианийца, стоявшего к нему ближе всех. Тот испуганно вздрогнул, в отчаянии оглянулся, как бы ища поддержки у своих соседей, и наконец заговорил на ломаном английском языке:

— Тайво... убивать змея. Змея вешал на дерево... Змея кусал Тайво...

Петр оглянулся на Роберта. Тот покачал головой и заговорил с молодым гвианцем на местном языке. После нескольких фраз он обернулся к Петру:

— Этот охотник принес из леса змею. Судя по всему, «африканскую красавицу». Он думал, что убил ее,

и хотел повесить на манго — по местным приметам, дерево должно после этого лучше плодоносить.

Он покачал головой:

— Идиоты! Они сами придумали поговорку — «змея кусается, пока у нее не отрублена голова»!

Он кивнул на охотника:

— Короче говоря, змея была не добита. Укусила его — и вот...

— Он... умрет?

В голосе Петра был ужас: он впервые видел умирающего человека.

— Они говорят, что послали за колдуном в соседнюю деревню. Все произошло минут пять назад, и, если колдун успеет, парня можно спасти. «Африканская красавица» сразу не убивает.

Женщина, лежавшая в ногах у умирающего, вдруг опять издала страшный, отчаянный вопль. И Петр почувствовал, что теряет власть над собой: он не мог вот так стоять и ждать, пока человек умрет у него на глазах. Он не знал, что нужно делать, но ничего не делать он не мог. Он шагнул к умирающему, нагнулся над ним... Вот он и укус — две маленькие ранки на руке, чуть пониже кисти, два аккуратных, запекшихся отверстия.

И, не отдавая себе отчета в том, что делает, Петр резко рванул подол рубашки умирающего, с треском оторвал длинную полосу материи, туго перетянул безжизненную руку около плеча.

Раздумывать было некогда: он много раз читал, что нужно делать в таких случаях. Он сорвал нож, прикрепленный к поясу охотника, и быстрым движением сделал крестообразный надрез в месте укуса. Затем крепко сжал руку гвианийца у плеча и повел кольцо пальцев вниз к кисти, стараясь, чтобы из раны полилась кровь. А когда алые капли выступили, он поднес руку умирающего к своим губам... и внезапно почувствовал сильный рывок, отбросивший его в сторону.

— Сумасшедший!

Бледный австралиец стоял между ним и умирающим.

— Это тебе не укус европейской гадюки. Здесь Африка!

Он сунул руку в задний карман своих шорт, вытащил оттуда плоскую металлическую коробочку и извлек из нее шприц...

Петр, в оцепенении сидя на земле, смотрел, как австралиец умело сделал укол в плечо охотника и отбросил шприц в сторону.

— Все, — сказал он, поймав взгляд Петра. — Теперь будет все о'кэй, если только мы не опоздали...

Он отвел глаза и посмотрел на металлическую коробочку, которую положил рядом с охотником, поднял ее, открыл... и захлопнул.

— Одна доза осталась. Еще на один раз,— усмехнулся он и сунул коробочку себе в задний карман.

Охотник застонал, шевельнул губами. Роберт облегченно вздохнул.

— Пошли, поезд уже прошел.

Петр ухватился за руку, протянутую ему Робертом, и встал на ноги.

— Скорее,— раздраженно бросил ему австралиец.— Как только они поймут, что он будет жить, нам отсюда не вырваться до завтрашнего утра. А я терпеть не могу здешних выражений благодарности!

Он решительно пошел прямо на толпу, и толпа молча расступилась перед ними.

Взбираясь по откосу шоссе, Петр думал: «Интересно, вытащил бы он шприц, если бы я сдуру не полез отсасывать яд? И кого он этим спасал — меня или охотника?»

Он спросил об этом австралийца, когда они уже были в машине.

Тот только хмыкнул в ответ. И Петр почувствовал, что его спутнику неприятно вспоминать о том, что случилось у хижины под манго.

— Сейчас мы будем в Огомшо, — небрежно бросил Роберт. И Петру опять показалось, что в этой небрежности была нарочитость.

Австралиец сбавил скорость, свернул в пыльный и тесный переулочек между глиняными хижинами, крытыми бурым от ржавчины железом, потом еще в один, и они выехали на большую площадь, уставленную рядами дощатых прилавков под навесами из циновок рафии.

— Здесь мы остановимся позавтракать. Ты ел когда-нибудь жареный ямс?

Петр отрицательно покачал головой.

— А что это такое?

— Сейчас увидишь. Отличная вещь.

Они вышли из машины, и сразу же их оглушили крики торговков.

— Кастама... Чип! Чип! Маста, иди сюда...

— Покупатель! Дешево! Дешево! Очень дешево!

Со всех сторон к ним кинулись толстые «мамми», потрясая живыми курами, связанными за лапы, гирляндами сухой рыбы, тыча прямо в лицо расписные миски с яйцами, жареное мясо, нанизанное на палочки, кошелки с помидорами.

Петр растерялся от этого натиска, но Роберт был к нему уже привычен.

— Потом, потом! В следующий раз!— говорил он и шел, спокойно раздвигая торговков, весело улыбаясь, прямо к рядам, откуда доносились запахи жареной пищи.

— Побудь у машины, — крикнул он Петру, заметив, что тот никак не может вырваться из окружившей его толпы торговков, назойливо предлагавших свою снедь, — я сейчас вернусь.

И действительно, вернулся он почти мгновенно, неся в руках две эмалированные, расписанные красными цветами белые миски, наполненные золотистым жареным ямсом.

Это было похоже на крупные куски жареной картошки и пахло так же. Здесь же, в мисочке, с краю было налито немного подливы — ярко-красной, издающей острый запах.

Следом за австралийцем шли два улыбающихся во весь рот мальчика. Один тащил две низенькие деревянные табуретки, другой — бутылки пива «Стар» со стаканами, надетыми на горлышко. Стаканы весело позвякивали в такт шагам.

Торговки, видя, что выбор уже сделан, деликатно отступили.

— Осторожней с подливкой,— посоветовал Роберт.— Это красный перец — к нему надо привыкнуть. Да и не каждому это удастся.

Однако сам он набрал на кусок ямса изрядно подливки и сунул все это в рот. Петр последовал его примеру, и... словно пламя вспыхнуло у него во рту, из глаз брызнули слезы, горло перехватило, он почувствовал, что задыхается.

Мальчишка, державший пиво, поспешно сунул ему

в руку полный стакан. Петр отпил и принялся хватать воздух ртом.

— Сорри, са, — вежливо сказал мальчишка, выражая свое сочувствие.

Петр залпом выпил весь стакан. Мальчишка сейчас же наполнил его, что-то сказал на своем языке приятелю. Тот со всех ног кинулся туда, откуда только что притащил стулья. Буквально через несколько мгновений он вернулся, неся еще две бутылки пива и бумажный кулек.

— Вот это сервис! — подмигнул Роберт Петру и щелкнул пальцами. — Видал, что значит изучать клиентуру? Эти парни сразу же сообразили, что двумя бутылками мы не ограничимся.

Мальчишка протянул Петру бумажный пакетик, вытащил из кармана железку и приложил ее к пивной пробке. В глазах его было выжидание.

— Давай! — кивнул ему Петр, рот которого до сих пор все еще пылал.

Он развернул пакетик. Там был жареный арахис, сверкающий кристаллами крупной соли. Роберт протянул руку и, взяв целую горсть, высыпал орехи в рот. Петр сделал то же самое: в пакете оказалось ровно две горсти.

Он хотел было скомкать и выбросить бумажку, как вдруг ему бросились в глаза буквы, набранные крупным, неровным шрифтом. Листовка, самая настоящая листовка! И начиналась она обращением: «Т о в а р и щ и!»

Петр поспешно стряхнул остатки орехов и, разгладив листок, стал читать. Это был призыв к фермерам поддерживать готовящуюся всеобщую забастовку. Прimitивным английским языком объяснялось, почему рабочие бросают работу, хотя в стране безработица. Листовка рассказывала, что одни в Гвиании имеют все — деньги, дворцы, даже собственные церкви. Другие же живут по двадцать человек в комнате, за которую отдают половину своего заработка, и едва ли не умирают с голоду. Крестьян призывали не становиться штрейк-брехерами, не помогать капиталистам душить их братьев в городе.

— Ты читал это? — Петр показал мальчишке листовку.

— Йе, са, — весело сверкнул тот зубами. — Вчера при-

езжал Стив. На лендровере и с микрофоном. И с ним еще парни.

— Ты знаешь Стива? — с интересом спросил австралиец и прищурился.

— Йе, са, — с недоумением повернулся к нему мальчишка. — Кто же не знает Стива? Сначала они пустили музыку, а когда вокруг собрался народ, рассказывали, что люди города хотят заставить богачей платить им по справедливости. А потом раздавали вот это.

Мальчишка кивнул на листовку в руках Петра.

Роберт взял у Петра листовку, молча прочел ее. Потом скомкал и бросил на землю.

— Боюсь, как бы все это не закончилось крупными неприятностями, — раздраженно сказал он.

Петр смотрел, как бумажный комок покатился по красной, утрамбованной десятками босых ног земле.

— Поехали? — Роберт спросил это так неуверенно, будто чего-то ожидал от Петра.

— Поехали...

И вдруг Петра осенило: да ведь они в Огомшо! И он обещал заехать сюда!

Глава 12

Это случилось на вечере в доме Майкла Коладе. Дом был новый, и стоял он на новой улице, на месте засыпанного болота. Муниципалитет еще не успел установить фонари, и сейчас, по случаю сбора гостей, улица перед домом Коладе была освещена сотней разноцветных лампочек, прикрепленных к забору или подвешенных на проводах, натянутых через пустынный зеленый дворик-лужайку.

Петр и Роберт, судя по всему, приехали первыми.

— Мы слишком рано, — сказал Боб. И, заметив удивленный взгляд Петра, поспешил пояснить: — Я же говорил, что если написано «начало в восемь часов», то значит надо приходить не раньше десяти. Таков уж здесь порядок. Хорошо будет, если мы застанем дома хозяев.

Но эти опасения не оправдались. Лишь только Петр

и Роберт вошли во двор, как сейчас же навстречу им из кресел-качалок, стоявших на траве, поднялись братья Коладе.

Они были удивительно непохожи друг на друга. Коренастый, плотный крепыш Стив со своим тяжелым, почти квадратным лицом как бы подчеркивал, оттенял болезненную хрупкость брата — высокого, заметно сутулящегося. Лицо Майкла было круглым, глаза тоже, короткие усики делали его похожим на большого тощего кота в безукоризненно сшитом белом смокинге. Петру сразу бросились в глаза тонкие артистические пальцы Коладе-старшего, унизанные кольцами с крупными камнями, нервно мявшие дорожную сигару.

И одет был Стив — тоже в отличие от брата — подчеркнуто небрежно: рубаха-хаки с погончиками, джинсы, резиновые сандалии на босу ногу. На стриженной голове белела марлевая наклейка.

— Здравствуйте, — сказал Стив, нерешительно переводя взгляд с Петра на Роберта. Майкл вежливо улыбнулся.

«А они видят Роберта впервые», — отметил про себя Петр.

Австралиец взял на себя инициативу представления: — Роберт Рекорд.

Он слегка поклонился и кивнул на Петра:

— А это товарищ Николаев.

Роберт выделил голосом слово «товарищ», и глаза его хитро прищурились. Майкл непроизвольно вздрогнул. Губы его сжались. Но только на мгновение. Он вежливо поклонился и постарался выдавить улыбку — сначала для Петра, потом для Роберта.

— Мы ждали вас, — медленно произнес он, тщательно подбирая слова. — От имени семьи... как старший... (Он метнул неодобрительный взгляд на брата, который закрыл лицо широкой ладонью, чтобы скрыть улыбку)... благодарю вас за спасение Стива.

Он говорил, обращаясь к Роберту, но взгляд его круглых, настороженных глаз то и дело возвращался к Петру. И Петр почувствовал себя неловко под этим растерянным и тревожным взглядом.

— Ну что вы! — смущенно сказал он, потому что чувствовал, что должен что-то сказать. — Это... это ведь все получилось случайно!

И он оглянулся на Роберта, ища поддержки.

— Стоит ли вспоминать! — передернул плечами австралиец, и Петру показалось, что этот разговор ему действительно не нравится. — Конечно же, случайно! И забудем об этом.

— Забудем?

Стив непроизвольно коснулся белой наклейки на своей стриженной голове и странно рассмеялся.

— Что ж, забудем!

И Петру в его голосе почудилась насмешка, как будто Стив знал что-то и был уверен, что они знают это тоже.

Но долго раздумывать над этим Петру не пришлось. Братья посторонились, пропуская его и Роберта в сад перед домом, где никого еще не было, но на траве были уже расставлены столики — легкие, плетенные из разноцветных пластмассовых шнуров — и такие же стулья.

Под молодой кокосовой пальмой, в самом центре двора, стояло три стола, в разноцветном свете лампочек искрились бутылки. В доме кто-то пробовал проигрывать, ставя и снимая пластинки с «хайлайфом».

— Вы-то уж знаете наши порядки, — весело сказал Стив, обращаясь к Роберту. — У нас никогда ничего точно не начинают.

В этот момент в воротах показался европеец в темно-сером костюме. Волосы его были гладко зачесаны и блестели. Майкл сразу ожил: от сдержанности его не осталось и следа. Он кинулся навстречу гостю.

— Мистер Роджерс, старый друг Майкла.

Стив мрачно смотрел, как его брат пожимает руку англичанину. Настроение его явно испортилось.

А Майкл демонстративно громко расспрашивал о здоровье миссис Роджерс, об успехах младших Роджерсов в школе Святого Спасителя. Он словно старался показать свою близость с англичанином и, вероятно, жалел, что видят это лишь двое гостей из числа приглашенных.

Голос полковника Роджерса был тих и приятен:

— Добрый вечер, джентльмены!

Он учтиво поклонился всем и улыбнулся мягкой, вежливой улыбкой.

— А мы, собственно, почти знакомы, — сказал он Роберту. — Вы ведь прекрасно играете в теннис?

— Ничего, — согласился австралиец. — Все зависит от партнера.

— Да, вы хороший спортсмен. Начальник полиции рассказывал мне, что вы здорово отделали его парней.

Петр вскинул голову. «Ах так, значит, полиция все-таки знает о том инциденте».

Его взгляд встретился с взглядом Роджерса.

— Лицо русских — зеркало их души, — мягко улыбнулся англичанин. — А ваше лицо — удивительно ясное зеркало, мистер Николаев.

Он смотрел на Петра снизу вверх, приглаживая холеной рукой аккуратно зачесанные волосы. Плотный, высокий Петр выглядел рядом с его изящной, щуплой фигуркой просто великаном.

— Прямо советский Джеймс Бонд. Не удивительно, если вы соблазните всех местных красавиц, — улыбнулся англичанин.

— Местных красавиц я вам обещаю пощадить. В этом-то уж мы с вами здесь не соперники! — подчеркнуто серьезно ответил Петр.

Все рассмеялись. Но затем Роджерс чуть заметно поморщился:

— А вы все-таки обиделись.

Он прижал к сердцу маленькую, изящную руку:

— Ради бога, простите. Я совсем не хотел вторгаться в вашу частную жизнь.

Майкл кинул на Петра недовольный взгляд и увлек своего гостя в дом, что-то рассказывая по дороге.

— Кто это? — спросил Петр, ни к кому, в сущности, не обращаясь.

— Советник министерства внутренних дел, — равнодушно ответил австралиец.

— Шеф контрразведки, — процедил сквозь зубы Стив и отвернулся.

С того самого вечера, когда его привезли на дачу Роджерса в Дикойи, Стив с полковником больше не виделся. Но сколько раз за это время он слово за словом восстанавливал весь свой разговор — сначала с Роджерсом, а потом...

Потом опять была ночь, ночь, рассеянная мощными фарами полицейского автомобиля, и гонка по пустынному шоссе на запад от Луиса. Но теперь уже Стив знал, куда идет машина. Его везли во дворец к Старому Симбе, на холм Независимости.

И вот наконец мотор сердито загудел, почувствовав крутой подъем, закашлял, и машина остановилась у решетчатых ворот в обшарпанной бетонной стене, освещенной двумя желтыми прожекторами. Выбежавший из полосатой караульной будки полицейский поспешно открыл заднюю дверцу, вытянулся, взял под козырек. Офицер, неподвижно сидевший рядом со Стивом и за всю дорогу не проронивший ни слова, не ответил на приветствие. Он лишь сделал Стиву нетерпеливый знак рукой — выходи. Стив нарочно неторопливо вышел из машины, разминая затекшие ноги, сделал несколько пружинящих шагов по черному асфальту. Дверца позади него захлопнулась с резким стуком, и машина, взыв, рванулась в темноту.

— Служба безопасности, — с завистью сказал полицейский и вздохнул, провожая взглядом красные огоньки, петляющие по дороге, ведущей вниз с холма.

— Завидуешь контрразведке? — усмехнулся Стив. — А чем хуже в охране президента?

Полицейский хмуро глянул на него и отвернулся.

— И ничего и не завидую, — пробормотал он, упираясь обеими руками в створки заскрипевших ворот. — Проходите. Вас ждут.

Да, Стива уже ждали во дворце президента. Второй охранник, стоявший за воротами, козырнул ему и махнул рукой налево — в сторону густой зелени. Стив уверенно прошел знакомой дорожкой через сад, прямо к маленькому одноэтажному домику позади нелепого модернистского сооружения из стекла и бетонных колонн, где размещались канцелярия президента и его кабинет, зал приемов, библиотека и где было еще много пустых комнат, которые Старый Симба так и оставил пустыми.

Стив знал, что Симба в душе так и остался деревенским проповедником, и удивлялся, как это он, при его мягком характере, мог вести такую ожесточенную борьбу с англичанами, особенно тогда, после расстрела шахтеров в Ива Велли: в одной из его речей того периода был даже призыв к оружию.

«С тех пор старик сдал, очень сдал», — подумал Стив, поднимаясь на невысокое крыльцо, где на неуклюжей грубой скамеечке дремал полицейский.

Заслышав шаги, охранник поспешно вскочил и схватился за белую кобуру, висевшую у него на животе. Но,

узнав Стива, он широко улыбнулся и опустил руку: и он, и Стив, и Симба — все были из одной деревни.

Симба сидел за огромным столом, заваленным бумагами и книгами, и что-то писал. Над глазами у него был прикреплен зеленый пластмассовый козырек, как у конторщика, на руках конторские нарукавники, чтобы не вытирались и не пачкались рукава легкого белого пиджака.

Он поднял седую, коротко стриженную голову, снял козырек, прищурившись, посмотрел на Стива сквозь старенькие круглые очки в блестящей стальной оправе, перевязанной черной ниткой.

— Ты... Пришел?

В голосе его была усталость. Он привычно сдвинул очки на лоб и сильно потер глаза.

— Значит, жив...

— Жив!

Стив постарался ответить как можно бодрее, но Старого Симбу было не так-то просто обмануть.

— Болит? — Он оторвал руку от глаз и показал пальцем на повязку Стива. — Болит, — ответил он сам себе, не дожидаясь ответа. — Я-то уж знаю, как это может болеть.

— И ты меня звал, чтобы спросить об этом? — вдруг с неожиданной для самого себя резкостью спросил Стив. — Или еще и о том, как твоя полиция избивала нас на ули...

— Это не моя полиция, — тихо, но твердо перебил его Симба. — Это полиция Гвиании. Вы нарушили закон. Вы разгромили посольство великой державы, а Гвиания, у которой пока еще нет ничего своего — ни денег, ни специалистов, ни промышленности, — не может позволить себе такой роскоши.

«Черт бы побрал этого Гоке! — подумал Стив. — Если бы я не знал его, я бы подумал, что он и его парни организовали провокацию!»

— Вы, красные, думаете, что, если мы добились независимости, мы можем теперь позволить себе делать все, что хотим? — продолжал Симба, и голос его становился все тверже и тверже.

Он не предложил Стиву сесть и теперь встал из-за стола и, заметно прихрамывая, расхаживал взад и вперед по комнате, заложив руки за спину и слегка наклонившись вперед, — привычка эта у него сохрани-

лась с тех времен, когда он был деревенским проповедником.

— Вы думаете, разгромив посольство США или Англии, вы разрешите сразу же все наши проблемы? Антагонизм между племенами Юга и Севера? Споры между традиционными вождями и государственной администрацией? Поможете покончить с суевериями и утвердить знания? Установите правильные отношения между иностранными монополиями и государственным сектором?

— Не все сразу... — попытался возразить ему Стив.

— Замолчи! — устало оборвал его президент. — Ты мальчишка! И я не хочу тебя слушать! А позвал я тебя вот зачем.

Он прохромал к столу и взял с него листок бумаги.

— Своим поведением ты сталкиваешь меня не только с Америкой, но с твоими же друзьями — с русскими!

Держа листок, Симба подошел к Стиву и остановился перед ним, пристально посмотрел ему в глаза:

— Да, да! Русский аспирант Николаев, не успев доехать до университета, куда он прибыл учиться от ЮНЕСКО, уже оказался замешанным в уличных беспорядках! И все из-за тебя.

Стив на секунду закрыл глаза: дальше он все знал. Полковник Роджерс предупредил его, что иммиграционная служба уже доложила президенту о случае у посольства и предложила немедленно выслать русского за пределы страны.

Полковник же во время короткого разговора в машине просил Стива во что бы то ни стало уговорить Старого Симбу не высылать русского. Стив не скрыл тогда своего удивления. Ведь если бы англичанин его об этом не просил, Стив поступил бы точно так же — конечно, если бы он знал, что русского хотят выслать. Правда, Роджерс его вовремя предупредил. И кто знает — может быть, именно он устроил эту встречу на холме Независимости?

Симба ждал ответа.

— Так что же ты мне на это скажешь? — сухой голос президента донесся до Стива откуда-то издалека. — Что посоветуешь?

— Это провокация! — выдохнул Стив.

— Провокация? — Старик саркастически усмехнулся. — Конечно, провокация. Как и разгром американско-

го посольства! Только в первом случае это сделали англичане, а во втором...

Он не договорил и опять пристально посмотрел в лицо Стива. Но Стив решил не поддаваться.

— Американское посольство громили непреднамеренно. Мы против таких действий. И здесь ни при чем ни англичане, ни русские. И уж совсем ни при чем Николаев, — твердо сказал он.

И вдруг голос его сломался. И он заговорил быстро и обиженно, как мальчишкой говорил когда-то с дядей, когда хотел, например, уговорить дядю, чтобы он взял его с собой съездить в Луис.

— Он просто спасал меня. Как спасал бы любого другого. Неужели я отплачу злом человеку, который сделал для меня добро?

— Возьми себя в руки! — Симба смотрел на него с неодобрением. — Что ты раскис, как сопливый мальчишка?

Он сел за свой большой стол, надел очки и иронически посмотрел на Стива.

— Мальчишки! Ей-богу, какие же вы еще мальчишки!

Голос его потеплел:

— И ты, и Гоке... А уже играете в политику. Уже чего-то требуете, за что-то боретесь! И все напрямик, как сегодня у американского посольства, ломитесь прямо в закрытые ворота. И получаете по голове. Разок, другой, третий... Ничего, это проходит, как и молодость. А потом остается горький опыт. Горький опыт и горькая усталость. И приходит равнодушие.

— Нет, — тихо покачал головой Стив. — Так бывает, но не со всеми. И мы не станем такими, дядя.

— Дай вам бог! Дай вам бог не сломаться на пути, который вы выбрали.

Старый Симба был сейчас действительно чем-то похож на старого льва, мудрого и бессильного. И Стиву припомнились разговоры о том, что в ссылке, на далеком острове, затерянном в океане, англичане предложили Старому Симбе освобождение и пост президента независимой Гвиании в обмен на обещание проводить умеренную политику и не рвать традиционные связи с Англией. И он якобы согласился — решил пойти на это, чтобы только страна скорее получила независимость.

Стив не верил в это. Он не хотел верить!

Президент опять взял листок с рапортом иммиграционных властей, расправил его на столе сухой ладонью.

— И все же я звал тебя вот зачем.

Он выпрямился за столом, лицо его стало официальным:

— Стив Коладе! Я предлагаю вам прекратить безобразные эксцессы около иностранных посольств. И если повторится еще что-нибудь подобное сегодняшнему, нам ничего не останется, как только выслать кое-кого из ваших друзей. Идите!

Он помолчал, потом добавил уже другим тоном:

— Полковник Роджерс тоже не советует высылать русского. Но если бы не ты...

Он опять замолчал, словно решая что-то.

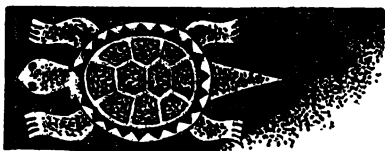
— Впрочем... и эту нашу встречу устроил он же. Он сообщил, что ты серьезно ранен.

Комок подкатил к горлу Стива. О, как дорог сейчас был ему этот старый седой человек с английской пулей в ноге, сохраняющий «традиционные связи» с Англией!

— А теперь иди!

Старый Симба не любил эмоций.

— И помни, что нам еще нужно многое сделать, чтобы на самом деле стать свободными, — услышал Стив уже в дверях.

Глава 13

Гости прибывали. Их встречал Майкл, затем принимал Стив. Некоторое время Петр тщетно пытался запомнить имена всех, кого ему представлял Стив, но потом отчаялся. Он явно был главной диковиной этого вечера.

Сегодня здесь были, по словам Стива, не отходившего от Петра, редакторы всех столичных газет, два-три министра, дипломаты, видные адвокаты, несколько членов парламента. Друзья Стива — левые профсоюзники — держались особнячком и пили преимущественно пиво. Были они все бородаты, одеты все в те же рубахи-хаки и джинсы. И все они с интересом рассматривали Петра.

«Как в цирке, — думал он, стараясь побороть смущение. — Да и сам Коладе-младший какой-то чудак! Что это он на меня так смотрит, будто что-то хочет сказать».

А Стив в это время думал: что же нужно полковнику Роджерсу от этого простого и, судя по всему, бесхитростного парня и какова роль, предназначенная ему, Стиву, в интриге, которую затевает английская разведка? В том, что такая интрига затевается, Стив не сомневался.

Мимо прошел Гоке, разговаривая со стариком Имолу. Телеоператоры бросились их снимать, старик Имолу молча вскинул вверх свой тощий кулак.

— Извините! — Стив оставил Петра. Нужно было поговорить с Имолу. У старика отличные связи, даже с гвианийцами из службы Роджерса. А во всей этой истории с русским и Роджерсом было немало любопытного...

Петр остался один, но лишь на мгновение. К нему подошли Элино́р и доктор Смит.

— Вы скрываетесь от нас последнее время, — укоризненно сказала Элино́р. — Это заметил даже Джерри.

— Я вас боюсь, — попытался отшутиться Петр. Он и сам находил свое поведение несколько мальчишеским. Но может быть, в его словах и была действительная правда? Элино́р не слушала его.

— В университете говорят, что на днях вы едете на Север? — с интересом спросила она.

— Да, в Каруну...

— Дорога на Каруну идет через Огомшо, — задумчиво произнесла Элино́р.

Она смотрела на него блестящими, лучистыми глазами, и Петр не мог понять, была ли в них ирония, усмешка или что-то другое.

— А почему бы вам действительно не заехать в Огомшо? — дружелюбно сказал Смит. — Может быть, вам удастся уговорить Элино́р показать вам ее храм. Вы ведь знаете, она жрица божества Ошун!

Элино́р досадно поморщилась:

— Джерри!

Американец просительно дотронулся до рукава Петра:

— И все же заезжайте к Элино́р. Хоть на денек.

По крайней мере, ей не будет так одиноко. Я ведь тоже уезжаю на плато Грос недели на две.

В доме заиграла музыка.

— Блюз, — Элинор уверенно положила руку на локоть Петра. — Вы танцуете?

Петр вопросительно посмотрел на доктора. Тот поспешно кивнул:

— Да, да... Пожалуйста... Я не умею танцевать, а Элинор очень любит.

Он старался улыбаться как можно любезнее, но Петр видел, что он бы отдал сейчас полжизни, лишь бы Элинор осталась с ним.

«Ну и черт с тобой!» — вдруг обозлился Петр.

В небольшой комнате, превращенной в танцевальный зал, было накурено и тесно. Из мужчин танцевали одни европейцы, но у каждого дамой была гвианийка.

Потом был еще какой-то танец, и еще, и еще. Петр танцевал автоматически, почти не слыша музыки. Оба они молчали.

— Так вы приедете? — тихо спросила Элинор, когда они вышли в сад. И это были единственные ее слова за все время, пока они были вместе.

— Да, — твердо сказал Петр и увидел, что сквозь толпу к ним пробирается доктор Смит.

— Я уж думал, что вы там задохнулись, в этом дыму, — стараясь выдавить улыбку, заговорил американец. — Это же крайне негигиенично — дышать дымом. Вы знаете, что абсолютное большинство больных раком легких — курильщики?

Художница отвернулась.

— Мне пора. Нет, Джерри, сегодня не провожайте меня.

Она повернулась и пошла к выходу. Американец растерялся, его красивый рот был полуоткрыт, в синих глазах застыло искреннее недоумение.

И Петру стало его жаль чисто по-человечески, настолько американец был сейчас беззащитен и одинок в этой большой и шумной толпе людей, которым не было абсолютно никакого дела до разыгравшейся маленькой и банальной драмы.

— Виски, бренди, кока-кола?

Стюард в белоснежной форме, в белых перчатках стоял перед ними с подносом в руках.

— Бренди.

Петр протянул руку к стакану.

— Кока-кола, — машинально попросил доктор Смит.

Он взял стакан и сейчас же забыл про него, человек без пороков, непьющий и некурящий. Петр поймал себя на том, что смотрит вслед уходящей художнице, смотрит вместе со Смитом.

Из толпы гостей появился Гоке. Он почти тащил за собою к Петру улыбающегося Стива.

— Вот тебе и компаньон! — он подтолкнул Стива локтем к Петру. — Он тебя выручил, теперь и ты сможешь ему помочь.

Он был основательно на взводе:

— Товарищ Николаев, Стив тоже едет в Каруну. И он вам там обязательно поможет! Да, да, вы еще не знаете всех наших тамошних ребят. Это настоящие революционеры!

Это было несколько дней назад. А потом были хлопоты в связи с предстоящим отъездом, визиты в посольство — должен же консул Глаголев знать, где в случае чего искать советского гражданина Николаева, — еще одна встреча с послом, давшим два-три полезных совета. За всем этим потускнели и воспоминания о вечере в доме Майкла Коладе, и разговор с художницей. И сейчас, уже в Огомшо, Петр колебался — удобно ли ему заехать к Элинор или нет?

Но все за него решил Роберт.

Он решительно повернул ключ зажигания и, высунувшись в окно, поманил пальцем мальчишек, все еще стоявших с пустыми бутылками в руках:

— Кто из вас знает, где живет мисс Карлис?

— Я, са, — с готовностью ответил старший.

— Можешь показать дорогу?

Роберт обернулся и открыл заднюю дверцу.

Паренек в нерешительности медлил, поглядывая то на брата, то на австралийца.

— Хотите вместе? — догадался Роберт.

Мальчишки дружно закивали.

— Давайте...

— Прямо. У бара налево, — деловито приступил к обязанностям проводника старший из мальчишек.

— И что там? — не оборачиваясь, спросил Роберт.

— Там «Мбари-Мбайо». Там собираются люди, и мисс Карлисл учит их рисовать, петь, представлять на сцене...

Они проехали по довольно широкой улице — точь-в-точь как в Луисе, такой же торговой улице, состоящей из одних мелких лавочек-жилищ. Затем, не доезжая до бара с вывеской, утверждающей, что здесь часто пьют пиво иностранные послы, свернули в переулок — узкий, пыльный. Вспугнули собаку, дремавшую в теплой пыли, и выехали на небольшую площадь. На площади выделялись два здания, построенные в одном стиле — из крашенного в синий цвет бетона. Стены их не были сплошными: это был причудливый, фантастический резной узор. Одно строение — меньшее — имело явно утилитарное назначение. Об этом свидетельствовала неоновая вывеска «Мобил», пылающая, несмотря на яркое солнце. Здесь же, под навесом из гофрированного железа, алела бензоколонка.

— А это «Мбари-Мбайо», — с гордостью указал на здание напротив бензоколонки мальчишка. — Это все строил Афорابي!

— Афорابي? — переспросил Петр.

— Вы не знаете Афорابي?

Мальчишка удивленно покачал головой. Было ясно, что ему не верилось, как это можно не знать Афорابي, самого Афорابي.

— Мисс Карлисл научила его делать это... — мальчишка кивнул на синие узоры бетонных стен. — Его даже приглашали за море.

— Мисс Карлисл здесь и живет? — с сомнением спросил Петр.

— Нет, — глухо ответил Роберт. — Это у нее нечто вроде собственного клуба. Живет она в другом месте, неподалеку отсюда.

— Мадам сейчас в храме, — с готовностью вмешался мальчишка. — Афорابي проводит вас туда.

Они вышли из машины у длинного, похожего на амбар здания «Мбари-Мбайо». Его резной фасад из синего бетона был чем-то вроде внешней стены веранды, за которой начинались собственно стены самого здания — из красной глины. Это была типичная для здешних мест большая хижина с тяжелой резной дверью.

Дверь была заперта.

— Сейчас, сэр. Ключ у Афорابي.

Мальчишка кинулся со всех ног вдоль по улице.

Роберт позвенел в ладони ключами от машины, вздохнул. Было видно, что ему не по себе.

— А ведь здесь и был штаб лорда Дункана, — неуверенно заговорил он, меняя тему разговора. — Но сначала сюда пришел капитан Мак-Грегор.

Капитан Мак-Грегор прибыл в Бинду с сорока западноафриканскими стрелками, двумя пулеметами «максим», одной семидесятипятимиллиметровой и тридцатью всадниками.

Отряд вошел в город ранним утром: капитан боялся ночевать в этом лабиринте глиняных улочек, где его «максимы» и пушка были бы бессильны, где стрелкам не удалось бы даже построиться в каре и где все преимущество современных ружей было бы потеряно против коротких мечей и кинжалов воинов эмира, если бы дело дошло — а оно дошло бы несомненно! — до рукопашной.

Город был хорошо знаком капитану, который уже не один раз бывал в этих местах с экспедициями против работорговцев.

Вот и на этот раз город удалось захватить врасплох: деревянные ворота были открыты, и стража и не пыталась сопротивляться.

Отряд сразу же прошел на площадь перед самым дворцом эмира. Это была большая зеленая лужайка с огромным деревом манго в самом центре, под которым обычно вершился эмирский суд.

Солдаты сейчас же построились в каре, наведя пушку на белые стены дворца. Пулеметы прикрывали фланги.

Конечно, можно было бы попытаться сразу же войти во дворец и арестовать эмира. Но Мак-Грегор не хотел рисковать: кто знает, сколько воинов находилось во дворце.

Солдаты поставили в тени дерева три стула для эмира, капитана Мак-Грегора и лейтенанта Дэвидсона, прекрасно говорившего на местном языке.

Затем капитан приказал Абубакару Абдулахи, постоянному проводнику отряда, отправиться в затихший и словно внезапно вымерший дворец, предложить эмиру выйти для переговоров.

Проводник вернулся через четверть часа с ответом, что эмира разбудили и он выйдет с минуты на минуту.

Солнце быстро поднималось. Начинало припекать. Прошло полчаса. Затем час. Из дворца никто не появлялся.

Глава 14

Идут, — сказал мальчишка.

Петр увидел худого, стройного гвианийца, упругой походкой спешащего к ним по пыльной улице. Рядом с ним почти бежал их проводник, поминутно заглядывая ему в лицо, что-то быстро говоря и отчаянно размахивая руками.

Афораби остановился в двух-трех шагах.

— Хэлло, джентльмены! Вы ищете мисс Карлисл?

Одет он был более чем скромно: старенькая белая рубашка с короткими рукавами, надетая навыпуск, старенькие темно-серые брюки, резиновые сандалии на босу ногу.

Лицо его было отчаянно худым. Казалось, скулы вот-вот разорвут пепельную, туго натянутую кожу. Из глубоких глазниц печально смотрели большие глаза. Он дышал глубоко и порывисто. В нем было что-то пугающе аскетическое.

— Дело в том, что... — Афораби замялся. — Она сейчас в храме Ошуна. Я даже не знаю... удобно ли ее беспокоить.

— Мы ее друзья, — твердо сказал Роберт.

Афораби поднял на него свои печальные глаза:

— Да... я вас знаю... Мистер Рекорд?

Он перевел взгляд на Петра.

Австралиец досадливо поморщился.

— Впрочем, если не можете...

Он бросил взгляд на мальчишка.

— Детям нельзя приближаться к храму, — упрямо наклонил голову Афораби.

Роберт нетерпеливо посмотрел на часы, но Петр опередил его:

— Тогда, если не возражаете, мистер Афораби, я бы хотел посмотреть ваши работы.

Афораби равнодушно пожал плечами, но Петру показалось, что в его печальных глазах сверкнул радостный огонек — сверкнул и тут же погас.

Афораби подошел к двери, вытащил из кармана ключ, вернее, крюк, сделанный из толстой проволоки. Дверь открылась тяжело, противно взвизгнули ржавые петли.

Неровные латеритовые стены и сводчатые потолки дышали прохладой, сыростью. Здесь было несколько темных, безжизненных комнат, соединенных в беспорядочный лабиринт невысокими арками проходов. Афораби где-то у входа щелкнул выключателем. Зажглись бра — сделанные из местной бронзы, грубые, со следами неровностей отливки.

При их свете все сразу же ожило: из красной глины выступили барельефы странных, фантастических животных и птиц. Искривленные волей художника фигурки людей метались в буйных плясках. Эротические сцены были одна откровенней другой.

То здесь, то там висели ряды эстампов в том же стиле. Роберт хмыкнул:

— Мисс Карлисл?

— Нет, вот та стена ее. А это все наше.

Голос Афораби звучал глухо и равнодушно. Он шел сзади, заложив руки за спину. Иногда он останавливался у одной из длинных деревянных лавок, расставленных вдоль стен, и нагибался над разложенными на ней эстампами. Иногда даже брал какой-нибудь из них и внимательно разглядывал.

— А что там?

Роберт кивнул в сторону прохода, выводящего, видимо, во внутренний двор: оттуда сквозь арку врывалась внутрь волна золотого солнечного света.

— Там театр, — все так же равнодушно ответил Афораби. — Там мы ставим наши пьесы.

Десятка три длинных лавок было врыто рядами перед грубой дощатой сценой — без кулис, без занавеса, без задника.

«Как какая-нибудь площадка в сельском парке культуры и отдыха», — подумалось Петру.

Фантастические львы, шестигорбые верблюды, трехрогие козлы, грубо сделанные из бетона и раскрашен-

ные в синий цвет, стояли вдоль высокой белой стены, окружающей дворик.

Стена клуба, выходящая сюда, была расписана яркими, исключительно чистыми по цвету, абстрактными фигурами. Сочетание цветов было радостно-праздничным, удивительно волнующим.

— Мы экспериментируем с цветом, — начал объяснять Афороби.

— Отлично! И все же нам пора. Мы заедем на пару часов к мисс Карлисл — и дальше. Ночевать будем в Бинде, — довольно резко оборвал его австралиец.

Но Петр обернулся к художнику:

— И все же мы хотим посмотреть ваши работы повнимательнее.

Он сказал это твердо, и глаза его встретились с глазами Боба. Австралиец отвел напряженный взгляд. Афороби оживился. Он быстро вошел в дом, так быстро, что Петр и Роберт едва поспевали за ним. Они прошли в комнату, в которой раньше не были.

Здесь стоял большой, грубо сбитый стол, весь заваленный эстампами.

— Вот, — сказал Афороби, и в голосе его была надежда.

Они молча принялись перебирать листы бумаги.

— Кое-что отсюда я возил за океан...

Афороби волновался.

— Репродукции с этих работ есть в каталогах.

Он торопливо порылся в ящике, стоящем в углу, и вытащил оттуда пару проспектов, какие обычно печатаются для выставок.

— Вот здесь.

Проспекты сразу же раскрылись на нужной странице, как только Петр взял их в руки. Было видно, что их демонстрируют довольно часто. Судя по проспектам, Афороби участвовал в выставках клуба «Мбари-Мбайо» в Нью-Йорке и в Вене.

— Вот этот эстамп напечатан в каталоге. «Ночные видения».

Афороби минуту помолчал, словно не решаясь что-то сказать, затем глубоко вздохнул. Голос его дрогнул:

— Я... продаю это...

— Сколько? — уже совершенно спокойно и деловито осведомился Роберт.

— Первый оттиск я продал... за сто фунтов, — робко сказал художник.

— Так то первый! — усмехнулся австралиец. — А этот уже, наверное, двадцатый. Короче, сколько вы хотите за этот эстамп?

— Десять... фунтов.

Афораби говорил с трудом, словно стесняясь этого торга.

— Пять — и я уговорю моего друга взять еще что-нибудь за ту же цену!

Голос австралийца был тверд.

— Советую взять что-нибудь. В конце концов, если раздумаете, отдадите мне. В Луисе такие вещи сейчас в цене: все помешаны на здешних художниках, — быстрым шепотом сказал он Петру.

Афораби колебался: было видно, что ему обязательно надо что-нибудь продать, но цена была низкой, слишком низкой.

— Хорошо, — наконец чуть слышно согласился он. — Два эстампа по пять. Только...

Он поднял на них свои огромные тоскливые глаза.

— Только... не говорите никому... что купили по пять...

Австралиец вытащил деньги, молча протянул их художнику. Тот схватил их, буквально схватил худой, нервной рукой, не совладав с первым импульсом. Но сейчас же собрался, медленно, даже небрежно, не считая, сунул красноватые бумажки в карман своих стареньких брюк.

— Спасибо, сэр.

«А парню придется действительно плохо», — подумал Петр. А вслух сказал:

— Я беру еще два эстампа. Этот и этот.

Лицо Афораби осветилось улыбкой. Он не мог уже скрыть радости. А Петру вдруг стало стыдно самого себя, своей жалости, своего жеста, унижающего этого художника и доставляющего ему же радость.

— По пять? — он постарался придать своему голосу холодную расчетливость, чтобы скрыть охватившее его смущение.

— Йе, са.

И это «йе, са» — выражение, принятое среди слуг, — резануло Петра.

А ведь они вошли в это здание равными!

— Значит, вы хотите поехать к мисс Карлисл? — сказал Афораби, когда они вышли из клуба. — Ладно.

Он посмотрел на солнце, потом положил ладонь на голову мальчишки, приведшего его и вместе с братом терпеливо дожидавшегося их на улице.

— Идите. Я провожу их сам. А вечером приходите.

Роберт протянул мальчикам по паре монет:

— Всюду бизнес. А вечером они придут получать комиссионные.

— Йе, са... — хором крикнули мальчишки и помчались по улице, взбивая голыми пятками красную пыль.

Афораби махнул рукой в сторону зеленой стены, видневшейся на холмах:

— Надо выехать из Огомощо. Туда...

— Машина пройдет? — спросил Роберт, уже заводя двигатель.

— Сейчас сухо.

Петр подметил, что теперь Афораби держал себя намного увереннее, как будто прошел уже нечто, что надо было обязательно пройти и за исход чего он очень волновался.

Они медленно ехали по разбитой проселочной дороге. Красная глина — латерит — затвердела на солнце и превратилась в камень, покрытый слоем тонкой пыли. Придорожные кусты были сплошь красными, красной была трава, и только самые верхушки невысоких деревьев сохраняли сочную зелень.

Афораби сидел на заднем сиденье, полузакрыв глаза, весь подобравшись и напрягшись.

— Еще с половину мили, а там будет храм, — сказал он, когда они проехали полчаса. Теперь напряжение его опять возрастало. Он и не пытался скрывать свое беспокойство и неуверенность.

— Сколько вы зарабатываете в месяц? — вдруг спросил его Петр.

Он давно хотел задать этот вопрос и не решался: боялся честного ответа и не хотел нечестного. Ему хотелось, чтобы Афораби остался таким, каким он видел его, чтобы он не разрушил вдруг все одной маленькой ложью.

Но именно сейчас, когда художник, явно превозмогая себя, оказывал им услугу, ценность которой была известна лишь одному ему, он должен был сказать только правду.

— Иногда ничего... Иногда фунтов пять...

Голос Афораби был глух. И Петр ужаснулся — насколько незащищен был перед ними этот человек. Ярмо нищеты давило его, сгибало его душу, и единственным его оружием была грустная улыбка да два-три каталога.

Храм показался сразу за крутым поворотом — срезом холма. Латеритовый срез был отполирован до блеска и украшен фресками — такими же, какие они видели в «Мбари-Мбайо». Только здесь было больше изображений женщин — беременных, кормящих, рожających.

По обочинам, в кустах, торчали красные латеритовые изображения пучеглазых существ мужского пола. Их эротика была вызывающей.

Сам храм, похожий на группу разной величины и формы термитников — красных пирамид с двумя-тремя остроконечными вершинами, — стоял на краю густой зеленой чащи, в которую упиралась и в которой обрывалась дорога.

Только фасад храма выступал из зелени — четыре конусообразные башни из латерита с узкими и низкими арочными проемами. Все было соединено причудливо извивающимися переходами — несколькими коридорами в толще неровных стен, кое-где продырявленных крошечными окошками.

Перед храмом стояла Элинор Карлисл. Она нагибалась над большим деревянным корытом, черпала оттуда своими сильными, красивыми руками тяжелую красную глину и укладывала ее в основание скульптурной группы: фигура неведомого существа с гипертрофированной мужской статью была окружена коленопреклоненными женщинами с руками, протянутыми в мольбе.

— Это Ошун, бог плодородия, — чуть слышно сказал Афораби. — Мисс Карлисл — его главная жрица.

Художница выпрямилась, прикрыла глаза козырьком красной от глины ладони: солнце било ей прямо в лицо.

Афораби вышел из машины и сделал вперед не-

сколько шагов, не поднимая глаз, упорно глядя в землю.

— Эти джентльмены хотят видеть вас,— сказал он по-английски.

— Хэлло!— подчеркнуто весело крикнул Роберт.

— Хэлло!— тихо и неловко произнес Петр.

Элино́р, разглядев, кто перед ней, побледнела, закусила губу и в сердцах швырнула обратно в корыто только что взятый оттуда кусок глины.

Потом она заговорила — холодно, спокойно, на местном языке, которого не понимали ни Роберт, ни тем более Петр. И от каждого ее слова, как от удара, Афораби втягивал голову в плечи, съеживался. Лицо его стало серым, а большие, больные глаза стали еще больше и еще больнее от ужаса.

Вдруг, резко оборвав фразу, Элино́р повернулась и скрылась в храме.

Афораби стоял, уставившись в землю, опустив плечи.

— Ненавижу женщин искусства,— иронически прищурился Роберт. Он уже окончательно овладел собой и был таким, каким его привык видеть Петр,— чуть ироничным, спокойным, уверенным в себе.

Он положил руку на плечо Афораби:

— Ты, парень, не слишком расстраивайся.

Афораби поднял голову, и они увидели в его глазах ненависть.

— Она присвоила себе наших богов, и она не хочет, чтобы их знал еще кто-нибудь из европейцев. Ни один белый не видел храм бога Ошуна, пока не приехала она. Она задарила стариков, она прошла посвящение и стала верховной жрицей...

Он помолчал, стараясь овладеть собою. Наконец, это ему удалось, он сглотнул слюну, вздохнул глубоко, всей грудью.

— Она очень недовольна, что мы пришли сюда.

Петр и Роберт переглянулись. Положение действительно было в таком случае довольно щекотливым.

— Ничего не поделаешь,— развел руками Роберт,— поехали.

— Стойте!— голос художницы был резок и тверд.

Она вышла из храма и теперь смотрела на них.

— Афораби, ты приведешь их ко мне через час. Домой. Ты понял?

— Йе, ма,— склонился Афораби.— Я приведу.

Глава 15

Роберт развернул «пежо» и нажал на акселератор. Красная пыль занавесом поднялась из-под задних колес и закрыла все — и храм, и бесстыдные скульптуры, и барельефы на гладких откосах дороги.

— В Бинду, пожалуй, сегодня мы все-таки не успеем. Придется ночевать в здешнем рест-хаусе, — не обращаясь ни к кому, произнес Роберт.

Бинда. Петру так не терпелось оказаться в этом городе, в городе, где много лет назад разыгралась трагедия капитана Мак-Грегора.

А ведь то утро, казалось, не предвещало трагедии. Постепенно площадь перед дворцом заполнялась жителями Бинды. Они робко жались к стенам дворца, к стенам суда и мечети, и их белые одежды казались узорами на красном латерите.

Первыми осмелели дети. Один за другим они подходили к солдатам, южанам с побережья Атлантики, окружали их и молча, открыв рты, рассматривали их красные фески, блестящие черные ремни, ботинки на толстой подошве, зеленые обмотки. И конечно же, солдатские ружья.

Дети завидовали солдатам. Да и взрослые северяне, усевшись на корточки в красной пыли, качали головами: эти парни с Юга — вот уж кто ловкачи! Иначе как еще можно устроиться на службу к белым, да еще получить такую чудесную одежду и оружие!

В свою очередь, южане не скрывали своего презрения к этим оборванцам-северянам. Им уже приходилось отбивать атаки точно вот таких же — в белых одеждах, размахивающих луками и с воем мчащихся на каре.

Дураки! Если их аллах дал им только отравленные стрелы, то бог белых Джизус дал европейцам ружья-машинны по имени «максим». А значит, Джизус был сильнее аллаха, и не этим рабам эмиров было тягаться с «маста Дунканом».

Капитан Мак-Грегор нетерпеливо посмотрел на часы:

— Что-то наш хозяин задерживается!

Лейтенант Дэвидсон улыбнулся и пожал плечами:

— Восточный владыка! Они никогда не торопятся. Впрочем...

Он выжидательно посмотрел на капитана:

— Если хотите, я могу его поторопить. Мне пришлось бы быть прежде в этом городе, да и во дворце тоже.

Мак-Грегор зевнул и потянулся в кресле:

— Извините, я сегодня плохо спал.

Он лениво передвинул тяжелую кобуру с бедра на живот.

— Ладно, все мы отоспимся на том свете. Не торопитесь, милый Дэвидсон. Мы пошлем еще раз нашего проводника... Эй, Абдулахи!

Толстяк проводник подкатился на коротких ватных ножках. У него почти не было шеи, голова была большой и круглой, как тыква. На безусом бабьем лице зазмеилась подобострастная улыбка:

— Йе, са.

— Не нравится мне этот парень, — тихонько сказал по-французски лейтенант. — Слишком он хитер. Я ему не доверяю.

— А кому вы здесь можете доверять, — по-французски ответил Мак-Грегор. — Вы не служили в Индии — там еще хуже.

Он перешел на английский язык, обращаясь к Абдулахи:

— Вы еще раз пойдете во дворец и скажете эмиру, что я его жду.

— Йе, са... — поклонился толстяк. — Йе, са.

Он попятился, не разгибая спины, потом проворно повернулся и с неожиданной для толстяка резвостью почти побежал к дворцовым воротам.

— Распорядитесь насчет караула, лейтенант. Я подам знак, когда вы будете арестовывать этого упрянца. Дэвидсон кивнул.

И в этот момент из дворцовых ворот выехал отряд всадников. Впереди на белом коне в высоком деревянном седле ехал эмир Бинды. Рядом катился на коротких ножках Абдулахи.

Почему вдруг здесь, именно здесь, в зарослях около Огомшо, Петр так ясно представил себе эту картину? Почему сухие строчки, прочитанные им в библиотеке Луисского университета, вдруг приобрели такую реальность?

Рест-хаус оказался небольшой гостиницей. Собственно, состоял он из четырех одноэтажных домиков, разбросанных на просторной зеленой лужайке.

В центре лужайки стоял домик побольше, под деревом-«зонтом», ветки которого, толстые, мощные, росли четко разделенными этажами: первый, второй, третий, четвертый... Толстые, мясистые и большие листья напоминали фикус или магнолию. Так показалось Петру.

Здесь помещалась контора — маленький закуток, в котором дремала массивная гвианийка в модном парике — прямые волосы, расчесанные на пробор.

Она любезно поздоровалась и предложила заполнить небольшие анкеты: кто, куда и откуда едет, постоянный адрес.

Затем старательно переписала имена мелом на черную доску на стене, разграфленную и пронумерованную.

— Шале номер два, комнаты «эй» и «би», — объявила она, выкладывая из ящика своего письменного стола тяжелые бронзовые ключи. — Первый дом отсюда направо...

Она нажала кнопку на столе. Буквально через несколько секунд из соседней комнаты выскочил молодой парень в белом фартуке.

— Йе, ма...

— Проводи джентльменов, — властно приказала ему толстуха. — Номер два.

— Йе, ма, — повторил парень, выжидающе глядя на приезжих.

— Машину водишь? — спросил его Роберт, подбирая в ладони ключи.

— Йе, са...

— Тогда лови!

Парень ловко подхватил брошенные ему ключи.

— Отгони машину к шале и принеси мне ключи сюда. Мы будем в баре.

От конторки, из небольшого холла перед нею, двери вели направо и налево. На левой двери была прикреплена черная стеклянная табличка с белыми буквами — «Столовая». На правой такая же табличка — «Бар».

Роберт уверенно толкнул эту дверь. За ней оказалась небольшая и тесно заставленная комнатка, разгороженная почти наполовину стойкой бара.

Бармен был толстый, с физиономией экс-боксера. Он носил белую куртку с короткими рукавами, и на его мясистой руке сверкал массивный браслет низкопробного золота.

Стены были увешаны рекламными плакатами — пиво «Стар», авиакомпания «Сабена», «Алиталия» и «Гвиания-эйруейс».

Кроме дюжины высоких стульев у стойки, в комнате стояло четыре столика, окруженные низкими грубыми креслами местного производства, с грязноватыми пестрыми чехлами, не скрывающими продавленности пенопластовых подушек.

За одним столиком сидело человек пять гвианийцев. Судя по их громким и возбужденным голосам и десятку пустых бутылок «Стар», они сидели здесь уже давно и были изрядно на взводе.

Роберт выбрал столик в противоположном углу. Когда все уселись, он поманил пальцем бармена, тот лениво вышел из-за стойки.

— Йе, са? Пиво?

Он приветливо кивнул Афораби, что-то спросил его на местном языке, затем одобрительно кивнул австралийцу и Петру.

Афораби улыбнулся:

— Он спросил, купили ли вы что-нибудь. Он тоже член «Мбари-Мбайо». Он актер.

Бармен обнажил в улыбке громадные белоснежные зубы.

— Да у вас тут прямо Парнас! — усмехнулся Роберт и щелкнул пальцами. — Сплошные служители муз.

— Да, сэр, — продолжая широко улыбаться, кивнул бармен. — Искусство — это лучше, чем политика.

Он с неодобрением поглядел на спорящих в углу гвианийцев.

Страсти там заметно накалялись, и экс-боксер, видимо, нашел, что настало время вмешаться. Он грозно вы-

пятил брюхо, упер свои тяжелые ручки в мясистые бока и зычно объявил:

— Джентльмены, не забывайте правил нашего заведения!

При этом он поднял руку и ткнул мясистым пальцем в направлении самодельного плакатика, на котором было написано: «Здесь не говорят о политике».

Спорщики, видимо, уже имели возможность убедиться, что слова бармена не расходятся с делом. Они сразу же замолчали и принялись допивать свое пиво.

Вернувшись к стойке, бармен выставил перед собой три бутылки пива и три кружки. Ловким движением сняв пробки, он взял в обе руки по бутылке и опрокинул их в кружки. Зашипела пена.

— Готово, джентльмены!

Он принес две кружки, поставил их перед Афораби и Робертом.

— Сейчас, са...— извинился он и поспешил к прилавку за третьей.

— А тебе чего здесь? Это для того джентльмена,— набросился он на одного из членов компании, подошедшего тем временем к бару.— И не хватай чужое пиво!

Тот что-то пьяно забормотал и потащился назад к собутыльникам.

— Сервис!— заорал он, как только плюхнулся в кресло.

После первых же глотков Афораби заметно оживился. Глаза его заблестели, речь стала свободнее. Он заговорил о себе.

— Вы спросили меня, сколько я зарабатываю в месяц...

Он смотрел на Петра.

— Я зарабатываю мало... Вот так иногда заезжают европейцы, как вы, что-нибудь покупают. Как-то приезжал богатый американец — заплатил мне сто фунтов за один эстамп вместе с доской, на которой я его резал. И тут же приказал уничтожить эту доску, чтобы единственный оттиск был только у него...

Афораби отпил пива и вздохнул:

— Что же, это его право; а сто фунтов — хорошие деньги. У меня ведь жена и сын. Я заплатил вперед за его обучение в школе. Потом я делал стены бензоколонки. Вы их видели — колонка у клуба. Тоже были деньги.

Он жадно выпил сразу полкружки.

— Но иногда мне хочется уйти назад, в мою родную деревню за тридцать миль отсюда, и жить жизнью моих родителей, моих предков. Сажать ямс и веселиться на празднике урожая, ходить на охоту и копить деньги на вторую жену... Но я не могу этого сделать!

Он заметно опьянел, и Петр удивился, насколько он был слаб.

— Я не могу этого сделать потому, что я не могу уже жить так, как жил раньше! Мисс Карлисл несколько лет назад ездила по бушу и собирала ребят, у которых она находила способности к искусству. Потом она давала нам кисти и говорила — рисуйте! Нам, никогда раньше не знавшим, что такое масляные краски и гравировальная игла! Мы должны были «самовыражать» свои способности, не испорченные ничьими влияниями... Потом были выставки, мы ездили за границу...

Он допил кружку и махнул бармену:

— Я угощаю!

— Не надо,— вдруг мягко сказал ему Роберт, кладя ладонь на его руку.— Сегодня угощаем мы...

На этот раз бармен принес еще три бутылки — прямо на стол, предоставив им самим наливать пиво в свои кружки. Мимоходом он включил фен. Тяжелый пропеллер медленно повернулся под потолком раз, другой, все быстрее и быстрее...

В углу опять громко спорили на местном языке. Петр прислушался к незнакомой речи, удивительно мягкой и музыкальной. Спорящие все время повторяли английские слова «всеобщая забастовка». И Петр вдруг почувствовал необъяснимую тревогу, будто все, о чем говорилось там, в углу, касалось лично его.

— Нам пора...

Роберт тревожно коснулся его плеча.

— Что с вами? Вы заболели?

— Не знаю. Просто знобит. Наверное, от фена. Афораби смотрел на него глазами, расширившимися от ужаса.

— Это... Ошун,— запинаясь, произнес он.— Я не должен был водить вас в храм...

Петр с усилием рассмеялся:

— Ерунда! Перегрелся днем. Я же еще даже по-настоящему не акклиматизировался, а уже гоняю по стра-

не. Кстати... (он посмотрел на часы), вам, кажется, опять попадет: мы должны были быть у мисс Карлисл полчаса назад.

Афораби поспешно допил остатки пива и вскочил.

«А все-таки он ее боится», — подумал Петр.

Роберт встал не торопясь, медленно отсчитал деньги и положил их на стол.

— Но почему бы вам действительно не вернуться домой, в деревню? — спросил он Афораби, продолжая прерванный разговор. — Что держит вас здесь? Мисс Карлисл?

Афораби опустил голову:

— Я ненавижу ее. И все мы, те, кто в клубе, мы все ненавидим ее. Она испортила нас. Она наслала на нас джу-джу, она сделала что-то с нашими душами. Мы не можем больше жить без «Мбари-Мбайо» — никто, ни я, ни он...

Он кивнул на бармена, сгребаящего, словно лопатой, своей широкой ладонью монеты, оставленные Робертом.

Они вышли на высокое цементное крыльцо, и сразу же их охватила влажная, липкая темнота, оглушил звонкий треск мириад цикад.

Парень — тот самый, которому было поручено отогнать машину, — выскочил следом за ними и словно растворился во тьме. Затем где-то неподалеку заурчал мотор, разом вспыхнули два белых столба — свет фар уперся в крыльцо.

Роберт протянул монету, парень взял ее и вежливо открыл перед ним дверцу машины.

— Добро пожаловать, са...

Петр откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Опять начался озноб.

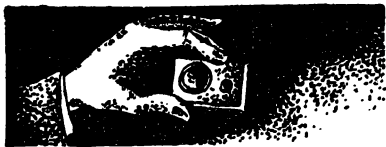
...Машина остановилась у двухэтажного дома, сквозь маленькие окна которого тускло светило электричество.

— Здесь, — сказал Афораби и первым вылез из машины прямо в грязь, рядом с водяной колонкой, из которой текла, не переставая, вода.

Из единственной двери появилась девочка-подросток с керосиновой лампой в руках.

— Мадам ждет вас, — сказала она и сделала неуклюжий реверанс.

Глава 16

Они вошли в темный подъезд, освещенный тусклой от грязи лампочкой, висевшей под потолком из неструганых досок.

— Сюда,— сказала девочка и ткнула все еще горячей лампой в сторону узкой и крутой деревянной лестницы без перил. Лестницу стискивали стены, обитые фанерой. По фанере шла широкая грязная полоса — там, где поднимающиеся по лестнице придерживались за стены.

Верхняя площадка была тесной и темной. Одна стена ее была глухой, фанерной, другая — забрана мелкой решеткой. При свете, падавшем на площадку из распахнутой двери, было видно, что за решеткой было что-то вроде большой клетки. Вернее, в клетку была превращена комната, загроможденная ящиками. По ящикам метались обезьяны — штук пять-шесть, разных пород и размеров.

Одна, с детенышем, висевшим у нее на брюхе, прильнула к решетке и смотрела большими бархатными глазами на пришельцев.

— Сюда,— опять сказал Афораби, пропуская вперед гостей и отступая в тень.

Они вошли в тесную комнату, освещенную единственной лампочкой без абажура, свисавшей на шнуре с низкого дощатого потолка.

Художница молча поднялась им навстречу из плетеного садового кресла...

— Здесь я живу,— сказала она просто. — Присаживайтесь...

Гости уселись в плетеные кресла — точно такие же, как то, в котором сидела сама художница. Петр осмотрелся.

Это было нечто среднее между гостиной и студией. Две стены заняты стеллажами из неструганых досок, уставленными деревянными скульптурами, потемневшими от времени. Некоторые скульптуры были полуразрушены термитами, гниением. Их покрывал толстый слой пыли.

В углу — грудa натянутых на подрамники холстов. На верхнем пестрел яркий узор красок — даже не узор, а взрыв цвета. В большом эмалированном тазу, стоявшем тут же, влажно блестела маслянистая и тяжелая красная глина.

К небольшому окну без занавески прислонился круглый плетеный стол, заваленный кистями, палитрами, кусками бумаги.

В углу около двери тощая рыжая собака кормила щенят. Афораби тихонько шлепнул ее ладонью, и она лениво встала; щенята, толстые, сонные, тяжело отрывались от сосков и шурили мутные глаза. Собака потащи́лась на лестницу, щенята заковыляли за ней, удивленно позевывая.

Из этой комнаты была еще одна дверь в соседнюю. Там горел яркий свет. Петр со своего места мог видеть лишь широкую, низкую тахту, покрытую пестрой тканью работы местных кустарей, и часть стены, увешанной небольшими яркими рисунками.

На тахте весело возились пять или шесть малышей гвианийцев. Маленькая девочка, лет четырех-пяти, сидела на чурбачке у тахты и ела кашу, запуская большую алюминиевую ложку в яркую эмалированную миску.

По щекам девочки медленно катились тяжелые капли слез.

Художница перехватила взгляд Петра.

— Кофу, — строго сказала она девочке. — Перестань реветь и сейчас же доедай кашу.

Девочка зашмыгала носом, ложка заработала проворнее.

— Это... ваши? — спросил Петр, не зная, с чего начинать разговор и уже ругая себя за нелепость вопроса.

— Мои, — спокойно ответила Элино́р.

Она была одета как всегда: грубая юбка из местной узорчатой ткани, легкая блузка-рубашка. И цветок, багровый цветок на желтоватой ткани блузки.

И опять Петр обратил внимание на ее руки — небольшие, но сильные. Кисти — видимо, оттого, что все время бывали покрыты глиной, — не загорели и резко подчеркивали своей белизной темноту загара всей остальной руки.

— Сколько их? — кивнул Петр на детскую комнату.

— Сейчас шесть.

Лицо художницы, напряженное — словно она только что-то отчитывала Афораби там, у храма Ошуна, смягчилось.

— Сейчас их шесть, — повторила она, растягивая слова. — Скоро будет больше...

— Да, — неожиданно вздохнул Роберт. — Скоро их будет больше.

Петр перевел на него удивленный взгляд.

Роберт насмешливо хмыкнул.

— Чему вы удивляетесь? Спросите-ка лучше Элино́р, откуда эти дети!

Художница пожала плечами:

— Если вы иронизируете надо мною, Боб...

— Нет, я иронизирую и над самим собой. И над всеми нами.

В словах Роберта была горечь. Петр все еще не понимал, о чем идет речь.

— А вы-то здесь при чем? — вырвалось у него.

— Вот этого я и сам не пойму, — усмехнулся Роберт.

Он кивнул на комнату, из которой слышалась веселая возня.

— Этих детей Элино́р подобрала во время прошлогодних парламентских выборов. Их родители погибли — все они были функционеры соперничающих партий. И вот мисс Карлисл металась на своем «фольксвагене» по джунглям и собирала малышей. Она вовлекла в это дело нас всех. Даже я... — он усмехнулся, — отправил двоих в пансионат в Англию.

— Не надо так, Боб!

В голосе Элино́р был мягкий укор:

— Вас же никто не заставлял. Вы делаете доброе дело.

Роберт поднял руку:

— Стоп! Не делайте из меня святого! Больше всего в жизни я боюсь, как бы меня не канонизировали. Нет уж, роль Альберта Швейцера я оставляю вам. Тем более что скоро у вас прибавится работы на этом поприще.

Элино́р закусила губу:

— Да... Всеобщая забастовка... Вчера здесь был

ваш друг Стив — не у меня, а в нашем городе. Они поехали на Север.

Она вздохнула:

— А вы знаете, что и я была в свое время активисткой классовой борьбы?

Это было сказано с легкой иронией.

— Моя мать была англичанкой, отец — швейцарец, — все с той же легкой иронией продолжала Элинор. — Мы жили в Германии, когда пришли наци. Собственно, швейцарское подданство и спасло меня поначалу от всего этого коричневого бреда — от трудовых лагерей, гитлерюгенда. Потом я уехала в Швейцарию. После войны жила в Вене — работала в социалистической газете. Это была пора демонстраций. А потом... потом появился человек, который помогал мне еще в Швейцарии. Он ехал сюда, предложил мне стать его женой...

Она поправила мальчишескую прическу.

— С тех пор я здесь.

Лучистые изумрудные глаза мягко глядели на Петра. Голос Элинор становился все глуше. Комната плыла, кренилась.

«И все-таки я заболеваю», — опять подумал Петр и, чтобы не упасть, изо всех сил вцепился в плетеные подлокотники своего кресла.

Из соседней комнаты вышла Кофу с пустой миской в руках. Слезы на ее щеках уже высохли, но глаза были сердиты. Она молча прошла на босых, искривленных рахитом ножках в угол, к ведру с водой. Так же молча сполоснула миску и отнесла ее в другой угол, к пестро раскрашенному сундучку, заменявшему сервант.

— Что с вами?

В голосе Элинор была тревога.

— Душно...

Петр попытался встать, но ноги его подломились.

— Питер, — услышал он тревожный голос Роберта и провалился в небытие.

Петр открыл глаза и увидел над собой медленно вращающиеся лопасти фена. На лбу лежало что-то мокрое, холодное.

Он попытался приподняться, но уверенная, спокойная рука удержала его.

— Лежите, Питер.

Это был голос Элинора.

— У вас лихорадка. Ничего особенного, обычная лихорадка. Это здесь бывает. В здешних краях слишком много болот и сотни видов лихорадки. Для врачей здесь уйма работы.

Все тело ломило, мускулы болели, голова была тяжелой.

Петр лежал на широкой кровати. Конус полога-сетки накрывал его, как купол парашюта. Шнур от верха полога был прикреплен к небольшому черному кругу — к центру фена, вокруг которого неторопливо вращались лопасти пропеллера.

— Где я?

— Вы... — Элинора ответила не сразу.

Она сидела рядом с кроватью на низком деревянном табуретике, традиционном для здешних мест: изогнутое сиденье на спинках двух неуклюжих слонов. Стопка бумажных квадратиков лежала у нее на коленях. Она только что рисовала и, заметив, что Петр пришел в себя, поспешно сунула рисунки в карман юбки.

От резкого движения два листочка упали на пол, но Элинора этого не заметила.

От нее пахло какими-то травами — свежо и терпко.

— Вы в моей спальне...

Петр резко приподнялся. Элинора засмеялась.

— Однако же вы целомудренны! Но не бойтесь, я не собираюсь вас соблазнять.

И опять, как тогда, в первый вечер их знакомства, Петру показалось, что она жалеет его.

«Боже мой, — подумал Петр, — ну какой же я идиот!»

— Где Роберт? — как можно спокойно спросил он.

Резкое движение отняло у него силы, и он беспомощно откинулся на подушку.

— Мистер Рекорд не доверяет моим травам. Он поехал к аптекарю на другой конец города. Чудак! Знал бы он, что аптекарь чуть что сам бежит ко мне за травами! Выпейте-ка вот этого.

Элинора откинула край полога, села на краешек постели и протянула Петру стакан, наполненный золотистой,пряно пахнущей жидкостью. Потом, вдруг заметив сомнение в глазах Петра, она сама сделала несколько глотков из стакана.

— Не бойтесь. Это тонизирующее.

И пока Петр послушно пил горьковатый, вяжущий напиток, продолжала:

— Старики и старухи знают здесь много такого, что наши врачи еще только ищут. Химики корпят в своих лабораториях, а природа все давно уже изобрела и открыла. Вы вот в душе, наверное, удивляетесь, думаете обо мне — неужели она верит в божество Ошун? А я верю. Да, да, верю, потому что Ошун для меня — воплощение Добра. И я верю в Добро и хочу служить ему. Думаете, я не заметила, как вы разглядывали мои комнаты? Вы, конечно, подумали — зарабатывает неплохие деньги, а живет, как нищая.

Элино́р взяла у Петра пустой стакан, встала с постели и отошла, чтобы поставить его на небольшой столик с зеркалом, стоящий в углу.

Петр непроизвольно следил за ее уверенными, плавными движениями, за каждым изгибом ее сильного, стройного тела.

— А я не могу жить иначе!

Элино́р резко обернулась, в голосе ее слышалось почти отчаяние.

— Я не могу жить в роскоши, когда люди вокруг меня живут в нищете! И я стараюсь помочь моему народу!

— Вашему народу?

— Да, моему народу. Тем людям, среди которых я живу.

Лекарство действительно было чудодейственным. Петр почувствовал, как возвращаются к нему силы. Голова стала легкой, боль в мускулах стихала. Он сел, до половины откинув было укрывавшую его простыню, и только тут заметил, что раздет.

Простыня оказалась немедленно натянутой до подбородка. Сделано это было так быстро и непроизвольно, что Петр сам улыбнулся комичности своего движения.

Элино́р мягко улыбнулась:

— Однако вы действительно целомудренны. Правда, говорят, что вы — там, в России, — установили у себя нравы викторианской Англии? Или вы боитесь быть скомпрометированным?

Она обернулась к своему столику, выдвинула ящик и достала оттуда небольшую книжечку.

— Когда мы с вами познакомились, я решила по-

читать что-нибудь о вашей стране. И вот... в магазинах в избытке лишь вот это — все тот же Ян Флеминг, «Из России с любовью». Вы ее читали?

Да, Петр уже прочел эту книгу. Прочел, потому что в Луисе только что прошел фильм, сделанный по этому бестселлеру, и все его новые знакомые в университете, когда Роберт представлял его как «парня из России», сразу же начинали улыбаться и говорили:

— А! Из России с любовью...

Книга была дикой по глупости, зато автор тщательно протранскрибировал наиболее ходкое русское ругательство и щеголял им, описывая русских.

— Менее антисоветской книги вы, конечно, найти не смогли, — ответил Петр на вопрос художницы.

— Чепуха! — мягко парировала Элинора. — Никто не воспринимает всерьез эту чушь. Зря вы на нее так болезненно реагируете. Но...

Голос ее стал серьезным.

— Я узнала из этой книги несколько вещей, которые, кстати, не мешало бы понять и вам.

«Черт знает что! — думал тем временем Петр. — Дурацкое положение! Раздетый в спальне женщины, да эта же женщина еще и читает мне мораль!»

— Я вас слушаю, — нарочитым тоном послушного ученика сказал он, ища глазами свою одежду.

Элинора подошла к кровати и села на свой табуретик.

— Содержание вы, конечно, знаете. Ваши... — Она помолчала, подбирая слово, да так и не подобрала его. — Словом, ваши хотят убрать досадившего им английского разведчика, знаменитого агента ноль-ноль-семь Джеймса Бонда. Но не это их главная задача. Их главная задача — скомрометировать его, используя при этом женщину.

— Прием с бородой!

Элинора пожала плечами:

— Тем не менее... Но не в этом дело. Ян Флеминг долгое время работал в английской секретной службе. Об этом написано в его биографии — здесь, на обложке. И все методы, которые он описывает...

Художница выжидающе посмотрела на Петра.

— Вы мне не верите.

Она опустила голову. Потом вскинула ее по-мальчишески задорно.

— Хорошо, не верьте. Но прошу вас, не считайте

меня героиней Флеминга. Честное слово, я не собираюсь вас соблазнять, как это делается в детективах. Вы знаете, об этом все говорят: Джерри Смит — мой жених. И мы скоро поженимся.

Она замолчала, словно выжидая, что скажет на это Петр.

Петр отвел глаза. Что он мог сказать этой женщине, которая так ему нравилась и которая видела в нем лишь большого ребенка. И почему-то жалела.

Рисунки, оброненные Элино, лежали на полу почти у самой кровати. И Петр остановил на них взгляд. Его словно ударило током: из хаоса штрихов на него глядели удивительно знакомые и в то же время незнакомые лица. Петр напряг глаза. Ну конечно, он видел их совсем недавно здесь, в Гвиании. Но где? Черт бы побрал эту манеру рисунка! Тут и сам себя не узнаешь! Но нет... Это... Это... да, ну конечно же, это тот англичанин, шеф контрразведки, которого он видел у брата Стива. А второй?

Элинор перехватила его взгляд. Она тут же нагнулась и поспешно подняла рисунки, быстро спрятала их в карман.

«Она «зарисовывает» свои мысли, — подумал Петр. — Англичанин... Значит, она знает его. А второй — кто был второй? В рисунке было нечто знакомое, очень знакомое!»

— Кто это?

Петр задал вопрос произвольно, вопрос вырвался у него сам собой. И он знал, что ответа не получит.

— Не знаю, — равнодушно пожала плечами Элино, но в глазах Петра, видимо, было что-то такое, что заставило ее сунуть руку в карман юбки и достать стопку бумажных квадратиков.

Она быстро просмотрела их.

— Нет, не знаю, — увереннее сказала она. — Это же просто так... впечатления.

Она опять спрятала рисунки.

«А она знает, — подумал Петр. — знает хотя бы одного из них и скрывает. Но почему?»

— Кстати, — голос Элино был уже спокойным и деловитым. — Я хотела бы, чтобы вы взяли меня с собой. Доктор Смит работает на плато в ста пятидесяти милях от Бинды. Это почти по дороге на Каруну — небольшой крюк в сторону.

— Если не возражает Роберт... — ответил Петр, думая совсем о другом.

— Кто произнес мое имя всуе? — Роберт стоял на пороге с пакетом в руках.

Он подошел к кровати и вывалил на нее содержимое пакета.

— Скупил половину аптеки — от всех болезней на свете! Ну, как ты себя чувствуешь?

— Жив! — неохотно ответил Петр. Он досадовал на австралийца, явившегося так некстати и прервавшего разговор.

Элинор вздохнула. Роберт кивнул в ее сторону и подмигнул.

— С нами бог Ошун и его жрица!

— Я вас выгоню, мистер Рекорд, — устало заметила художница. — Перестаньте паясничать!

Роберт шутливо поднял руки:

— Но ведь, если я не сберегу этого парня, профессор Нортон украсит моим черепом свою любимую лодку!

Плохое настроение у него окончательно прошло — или он хорошо держал себя в руках. Во всяком случае, Боб был теперь таким, каким Петр знал его прежде.

Глава 17

— **Ш**ах! — громко объявил мистер Девон. Неторопливо пригладив волосы, Роджерс вежливо улыбнулся:

— Вы меня пугаете, коллега! Вы становитесь все более агрессивным!

Они играли в шахматы в холле виллы Нейла Девона. Американец был сегодня в отличной форме: он выигрывал у полковника третью партию подряд.

После минутного раздумья Роджерс осторожно сгреб маленькой ладонью фигуры:

— Сдаюсь!

Девон довольно хохотнул:

— Что ж, порой приходится сдаваться и вам.

— В таких случаях я стараюсь делать это красиво, — мягко заметил Роджерс и посмотрел на часы.

— Я хочу кое о чем с вами поговорить, Нейл.

— О'кэй! — американец насторожился, щеки его набрякли. «Ну и бульдожина!» — подумал Роджерс.

— Вы мне мешаете, дорогой Нейл! — тихо, но очень твердо сказал он, глядя прямо в белесые глаза партнера. Американец побагровел. От этого волосы его казались еще более серебряными. Он медлил с ответом.

«А его когда-нибудь все-таки хватит удар, — подумал Роджерс. — Недаром говорят, что он большой любитель пива».

— Не будем играть в прятки, — продолжал полковник. — У нас есть данные, что ваши люди разрабатывают Николаева. И я советую вам бросить эту затею.

— При чем здесь мы? — Девон пожал плечами. — Мы здесь новички, а хозяева — вы. И потом в конце концов мы же партнеры!

— Да?

Роджерс иронически прищурился.

— Расскажите это кому-нибудь другому, Нейл. Вы прекрасно знаете, что я не люблю американцев, а я знаю, что вы не любите англичан. Но в конце концов мы с вами не Ромео и Джульетта и прекрасно обойдемся без горячей любви. Но наши страны — это два каторжника, скованные одной цепью. И если что-то происходит на одном ее конце, то сейчас же отдается на другом. Мы просто вынуждены быть порядочными в отношениях между собой. По крайней мере не запускать руки друг другу в карман. А вы...

Роджерс сунул руку в карман легких спортивных брюк и выложил на шахматную доску крохотную фотокамеру.

— Возьмите, это ваша техника. Пленку мы, разумеется, уже проявили. Должен вам сказать, что товарищ Николаев и мисс Карлисл вели себя прилично до изумления, — в его голосе был откровенный сарказм. — И больше не посылайте, пожалуйста, ваших людей сыпать всякую гадость в пиво Николаева и ремонтировать фен в спальне невесты доктора Смита. Если доктор узнает об этом, боюсь, что ваши газеты в который раз поднимут крик о вторжении ЦРУ в личную жизнь американцев за границей.

— Вы хотите сказать, что у нас работает агент-двойник? — американец даже слегка охрип.

— А почему бы и нет? Ведь мы здесь хотим совсем иного, чем вы. Например, вы думаете, как вам проникнуть в Гвианию и вытеснить нас отсюда, а мы — как сохранить в Африке то, что нам досталось от империи. Вы хотите при помощи самой банальной провокации попытаться уловить душу мальчишки-аспиранта и, может быть, сделать из него заурядного агента, который потом в конце концов сам побежит каяться в КГБ да еще завалит двух-трех ваших связных. А мы готовим его для использования в большой политической игре.

— И поэтому ваши люди следуют за ним по пятам? Любопытно!

Девон внимательно изучал миниатюрную камеру, и было непонятно, к чему относится его последнее замечание.

Внезапно он вскинул глаза на Роджерса.

— Вас очень беспокоит всеобщая забастовка, которую сейчас готовят здесь эти профсоюзники?

— Нащупываете след? — улыбнулся полковник. — Ну-ну!

— Нет, просто хочу еще раз убедиться в том, что вы действуете традиционными методами.

— Что поделаешь, мы старая нация, нация купцов и промышленников. А здесь, в Гвиании, у нас слишком много вложено. Мы просто защищаем наши деньги. И не только здесь, а везде, куда вложили их наши отцы и деды. Не мешайте нам в этом, Нейл!

Мистер Девон стоял в саду до тех пор, пока свет фар машины полковника не исчез за ближайшим поворотом. Потом он медленно вернулся в холл, присел к бару.

На шахматной доске мирно лежала миниатюрная фотокамера. Он задумчиво переложил ее на стойку, машинально принялся расставлять фигуры. Итак, англичане подготовили какую-то важную операцию, в которой главная фигура — этот русский. Операция, судя по всему, в полном разгаре.

Он достал из холодильника, стоявшего около бара, жестянку пива, двумя точными ударами консервного

ножа пробил в крышке отверстия. Холодная струйка потекла в горло... Да, что может быть прекраснее свежего холодного пива в такую жару?

Тыльной стороной кисти отер губы.

Значит, так, разберемся по порядку. Сначала англичане задерживают русского консула. Это было элементарно просто — уличная пробка, проверка документов. Николаева встречает Рекорд. Кто-то прокалывает шины.

Девон усмехнулся: полковник Роджерс дорого бы дал, чтобы узнать, кто это сделал. А ведь узнать было несложно. Парни Девона, следившие за машиной австралийца, лишь слегка потрясли мальчишку, проколовшего колесо, и он описал человека, заплатившего ему за это два шиллинга. Судя по описанию, это был один из «левых» профсоюза Бора. А если так, значит Бора что-то знает. Но что?

Девон допил пиво и подошел к телефонному аппарату на столике в углу, набрал несколько цифр.

— Посольство США, — отозвался молодцеватый мужской голос.

— Говорит Девон.

— Слушаю, сэр!

— Наверху кто-нибудь есть?

— Так точно, сэр. Шифровальщики только что потребовали картонку пива.

— Передайте, что я сейчас приеду.

Он положил трубку.

Неожиданно бра, освещавшие холл мягким, почти лунным светом, мигнули раз, другой, третий и погасли совсем.

«Забастовка, — вспомнил американец и усмехнулся. — Борьба против неокOLONиализма! Напрасно англичане все еще кичатся, они уже здесь ничего сделать не могут. Их время ушло навсегда. Мощная всеобщая забастовка — и им придется сначала потесниться, а потом...»

Он опять усмехнулся: «В конце концов одряхлевшая нация всегда уступает молодой. Новое приходит на смену старому, молодая нация диктует условия».

И твердым, уверенным шагом он пошел через темный холл к двери, ведущей в гараж.

На воротах гаража белел листок: это была листовка объединенного забастовочного комитета о преду-

предительном прекращении подачи электричества в Луис с 9 до 10 часов вечера — напоминание о готовящейся всеобщей забастовке, забастовке, которая должна была охватить всю огромную страну — от космополитического города Луиса до захудалого городишки Бинды, в маленьком рест-хаузе, в котором в это время ужинали поздние гости.

Они выехали сегодня из Огомшо около девяти часов утра, и Роберт не переставал превозносить за это Элинора, устроившуюся на заднем сиденье и равнодушно смотревшую в окно на чащу леса, подступавшего к дороге.

— Мы потеряли бы полдня, если бы в дорогу собиралась какая-нибудь другая дама, — шутил австралиец.

Он поправил обзорное зеркальце:

— Просто удивляюсь, какую массу времени женщины обычно тратят на «мейк ап». В этом отношении нам с вами повезло, Питер. Элинора естественна, как сама природа! Она не красит даже губы.

Петр обернулся. Художница улыбнулась ему:

— Как вы себя чувствуете?

— Ваши лекарства — просто чудо, — стараясь быть как можно беззаботнее, ответил Петр. — Это была какая-нибудь лихорадка?

Он действительно чувствовал себя так, словно вчера с ним ничего и не произошло.

— Это...

Художница помедлила.

— Так... чисто африканское. Гвианийцы называют это колдовством, чжу-чжу.

Они мчались по разбитой асфальтовой ленте, серпентиной выющейся между вековых гигантских деревьев.

Кое-где чашу разрезали узкие просеки, по которым на массивных металлических опорах тянулись канаты подвесной дороги. Вагонетки, груженные углем, медленно ползли через дорогу и исчезали в просеках, откуда навстречу им плыли пустые.

— Здесь где-то шахты? — заинтересовался Петр.

— Ива Велли, — тихо ответила Элинора.

— Шахтерский район, — пояснил Роберт. — В 1949 году здесь проходило восстание.

— Я читал об этом.

Да, Петр читал о событиях в Ива Велли в досье материалов по Гвиании, скрупулезно собранном библио-

течными работниками Института истории. Еще тогда ему пришло на ум сравнение расстрела в Ива Велли и в России, на Ленских приисках. Во главе рабочих Ива Велли шел Старый Симба, нынешний президент Гвиании, а в то время — просто проповедник.

— А нельзя ли нам заехать туда? — неуверенно спросил Петр.

Элино́р с интересом посмотрела на него и облокотилась на спинку переднего сиденья. Она была так близко, что Петр чувствовал на своей щеке ее дыхание. Художница говорила тихо, словно ее слова предназначались только Петру. Но краешком глаза Петр видел, что австралиец напряженно следит за ними.

— Сейчас там не на что смотреть, Питер. Это место не для туристов, — говорила Элино́р. — Все здесь политокровью. Солдаты шарили по бушу и расстреливали каждого, кто им попадался. И командовали ими цивилизованные люди, европейцы, такие, как...

Она не договорила. Роберт перебил ее:

— Надо постараться до темноты приехать в Бинду.

Бинда. Первый мусульманский город за Бамуангой. Петр знал об этом городке, славящемся своими мастерами. Издавна здесь делали знаменитые стеклянные бусы и чеканные чаши из бронзы и серебра. И еще именно здесь был убит капитан Мак-Грегор.

Петр повернулся так, чтобы видеть одновременно и Роберта и Элино́р:

— А есть ли там кто-нибудь... из стариков, конечно, кто жил там, когда погиб Мак-Грегор?

Роберт пожал плечами:

— Гвианийцы редко живут больше пятидесяти лет. А это было... Дьявол!

Австралиец изо всех сил резко нажал на тормоз: за крутым поворотом, прямо почти перед самым радиатором машины, тяжело рухнуло дерево.

От резкой остановки Петра качнуло вперед так, что он чуть было не ударился головой о стекло.

— Приехали! — зло крикнул Роберт и сунул руку под сиденье. Через мгновение в его руке оказался тяжелый мечете — любимое оружие гвианийцев.

Он едва успел выскочить из машины, как из-за деревьев выбежали люди в масках. Их было человек шесть-семь.

— Бандиты, — выдохнула Элино́р.

— Бандиты?

На мгновение Петр растерялся. Происходившее не укладывалось в привычные ему рамки. Он был готов ко всему. Но Африка — и бандиты? И не белые авантюристы, искатели приключений, а самые настоящие африканцы? И хотя он сам смеялся над теми своими коллегами, которые с детства привыкли видеть в каждом человеке с черной кожей несчастного дядю Тома, он не сразу поверил собственным глазам.

Бандиты были босы, в одних только шортах цвета хаки — старых, грязных, изорванных. Лица их были скрыты колпаками из нитяных чулок, натянутых на головы. В чулках были сделаны лишь прорезы для глаз.

Двое держали странного вида, явно самодельные пистолеты, остальные — мачете. Они быстро окружили машину.

— Деньги! — глухо потребовал низкорослый толстяк, наводя пистолет на Роберта. — Ну?

Роберт отбросил мачете, сунул правую руку в карман брюк. И в то же мгновение рука бандита, отброшенная резким ударом ноги Роберта, окуталась огнем и дымом. Самодельный пистолет выпалил с ужасающим грохотом.

И сейчас же все смешалось.

Петр едва успел выскочить из машины, как на него обрушился удар дубины. К счастью, он увернулся, дубина скользнула вдоль плеча. Он непроизвольно пригнулся и выкинул правую руку вперед, как привык это делать на ринге.

Нападавший рухнул прямо на него, и это спасло Петра от удара мачете, занесенного другим бандитом, Петр швырнул безжизненное тело навстречу набегавшим врагам и схватил мачете, отброшенный Робертом.

— А ну, подходи! — заорал он страшным голосом по-русски, размахивая тяжелым клинком. — Подходи, кому жизнь дорога!

Краем глаза он увидел, как австралиец упал, сбитый кинувшимся ему в ноги бандитом, как на него навалились сразу трое.

— Стойте!

Голос Элинора был тверд и властен. От неожиданности все замерли. Толстяк, видимо главарь банды, покачнулся, как от удара. Элинор медленно вышла из машины.

— Мадам...— растерянно выдохнул толстяк, пятясь от Элинора.— Мадам...

— Так вот чем ты занялся, Джошуа!

Толстяк опустил голову. Остальные бандиты растерянно следили за происходящим. Они отпустили Роберта, и тот сидел на траве, облизывая разбитые в кровь губы.

— А мне сказали, что ты погиб, когда вы дрались с людьми Банжо у Скалы Питонов. Мне сказали, что все люди Адебайо перебиты.

Толстяк хрипло рассмеялся:

— Я жив, мадам. И они тоже.

Он кивнул на бандитов и заговорил с горечью:

— Конечно, времена теперь не те. Банжо сидит в парламенте и получает кругленькую монету. Его родня захватила все доходные должности в нашей провинции, а мы должны зарабатывать себе на жизнь вот так, на дорогах.

— Вы платите злом за зло. Вам мало уже пролитой крови.

Элинор говорила спокойно, но Петр чувствовал, что внутри у нее все кипит.

— Нам нечем платить иным, мадам...

— А кто заплатил вам, чтобы вы напали на нас?— резко бросила Элинор.

— Но...— Джошуа попятился под ее взглядом.— Нам не сказали, что поедете вы.

— Еще бы!— горько усмехнулась Элинор.— Пусть только кто-нибудь посмеет поднять руку на верховную жрицу Ошуна или на тех, кто находится под ее покровительством!

Вдали вдруг пронзительно закричала какая-то птица. Бандиты насторожились. Птица прокричала еще два раза — и бандиты бросились за деревья.

— Твоя дочь Кофу чувствует себя хорошо!— крикнула Элинор, когда толстяк, бежавший последним, достиг деревьев.

— Не говорите ей, что я жив,— донесся оттуда глухой голос, и все стихло.

Но почти сейчас же послышался гул мотора.

— Лендровер, — выдохнул Роберт и облокотился на крыло машины.— Жарко...

Только теперь, глядя на него, Петр почувствовал, что он буквально обливается потом.

— Вы знаете их?— спросил он Элинора, кивнув в сторону леса.

— Несчастливые люди!

— А почему вы решили, что кто-то заплатил им, чтобы они на нас напали?

Художница испытующе посмотрела на Петра:

— Это наемники, люди Адебайо, местного лидера партии, которая называет себя «Народный конгресс». Полгода назад — во время выборов в парламент — они были разгромлены наемниками Банжо — главаря здешней партии «Конгресс народов».

Роберт неожиданно со злостью пнул шину.

— Вот и делайте им добро! Если бы не лендровер, который послан нам неизвестно каким богом или дьяволом, они бы сейчас нам показали, что стоят ваши абстрактные понятия здесь, в африканском буше!

Элинора смирив его спокойным взглядом:

— Вот поэтому-то я и предпочла вам доктора Смита, Боб. Для него добро — понятие конкретное.

— Вы психопатка, — устало произнес австралиец.

Он тяжело вздохнул и обернулся к Петру:

— Не обращайтесь на нас внимания, Питер. Мы оба слишком долго жили в тропиках, а это сказывается на нервах. Мисс Карлисл — отличный человек, и дай бог ей быть счастливой! Беда в том, что никто из нас не может дать ей счастья. Все мы здесь думаем лишь о себе. И даже то, что мы содержим в школах и интернатах черненьких сирот, это не от нашей доброты. Мы просто хотим казаться добрыми.

Элинора достала из кармана юбки платок и молча протянула его австралийцу. Тот кивнул и приложил его к окровавленным губам.

— Из вас вышел бы неплохой рейнджер, Питер! — глухо сказал он. — Я вижу вас в деле второй раз. Вы деретесь профессионально.

— Действительно, тропики разрушают нервы, — Петр постарался сказать это как можно спокойнее и веселее. — Профессор Нортона прав — не глотнуть ли нам пива. Роберт, дайте-ка мне ключи от багажника.

Шум машины, затихший было на какое-то время, послышался вдруг совсем рядом.

Петр выпрямился над холодильником с жестянкой холодного пива в руке, когда из-за поворота выскочила пропыленная машина, набитая парнями в зеленых ру-

башках с красными бантиками. Это действительно был лендровер.

Машина резко затормозила, едва не врезавшись в «пежо».

— Какого черта вы здесь стали!— яростно заорал бородатый человек, сидевший рядом с шофером.— А ну, подвиньте вашу колымагу...

Он осекся.

— Товарищ Николаев!

Это был Гоке Габойе.

Он проворно выпрыгнул из машины, и молодые, крепкие парни попрыгали следом за ним на пыльную красную дорогу. Карманы их зловеще оттопыривались.

— И мистер Рекорд!— радостному изумлению Гоке не было предела.— Товарищи!

Он поднял руку, призывая к тишине.

— Перед вами товарищи Николаев и Рекорд. Вы знаете — это они спасли нашего Стива Коладе от подлых рук наемных убийц тогда, около американского посольства. Ура в их честь, товарищи!

Парни улыбались искренне и сердечно, и это сгладило неловкость, которую и Петр и Роберт почувствовали после театральных жестов и слов Гоке.

— Ура! Ура! Ура!— трижды прозвучало на дороге, и трижды взметнулись вверх крепкие кулаки.

— Прошу прощенья, мадам, — Гоке галантно поклонился художнице.— Мы вас тоже знаем. Однажды вы скрыли от полицейских ищеек нашего товарища.

— Он истекал кровью,— буркнула Элинор.— И я не знала, что он один из вас...

Она кивнула на парней в зеленых рубашках.

— ...носящихся по дорогам с велосипедными цепями в карманах!

Гоке не смутился.

— Это для самозащиты, мадам.

И тут же поспешил переменить тему. Он махнул рукой на перегораживающее дорогу дерево:

— Бандиты? Ого! Значит, мы подросли вовремя! Гоке вздохнул:

— Ничего не поделаешь, в стране безработица, люди озлобились.

Он обернулся к Петру:

— К сожалению, далеко не каждый из нас прошел школу классовой борьбы.

— Товарищ Гоке еще мальчишкой участвовал в событиях в Ива Велли,— с уважением сказал шофер лендровера.— Когда мы едем по этой дороге, мы всегда заезжаем на шахты.

Гоке потер рукою шрам на щеке.

— Это почти рядом, — вдруг сказал он. — Хотите посмотреть?

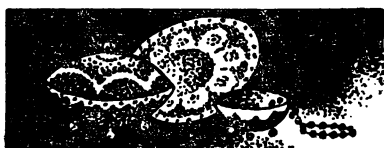
Петр оглянулся на своих спутников.

Австралиец безразлично пожал плечами.

— Засветло в Бинду мы теперь уже все равно не успеем, — устало сказал он. — Поехали.

Художница отвернулась и молча взялась за дверцу машины.

Глава 18

Несмотря на мрачные пророчества Роберта, в Бинду они приехали засветло, и Петр этому был рад.

Стоило пересечь по длинному и узкому мосту красавицу Бамуангу, полноводную, стремительную, весело мчащуюся к океану, как они очутились совершенно в ином мире.

Позади остались душные леса и зловонные болота, низкие облака, то и дело наползающие на вершины холмов. Здесь, на левом берегу Бамуанги, начиналась просторная, сухая и солнечная саванна — бесконечная равнина, тянущаяся отсюда до самой Сахары.

Кое-где на горизонте виднелись дымы. Это местные жители в предвидении харматана — ровного и сильного ветра из Сахары — заранее выжигали заросли гигантской слоновой травы, сухой и горючей, как порох.

В самой Бинде, как показалось Петру, время не спешило. Прежде чем попасть в рест-хауз, надо было проехать через весь город узкими улочками, петляющими между бесконечностью глухих глиняных стен, скрывающих от посторонних взглядов жизнь правых верных мусульман.

Город был пустынен. Казалось, в нем не было ни одного жителя. Лишь грязные тощие собаки да ободранные козы дремали в пыли.

— Сейчас мусульманский пост. И все здесь спят от зари до захода солнца, — Роберт старательно объезжал коз и собак. Лендровер профсоюзников громыхал сзади.

Они заехали в Ива Велли всего лишь на четверть часа. Поселок шахтеров лежал милях в трех от дороги, в глубокой лощине, среди холмов, изъеденных туннелями шахт.

Но эти четверть часа показались Петру целой вечностью. И теперь, за обедом в рест-хаузе — маленькой гостинице, построенной для удобства английской администрации, еще во времена, когда Гвиания была колонией, он пытался разобраться в охвативших его чувствах.

Обед был в стиле лорда Дункана, как презрительно назвал эту безвкусную трапезу Роберт: три-четыре ложки супа — приготовленного из порошка фирмы «Мэгги», вываренное мясо с консервированными овощами — клеклой морковью и зеленым горошком, порошковое желе с какой-то химической подливкой, жидкий кофе.

Гоке заказал себе на второе местное блюдо: кусок ямсового теста, которое он макал в пряно пахнущий гемно-коричневый соус. Он был мрачен и то и дело потирал шрам на щеке. Казалось, поездка в Ива Велли выбила его из колеи.

Петр спросил, где устроились его товарищи и где будет ночевать он сам. Гоке ответил, что его парни устроились у одного из местных профсоюзных активистов, а у него самого есть в городе родня, и не остановиться у родственников — значит обидеть их.

— Родня? — заинтересовался вдруг Роберт.

— Да, одна из моих сестер вышла замуж за северянина. Он старший клерк суда эмира Бинды.

— Превосходно!

У Роберта даже заблестели глаза:

— Питер, вот вам и счастливый случай!

Он повернулся к художнице:

— Скажите ему, Элинора. Скажите ему, что можно сделать в Гвиании при помощи родни!

В его голосе звучал азарт. И он сам ответил на свой вопрос:

— При помощи родни в Гвиании можно сделать абсолютно все!

— Да... — недоуменно начал было Петр. — Но насколько это удобно?

— А как же вы думали начать поиски? Помните, что вам говорил профессор Нортон? Ведь вы же хотите доказать ни больше ни меньше, что лорд Дункан был самым заурядным провокатором! Что в ответ на его письмо султану Каруны с требованием выдать убийцу капитана Мак-Грегора он получил не одно письмо, а два: первое — с отказом, а второе — с согласием начать переговоры. Вы хотите установить, что Дункан скрыл второе письмо, а первое использовал для разрыва договора с султаном, для захвата всего султаната и присоединения этой огромной территории к английским владениям в этой части Африки.

Элинор с сожалением смотрела на Петра.

— А вы, оказывается, опасны, мистер Николаев! Я-то думала, вы робкий и беззащитный молодой человек, а вы... Знаете ли вы, что произойдет, если сейчас, когда так все напряжено, ваша версия вдруг подтвердится?

Петр слабо пожал плечами.

Элинор грустно посмотрела на него, и он не выдержал.

— Вы спрашиваете — что произойдет? — резко бросил он. — А вы спросите это лучше у Гоке. Он-то уж знает, что велосипедные цепи против ружей лучше, чем просто кулаки. И если бы у тех, убитых в Ива Велли, был бы хоть один пулемет, может быть, сейчас здесь все было бы по-другому!

Элинор в ужасе откинулась на спинку стула:

— Опомнитесь, Питер!

«Действительно, что это я!» — мелькнуло в мозгу Петра.

И тут вскочил Гоке. Глаза его пылали.

— Если вы докажете то, что здесь говорилось, товарищ Николаев...

У него перехватило дыхание, он провел рукой по горлу, словно спасаясь от удушья:

— Мы выложим этот козырь на стол в нужный момент. И он послужит делу революции! Слишком многие из нас еще верят, что англичане — наши благодетели!

— Бросьте! — вступил в спор Роберт. — Все это ерунда. И англичанам, и местным политикам абсолют-

но наплевать на историю. И не произойдет ровным счетом ничего.

— Нет, произойдет! — почти выкрикнул Гоке. — Товарищ Николаев делает дело, нужное нам, не политикам, а революционерам Гвиании.

Петр смутился: дело принимало совсем неожиданный оборот. Но Гоке уже смотрел на него преданными глазами.

Все, кроме него, вдруг почувствовали себя неловко.

— Может быть, здесь кто-нибудь знает об этой истории, — неуверенно начал наконец Роберт, явно стараясь сгладить неловкость.

Гоке был напорист.

— Товарищ Николаев, мой родственник близок к нынешнему эмиру. С ним можно поговорить.

Петру было не по себе под пристальным взглядом Элинора.

— А что, если мы поедem сейчас же? — сказал он и встал.

— Зачем вам это, Питер? — голос Элинора звучал тихо и укоризненно. — Это нужно им... людям с велосипедными цепями в карманах. Зло порождает зло. А разве мало зла на земле, чтобы открывать новые и новые его истоки?

— Вы правы, Элинор.

Роберт вышел из-за стола и стал позади стула художницы:

— Давайте сегодня отдыхать.

Он осторожно отодвинул стул, когда Элинор поднялась, и дружески поддержал ее за локоть.

Художница устало улыбнулась:

— Вы все такой же, Боб.

Она обернулась к Петру и посмотрела в его лицо внимательно и ласково.

— Будьте осторожны, Питер. Прошу вас.

Да, она, видимо, хорошо знала Роберта Рекорда. Знала она и то, что ни австралиец, ни Петр и не помышляли в эти минуты об отдыхе.

Было уже совершенно темно, когда они подъехали к глиняной стене компаунда, группе хижин, окруженных общей стеной, где жил родственник Гоке. Сам Гоке сидел на переднем сиденье «пежо» и ухитрялся в абсолютной темноте, плотно накрывшей этот лабиринт глины, показывать дорогу.

Свет фар то и дело утыкался в углы и щели-переулки, в которых трудно было разойтись даже двоим пешеходам.

Электричества в городе не было, но из-за стен виднелось слабое свечение: то горели белые ацетиленовые лампы. Пахло жареным мясом, перцем, дивный аромат специй и дымка выползал из-за стен и сквозняком тянулся сквозь переулки.

И над всем этим раскинулось далекое, черное небо, усеянное огромными белыми звездами.

Сердце Петра билось в радостном, нетерпеливом ритме. Ему казалось, что он стоит на пороге величайшего открытия. И все же не это волновало его — его волновала Африка, бывшая такой реальной, такой ощутимой здесь, в ночной Бинде.

Свет фар уперся в высокую, круглую, похожую на башню хижину. По обе стороны от нее в темноту тянулись красные глиняные стены. Арка двери была занавешена циновкой. Такая же циновка лежала перед входом, и на ней сидел дряхлый старик, прислонившись к стене и жуя мясистые зеленые листья.

Он прикрыл ладонью, обтянутой иссушенной кожей, маленькие, слезящиеся от света глаза и смотрел прямо на подъехавшую машину.

Не вылезая из машины, Гоке спросил его о чем-то на языке северян.

— То, то, то, — закивал старик и начал с трудом подниматься.

— Гоке попросил его пойти сказать о нас хозяину, — обернулся Роберт к Петру. — «То» на языке северян означает согласие.

Гоке усмехнулся:

— А вы знаете язык этих людей, товарищ Рекорд? Австралиец пожал плечами.

— Пожалуйста, не называйте меня «товарищ», — попросил он и тут же поспешил объясниться: — Просто не люблю, когда понятия используются не по назначению.

Гоке хотел было ему что-то возразить, но в этот момент циновка, заменявшая дверь, откинулась, и из хижины вышел пожилой северянин в белой рубаше до пят, с белой вышитой шапочкой на бритой голове. Тонкая, полоска черной, аккуратно подстриженной бороды тянулась от уха до уха.

Гоке вышел из машины, пошел ему навстречу, говоря что-то на местном языке. Северянин небрежно протянул ему руку, на несколько секунд задержался рядом, не сводя с машины спокойных, умных глаз, затем легко отстранил Гоке и пошел к машине упругим, уверенным шагом.

Роберт и Петр вышли ему навстречу. В двух шагах от них северянин остановился, сложил руки на груди и склонил голову:

— Салам-алейкум, — сказал он и повторил по-английски: — Добро пожаловать! Я благодарю аллаха за то, что он послал нам гостей.

Затем он отступил чуть-чуть назад, чуть-чуть вбок, давая дорогу, и сделал рукой приглашающий жест.

Циновка у входа в хижину опять колыхнулась, пропуская мальчика, вышедшего с ослепительно горячей карбидной лампой.

— Прошу, джентльмены, — поклонился северянин. — Дом малама Бухари — ваш дом.

Внутри хижина оказалась довольно просторной, так как мебели в ней не было почти никакой. У стен лежало с полдюжины кожаных подушек, расшитых яркими красными, желтыми и зелеными узорами. У входа — несколько циновок из джута.

Хозяин взял из рук мальчика фонарь и повесил его на крюк, свисавший на цепи из-под высокого купола.

— Эта комната для приема гостей, — шепнул Роберт Петру, когда они усаживались на кожаные подушки, с которых хозяин заботливо стер пыль широким рукавом своего белого одеяния. — Дальше чужих не пускают.

Роберт кивнул еще на одну дверь, с противоположной стороны, завешанную белым верблюжьим пологом, украшенным орнаментом из коричневой шерсти.

Опять появился мальчик. На этот раз у него в руках был небольшой серебряный поднос, покрытый замысловатой чеканкой. На подносе лежало несколько орехов кола, среди них два или три белых.

Петр знал, что это означало: их принимали с особым уважением. Гости взяли по ореху, разломili их и стали жевать. Орехи были свежими, терпкими, вяжущими, но Петр стойко продолжал жевать — таков был обычай.

Мальчик опять ушел и опять появился. На этот раз с подносом, уставленным бутылками кока-колы и пива, высокими стаканами с рекламой пива «Стар».

Малам Бухари радушно предложил выбрать каждому по вкусу. Себе он взял кока-колу, а когда остальные получили по стакану пива, подал мальчику знак поставить поднос на невесть откуда появившийся резной столик из красного дерева и удалиться.

Затем он принялся расспрашивать гостей о дороге, о том, как они ее перенесли.

Он жадно пил кока-колу, хотя и старался скрыть это.

«Им же сейчас нельзя ни есть, ни пить — от восхода солнца до заката», — вспомнил Петр и про себя улыбнулся: интересно, смог бы он сам соблюдать такой пост, да еще целый месяц, как это было здесь!

А Гоке между тем, воспользовавшись маленькой паузой в вопросах хозяина, принялся излагать цель их визита. Иногда он переходил с английского на местный язык, и тогда хозяин чуть приподнимал руку:

— Батуре не понимают нашего языка.

И Гоке опять переходил на английский.

Он говорил, что его друзья — ученые из университета в Луисе, что они занимаются изучением истории Гвиании и приехали сюда, чтобы найти людей, бывших свидетелями смерти капитана Мак-Грегора.

Петр ожидал, что малам Бухари при этих словах насторожится, но тот спокойно и величественно кивал в такт словам Гоке.

Петр знал, что на местном языке «малам» означает «учитель», «ученый». И Гоке тоже упирал на это: малам Бухари должен помочь «малам батуре» — «белым ученым»: ведь малам всегда помогает маламу.

Хозяин при этом улыбнулся.

— Неужели вы думаете, что я не помог бы им, если бы мог, конечно, и если бы они даже не были маламами? — с иронией спросил он на отличном английском языке.

Он крикнул что-то на местном наречии, и опять из внутренней двери, откинув полог, появился все тот же мальчик.

— Отведешь этих джентльменов к почтенному Атари, — сказал малам Бухари по-английски мальчику и положил руку на его круглую голову.

— Йес, сэр, — ответил мальчуган. — К почтенному Атари, главе чеканщиков.

— Мой сын! — хозяин с гордостью обвел гостей теплевающим взглядом. — Наследник рода Бухари.

Он остановил взгляд на Гоке, и его суровое лицо смягчилось:

— Это твоя сестра подарила мне наследника. Кровь Юга и кровь Севера смешались, и произошло чудо.

Гоке уже был на ногах и держал племянника за руку.

В машине мальчишка привычно уселся на переднем сиденье. И сейчас же принялся трещать без умолку.

Он тут же рассказал, что подрался в школе как раз накануне поста и что только пост спас его от отцовской порки. Затем он принялся расхваливать достоинства «пежо» и объявил, что тоже купит себе такую же машину, как только вырастет.

Гоке пришлось отвечать ему и почему «спутники» летают без крыльев, и почему отец называет его «красным», и сколько дней нужно ехать на машине, чтобы приехать в Лондон.

Мальчишка еле успевал указывать дорогу в лабиринте городских улочек. А когда Гоке вдруг принялся вытаскивать из кармана подарки — карандаш-фонарик, два автомобильчика размером со спичечный коробок, дешевую авторучку и полицейский свисток, — то Роберту и вовсе пришлось остановить машину.

— Скоро мы доберемся до дома Атари? — нетерпеливо спросил он.

— Как? — удивился мальчишка. — Вы действительно не знаете, где дом почтенного Атари? Старшины чеканщиков? Это же совсем рядом. Вот послушайте... Тсссс...

И он прижал палец к губам, призывая к тишине.

Сначала ничего не было слышно, лишь стрекот цикад, нарушаемый доносящимся откуда-то ленивым собачьим лаем. Потом собаке стало окончательно лень лаять, она разок-другой звучно зевнула и замолкла.

И через секунду Петр различил странную ритмичную мелодию. Будто сотни маленьких молоточков стучали по звонкому металлу — то вместе, то врозь, то сильнее, то тише. Они стучали то реже, то чаще, то весело, то грустно.

— Как подземные гномы, — тихо сказал Роберт.

— Нет, — отозвался мальчишка. — У нас здесь гномов не бывает. Это начали работать чеканщики.

Глава 19

Да, это работали знаменитые чеканщики Бинды. Еще в Москве, читая книги о Гвиании, Петр узнал об их чудесном мастерстве. Из поколения в поколение передавали они секреты выплавки бронзы и серебра. И узорчатые чаши, кувшины, блюда, подносы шли отсюда по всей Западной Африке вместе со стеклянными бутылками, которые делались здесь же другим знаменитым цехом — мастерами стекла.

И те и другие жили на дальней окраине Бинды: издавна повелось уж так, что их считали колдунами, которым помогают духи огня, гор и железа.

В крошечной тьме «пежо» въехал на крохотную площадку, окруженную силуэтами круглых островерхих хижин.

Роберт выключил двигатель, и сейчас же на Петра обрушился гулкий, сплошной звон молоточков. Ночь звенела ими, заглушая все остальные звуки. И лишь погас свет фар, как Петр увидел, что из всех хижин исходит слабое багровое мерцание, что каждая хижина опоясана кольцом небольших круглых отверстий, сквозь которые проходил слабый свет.

— Что это? — спросил он Гоке.

— Кузнецы.

— А эти отверстия?

— Это чтобы выходил дым и была воздушная тяга.

Гоке вынул из кармана длинный фонарь. Луч фонаря уперся в деревянную дверь, покрашенную зеленой краской и закрытую на наружный замок — большой, тяжелый, явно местной работы.

Затем луч пошел вправо, влево, вверх, вниз... Он словно нарисовал на черном холсте небольшой дом — дом, а не хижину — с парой квадратных окон.

— Здесь? — спросил Гоке племянника.

Мальчишка весело кивнул и исчез в узком проходе между двумя глиняными хижинами:

— Я сейчас!

Гоке обернулся к своим спутникам:

— Только надо будет у них что-нибудь купить.

— Конечно!— воскликнул Петр.— Быть в Бинде — и ничего не купить...

— К тому же здесь все дешевле раз в пять, чем в Луисе, — усмехнулся Роберт. — Я знаю людей, которые каждый раз, проезжая в этих краях, делают хороший бизнес.

Гоке кивнул:

— Мы все думаем, как нам организовать здесь профсоюз. Этих людей грабят скупщики. Ведь почти никто из них никогда не выезжал дальше Бамуанги. Профсоюз мог бы защитить их!

В проходе между хижинами, там, куда юркнул их маленький проводник, мелькнул огонек. Он быстро приближался.

Гоке поднял фонарь, и круглый столб света уперся в высокого, крепкого старика в белом, несущего в руке маленькую коптилку, сделанную из консервной банки.

Позади старика шел племянник Гоке.

Старик недовольно нахмурился и поднял руку, закрывая глаза от света фонаря. Гоке поспешил его выключить.

— Салам алейкум, папá, — сказал он почтительно и на миг встал на одно колено.

— Алейкум салам,— ответил старик.

Он поднял коптилку над головой и при ее тусклом свете оглядел неожиданных гостей.

— Салам алейкум, батуре, — бесстрастно произнес он.

— Алейкум салам,— почти хором ответили Петр и Роберт.

Старик ждал, все еще держа над головой коптилку.

Даже при ее тусклом свете было видно, что он стар, очень стар. Кожа его была пепельного цвета, седые кустики волос виднелись там, где голова не была прикрыта небольшой белой шапочкой.

Он медленно опустил тощую, высохшую руку с коптилкой, и на мгновение Петр увидел его глаза: это были спокойные, мудрые глаза человека, прожившего долгую жизнь и сохранившего ясность памяти и твердость разума.

— Папá,— почтительно начал Роберт.— Мы хотим кое-что купить у вас.

Старик вопросительно посмотрел на мальчишку, и тот быстро сказал ему что-то на языке северян.

— Он не знает английского языка, — объяснил Гоке, — мой племянник ему переводит.

Старик кивнул и твердым, легким шагом пошел к зеленой двери. Коптилку он передал мальчику, а сам принялся отпирать тяжелый замок большим бронзовым ключом.

Дверь отворилась, и все вошли следом за стариком в небольшую комнату с низким потолком, таким низким, что приходилось нагибать голову.

Сразу же рядом с входом стоял большой грубый стол, уставленный бронзой и серебром.

Старик зажег стоявшую там же карбидную лампу, и ее яркий свет вдруг превратил комнату в сокровищницу. Сразу же заиграли, заискрились узорами тяжелые серебряные чаши на маленьких ножках-шариках. Вспыхнули желтым светом бронзовые ножны и рукоятки сабель, висевших на беленых стенах. На деревянных полках засверкали подносы.

Здесь были серебряные кольца для салфеток, дань цивилизации. На серебряных блюдах-подносиках стояли чаши для пальмового пива. Бронзовые сосуды с крышками-куполами предназначались для орехов кола. Здесь была утварь и кухонная, и ритуальная. И для крови жертвенных коз, и для наперченного риса. Бронзовые подсвечники и небольшие гонги, кинжалы и кубки.

Старик что-то произнес, и мальчишка поспешил перевести.

— Почетный Атари говорит, что сейчас здесь мало товара, только что были торговцы и забрали все лучшее. Но люди будут работать ночью, и к утру всего будет много опять. Он приглашает вас прийти утром.

Дверь открылась, и вошел, почти вбежал, чеканщик. Его белая одежда потемнела от копоти. На бегу он тер грубой тряпкой шар — бронзовую чашу с круглой крышкой — для орехов кола.

Он поклонился в пояс и поставил чашу на стол, скромно отошел к двери. Старик даже не взглянул на него. Он молча взял только что созданную мастером вещь и поднял ее на вытянутой руке на уровне глаз.

Глаза его прищурились, тонкие старческие губы сжались. Словно старый орел, он смотрел на яркий золотой шар в своей темной, костлявой руке — цепко, остро.

Потом он молча кивнул и опять поставил чашу на стол.

Мастер еще раз поклонился и вышел, пятясь к двери. И хотя при всем этом не было сказано ни одного слова, Петр понял, что оба остались довольны: и старик, оценивший работу, и мастер, художник, спешивший показать свою удачу, счастливый, что и старик признал ее.

— Я покупаю это!

Петр протянул руку к шару, и Гоке одобрительно закивал.

Старик отрицательно покачал головой.

— Завтра утром,— перевел его слова мальчик.— Завтра утром здесь будет много всего. И пусть аллах наградит не того, кто сделал работу быстрее, а того, кто сделал ее лучше.

— Зря вы поспешили,— недовольно заметил Роберт.— Они хотят договориться о ценах. Теперь для вас по всей Бинде у каждого торговца бронзой будет одна и та же цена. Вы плохой бизнесмен, Питер!

Петр улыбнулся:

— Надеюсь, мы с вами не разоримся?

— Извините!

Роберт вдруг почувствовал себя неловко:

— Это все от азарта. Тут, в Африке, все мы становимся азартными торговцами. Иногда торгуешься из-за шиллинга, из-за шести пенсов. Из-за чепухи, если посмотреть со стороны. А потом вдругймаешь себя на этом — боже мой! Ну что тебе эти шесть пенсов!

Старик выжидающе смотрел на них.

Роберт перешел на местный язык.

Старик что-то ответил ему явно с неохотой.

Но, судя по тону, Роберт нажимал.

— Что они говорят? — спросил Петр Гоке, внимательно прислушивающегося к разговору.

— Старик говорит, что он сам был на площади, когда убили капитана Мак-Грегора.

Роберт обернулся к Петру:

— Старик кое-что знает. Это, пожалуй, единственный свидетель, бывший тогда на площади и доживший

до наших дней. — Попробуем завтра утром поговорить с ним на эту тему. Может быть, после наших покупок он что-нибудь вспомнит... когда получит несколько фунтов.

— Что ж, подождем до утра.

Старик зажег коптилку и погасил лампу, давая понять, что разговор окончен.

Все вышли в ночь, звенящую ночь квартала чеканщиков. Багровые отблески играли на стенах хижин. Теперь там, видимо, стало слишком душно: циновки на проемах у входа в хижины были сняты, и кое-где были видны силуэты людей, сидящих на полу. Руки их ритмично двигались.

— А посмотреть, как работают мастера, это-то хоть можно? — спросил Петр, ни к кому, в сущности, не обращаясь.

Роберт сказал несколько слов старику, молча запиравшему при свете все той же коптилки замок на зеленой двери.

— То, — ответил он равнодушно.

Это Петр уже понимал.

Охваченный любопытством, он пошел к ближайшей хижине, где почти у самого порога при свете маленькой коптилки работал чеканщик. На Петра дохнуло жаром. Мастер, человек неопределенного возраста, в широкой белой рубаше, распахнутой на груди, сидел скрестив ноги на циновке. Здесь же перед ним был разложен весь набор его нехитрых инструментов — молотки и молоточки, зубила разных размеров, стальные стержни разной толщины с заостренными или с закругленными концами. Тускло горела коптилка. В глубине хижины остывал горн.

На небольшой наковальне лежал серебряный поднос. Мастер быстро и ловко наносил на его ободок узор. Почти незаметным движением руки он вращал поднос, легко ударяя небольшим молоточком по металлическому стержню.

Он даже не поднял головы, когда гости остановились в дверях.

— Они здесь быстро глохнут, — тихо сказал Гоке, стоявший за спиной Петра.

Петр молча смотрел, как при тусклом свете коптилки на серебре рождается замысловатый, тонкий и легкий узор.

Точно так же много столетий назад склонялся над наковальней далекий предок этого мастера, с тех пор здесь ничего не изменилось.

И вдруг Петр понял, почему в Африке кузнецо́з издавна считали колдунами: этот полумрак, это мерцание остывающих углей — и человек, погруженный в другой, иной мир — мир невесты из чего рождающейся волшебной красоты.

— Как в подземелье Вулкана, — прошептал Роберт. И Петру показалось, что он увидел на лице австралийца странное волнение.

«И все-таки, как он ни ругает Африку, а ее все же любит», — подумал Петр.

Кузнец поднял голову и сощурился, стараясь различить в темноте гостей.

— Салам алейкум, — пробормотал он.

Старик, вошедший в хижину, что-то сказал ему; кузнец тихо кивал головой в такт его словам. Потом опять повернул к гостям свое худое, высушенное лицо и улыбнулся, показав редкие, порченные зубы. Затем он опять склонился над подносом: тук-тук, тук-тук, тук-тук... Его молоток включился в общую песню чеканщиков.

— Ему придется работать всю ночь, — объяснил Гоке. — Днем они ничего не делают, чтобы не терять силы. Во время поста им нельзя выпить даже глотка воды! Так что не будем мешать.

Обратно, к машине, путь показался Петру гораздо длиннее.

— Прямо, направо, вот за тот дом, — весело командовал мальчишка, скрытый густой тьмою.

Австралиец споткнулся.

— Черт побери эту темень — выругался он. — Наступишь еще на змею. Вы знаете, что такое черная мамба? Десять секунд — и на небе! Эй, долго нам еще топтать?

Он обернулся к Петру.

— А ведь может оказаться, что вам повезло! Впрочем, историей капитана Мак-Грегора никто никогда по-настоящему и не занимался. Англичанам в общем это было невыгодно, а кому-нибудь другому — безразлично. В конце концов это ведь все в прошлом.

Петр промолчал. Он не верил в легкий успех.

Глава 20

Эту ночь Петр спал плохо. Ему и Роберту досталась одна комната на двоих.

— Комната лорда Дункана, — раздраженно сказал о ней Роберт.

Австралиец явно недолюбливал лорда-завоевателя, и все, что раздражало его своей косностью, консерватизмом, все, что казалось ему застывшим во времени, он обязательно связывал с именем Дункана.

— Комната как комната, — пожал плечами Петр.

Ему хотелось сейчас лишь одного — покоя. Он знал, что Роберт слишком возбужден, чтобы спокойно говорить о том, что произошло после их возвращения из квартала чеканщиков.

— Я сплю! — твердо сказал Петр и закрыл глаза.

Час назад, когда они с Робертом вернулись из квартала чеканщиков, первым, кого они увидели, была художница. Луч фар вырвал ее из темноты, окружавшей домики.

Она сидела в шезлонге, установленном прямо на жесткой, пыльной траве перед крыльцом домика-конторы. Длинный стакан, наполовину пустой, был зажат в ее ладонях. Рядом, на траве, белели обрывки бумаги — мелкие клочки тщательно изорванных рисунков.

«Она разорвала рисунки, которые я видел! — подумал Петр. — Все... Теперь все. Теперь она никогда не скажет, кого видела с англичанином».

Элинор не произнесла ни слова, пока Гоке не вылез из машины, весело махнул рукой и с криком: «До завтра, товарищи!» — растворился в темноте.

Петр и Роберт подошли к ней, чувствуя себя несколько неловко.

— Садитесь.

В ее голосе звучала усмешка.

— Пошарьте здесь, на траве. Там лежат два шезлонга. Да осторожней, не опрокиньте бутылку. Коньяк и стаканы...

Они отыскиали шезлонги, поставили их и вытянулись на грубом брезенте. Роберт опустил бутылку на траву рядом с собой, налив по полстакана коньяка Петру и себе.

Петр отпил глоток: это был «бисквит». И как только Элино́р ухитрилась отыскать такой коньяк в этой глуши?

Художница словно прочла его мысли.

— Это подарок доктора Смита, — сказала она. — Я захватила бутылку из дому.

Роберт хмыкнул:

— Не так-то прост этот образцовый представитель человечества, если разбирается в коньяках!

Австралиец явно провоцировал художницу.

Элино́р не отвечала. Она полулежала в своем шезлонге лицом к небу, и ее глаза поблескивали холодным голубым отсветом далеких звезд.

Тяжелая, красная луна отбрасывала медные блики на сидевших. И теперь Элино́р была действительно похожа на жрицу языческого бога.

— А ваш бог... Ошун... он не требует человеческих жертв? — спросил Петр и тут же спохватился: не обидится ли Элино́р?

Но Элино́р не обиделась.

— Ошун — бог добра, — ответила она тихим глубоким голосом. Потом добавила: — Он бог плодородия, бог материнства.

Она вздохнула и замолчала.

Роберт долил себе коньяка, молча протянул бутылку Петру.

— Ты много пьешь, Боб!

Элино́р даже не повернула головы, сказав это.

— И что? — с вызовом ответил австралиец.

— Ничего. Но поверь мне — это не всегда помогает.

— Мне — всегда.

Он залпом выпил коньяк, налил еще. Глаза его блестели. Казалось, он забыл о присутствии Петра.

— Не надо, — тихо попросила его Элино́р. — Слышишь, Боб? Я прошу тебя!

Но австралиец ее не слышал. Он заговорил хриплым, тяжелым голосом, с усилием выжимая из горла каждое слово. Он словно продолжал какой-то давний и незаконченный спор.

— Добро? Ты все время твердишь о добре и зле! А что ты знаешь об этом?

— Я знаю, Боб.

Голос Элинора был тихим, но твердым.

И Петр понял: они продолжали давно начатый разговор.

— Ты говоришь о фашизме? О Вене? О трудовых лагерях? Или о том, что мы видели здесь? Банда на банду с мачете и велосипедными цепями? Но сколько можно убить мачете? Одного, двоих, троих? Разве это зло? Это зло эпохи человеческого детства. А ты видела, что делает напалм? А джентльмены в белых халатах, которые готовят в своих лабораториях в стерильной чистоте нечто такое, что...

Ненависть душила его.

— ...и многие из них не курят и не пьют, любят детей и жен, ходят в церковь, состоят членами клубов и уважают родителей, как...

Он помедлил:

— ...как доктор Смит!

— Перестань!

Элинора резко выпрямилась в шезлонге.

— Ты пьян!

Он усмехнулся.

— Я пьян. Иначе бы я тебе не сказал того, что хочу сказать.

Элинора подняла руки, будто защищая лицо от удара.

Австралиец устало вздохнул.

— Впрочем... ты все равно узнаешь все сама. Но поверь мне — доктор Смит не идеальный служитель добра. Расспроси его хорошенько, что он делает в саванне, среди бедных дикарей, научившихся доверять людям в белых халатах.

— И ты... ты судишь его? Чудовище!

Лицо Элинора напряглось, губы заметно дрожали.

Австралиец торопливо вылил остатки коньяка в стакан и со злостью отшвырнул бутылку.

Его тяжелый взгляд остановился на Петре.

— Прости, Питер.

Он попытался через силу улыбнуться:

— Это все тропики.

Потом встал и пошел в темноту, волоча ноги по пыльной траве, ссутулившись; руки его висели, словно плети.

Петр ужаснулся: так за несколько минут изменился

этот человек. Ему вспомнилось, как в детстве он с мальчишками лепил во дворе снежную крепость. Сначала он делал маленький комок — крепкий, твердый. Потом катил этот комок по снегу — и мокрый снег наворачивался на него пластами, и чем тяжелее становился ком, тем толще становились пласты. И вот уже ком накручивал на себя снег до самой обледеневшей земли, и мерзлые травинки прилипали к его поверхности. Но Петр помнил, что началом всему был маленький, твердый комок. А все остальное лишь слои.

Иногда ему хотелось раскрутить, раскатать все обратно и достать сердцевину. Но тогда ком нужно было бы просто разрушить: здесь не было обратного хода.

А вот сейчас, в африканской саванне, ему показалось, что это не так, что слои, окутавшие сердцевину, ядро, сущность человека, можно размотать назад, что нечто вроде этого произошло сейчас на его глазах.

— Он... пьян, — тихо сказала Элинора.

И Петр решился.

— Вы любили его? — спросил он.

— Любила?

Элинора повторила вопрос так, словно спрашивая самое себя. И ответ ее был ответом себе.

— Да, я его любила.

Она произнесла это машинально и, произнеся, словно очнувшись, посмотрела на Петра.

— Он воевал во Вьетнаме!

Это было сказано так, будто Элинора открывала страшную тайну.

— Не у каждого хватит храбрости сжечь свою призывную карточку, — неуверенно заметил Петр.

Глаза художницы, казалось, расширились от гнева:

— Но и не каждый едет во Вьетнам добровольцем!

Петр не ответил. Наступило молчание. Потом Элинора заговорила тихо и задумчиво:

— Что вы знаете о Бобе? Ровным счетом ничего! Он веселый, добрый парень. Он азартен. Это знают в Луисе все. А кто знает, что он честолобив, что для того, чтобы выбиться в люди, он может забыть мораль, наплевать на гуманность, пойти на все?

Голос Элинора становился все громче.

Петр взял ее за руку:

— Люди меняются.

Художница повернула к нему мокрое от слез лицо.

— Питер...

Она тихонько покачала головой:

— Вы славянин. Вы слишком добры и всепрощающи.

И сейчас, лежа без сна и слушая храп австралийца, Петр заново переживал всю минувшую сцену.

Было тихо, лишь монотонно гудел фен. И Петр думал о Роберте и Элиноре и о том, что у них была любовь. А потом? Что потом? Что осталось у них сейчас? Горечь? Пустота?

Проснулся он от пения Роберта. Роберт пел в ванной нарочито громко. И когда Петр открыл глаза, он увидел, что австралиец высунулся из двери, ведущей в ванную, и выжидающе смотрит на него.

Увидев, что Петр проснулся, он рассмеялся.

— Наконец-то! А то я уже сорвал было голос, а ты все спишь да спишь. Вставай, лентяй! Профессор Нортон послал нас сюда не пролеживать матрасы лорда Дункана! Я, например, через десять минут уже буду готов отправиться к старику Атари!

С этими словами он исчез за дверью.

За завтраком Элинора была молчалива и задумчива. Под глазами у нее легли темные круги, свидетели бессонной ночи. Глядя на нее, Петр чувствовал себя неловко, будто бы нарочно вторгся в чужую, запретную для него личную жизнь.

Роберт, наоборот, был оживлен и весел. Но Петр теперь уже не верил в эту веселость.

В столовой рест-хауза они были одни. Время приближалось к девяти часам, и все, кто остановился здесь с вечера на ночлег, уже давно были в пути — на север или на юг, на прямых и ровных дорогах саванны.

Старик северянин, обслуживающий их, был угрюм. Шаркая босыми ногами, он приносил блюда и молча ставил их на стол. Затем отходил в угол у окна, прислонялся к стене и смотрел в окно, думал о чем-то своем.

— Что с тобой, папа? — спросил его Роберт, когда старик принес кофе. — Что-нибудь случилось?

— Да, батуре...

Высохшие, узловатые пальцы расставляли чашки на белоснежной скатерти.

— Умер малам Атари...

Петр вздрогнул. Но старик больше ничего не сказал и, молча отойдя в угол, опять уставился в окно.

Роберт сидел, опустив голову, лица его не было видно. Но зато лицо Элинора ужаснуло Петра: оно было полно ненависти.

Художница смотрела на австралийца ненавидящими глазами, губы ее побелели.

— Это... это...

Она хотела что-то сказать, но сдержалась.

— Вы слышали?

Гоке почти вбежал в комнату. Лицо его было искажено болезненной гримасой: точно таким же его видел Петр вчера, в Ива Велли.

Он осекся, увидев выражение лиц сидящих за столом, на секунду прикрыл глаза ладонью, вздохнул:

— Сердце...

— Хорошая смерть, — задумчиво ответил Роберт. — Я бы хотел умереть так... во сне.

Глава 21

Они сидели за столом и молчали — все четверо: Гоке заказал себе бутылку пива и молча тянул его из высокого стакана.

Каждый думал о своем.

— Что же дальше? — вырвалось наконец у Петра.

Роберт неопределенно пожал плечами:

— Что-нибудь придумаем... В конце концов свет не сошелся клином на старом Атари. Впереди Каруна. Попытаемся найти что-нибудь в архивах султана.

Он искоса взглянул на художницу.

— Оставим мисс Карлисл в лагере доктора Смита... И поедem дальше — искать...

Элинора оторвала взгляд от своей чашки кофе. В ее глазах была горечь.

— Если бы ты, Боб, так искал самого себя...

Голос ее звучал тихо и устало.

Петр почувствовал себя неловко: опять начиналось вчерашнее.

«Из-за чего же все-таки они расстались, — думал он. — Неужели из-за того, что Роберт был во Вьетнаме?»

Гоке угрюмо пил пиво. Наконец он отставил пустой стакан:

— Все. Нам надо ехать. Стив наверняка уже в Каруне. А там сейчас будет особенно трудно.

Он говорил, ни к кому, собственно, не обращаясь. Потом встал, поклонился:

— До встречи в Каруне, товарищи!

Послышался рокот мощного мотора лендровера.

Уже на пороге Гоке вскинул вверх кулак:

— Да здравствует социализм!

Когда дверь за ним закрылась, австралиец не выдержал:

— Если все красные такие же позеры, как этот...

Он не договорил. В комнату вплыла толстая хозяйка рест-хауза.

— Доброе утро!

Она широко улыбалась, показывая великолепные белые зубы.

— Как спалось, леди и джентльмены? Надеюсь, вам у нас понравилось? Разрешите?

Она тяжело опустилась на стул рядом со столом, беглым хозяйским взглядом окинула его и, видимо, осталась довольна.

— Извините, но все приходится контролировать, — объявила она. — Эти северяне такие тупые! И представьте, как тяжело с ними приходится мне! Мне, окончившей специальные курсы в Лондоне!

Она явно гордилась этими курсами.

— И тут еще эта забастовка! Я сама из народа, я понимаю, что всем сейчас тяжело. Но при чем здесь люди, едущие по своим делам? Почему мой рест-хауз должен быть закрыт, пока какой-нибудь лодырь в Луисе не станет получать на десяток фунтов в год больше? Нет, вы только подумайте! Даже здесь, в Бинде, даже темные северяне сейчас только и говорят о забастовке! Митинги, собрания... И эти агитаторы из Луиса — так и рыщут, так и рыщут!

Она перевела дыхание.

— Да, кстати, кто из вас мистер Николаев?

— Я.

Петр слегка поклонился.

— Ага, — довольно протянула толстуха. — Значит, это письмо для вас.

— Какое письмо?

Петр насторожился. А хозяйка тем временем сунула толстую руку за свой необъятный корсаж и извлекла оттуда помятый конверт.

— Это вам просил передать Стив Коладе. Вы знаете мистера Коладе?

Петр кивнул.

Хозяйка со вздохом протянула ему пакет.

— Мы с ним из одной деревни. Хорошая семья! А старший брат-то! Стал таким большим человеком! Редактор! Директор компании в Луисе! Вот Стив только...

Она с сожалением покачала головой:

— Конечно, политикой тоже можно сделать карьеру и даже выйти в министры. Или в президенты, как Старый Симба. Но... уж больно грязное это дело. А у Стива еще и невыгодное — профсоюзы. И ведь мог быть не хуже старшего брата!

Она говорила еще что-то, но Петр уже ничего не слышал. Он вскрыл пакет. В нем оказалось несколько листов бумаги, исписанных мелким почерком.

«Дорогой товарищ Николаев! — начиналось письмо. — Я думаю, что вам будет интересно познакомиться и поговорить со старым Атари, старшиной чеканщиков, который живет здесь, в Бинде. Он единственный из оставшихся в живых свидетелей смерти капитана Мак-Грегора. Правда, я не уверен, что он захочет рассказать все, что знает об этой истории. На всякий случай я записал его рассказ. Вам он пригодится. Ваш Стив Коладе».

— Здорово! — невольно вырвалось у Петра.

— Что он пишет? — австралиец даже подался вперед.

Петр протянул ему письмо.

Листки с записью рассказа старика Атари жгли ему руки.

И сейчас же мелькнула мысль: «Как Стив Коладе узнал, что он, Петр, интересуется историей смерти Мак-Грегора?»

«Наверное, слышал об этом в университете, — подумал он. — Ведь это ни для кого не было тайной».

И он начал читать их тут же, за столом, откладывая уже прочитанные на скатерть, и Роберт жадно хватал их один за другим.

Торопливый, неровный почерк. Не совсем правиль-

ный английский язык. Стив писал, видимо, очень торопясь, стараясь поспеть за словами Атари:

«Я родился в доме моего отца в квартале чеканщиков близ Кофар Кокона, здесь, в Бинде. Мой отец был мастером-чеканщиком. Когда мне было двенадцать лет, мой отец умер, и я должен был сам заботиться о своем пропитании. Меня взяли ко двору Дан Я Мусы, эмира Бинды, — держать стремя эмира. Мне посчастливилось потому, что я был другом сына эмира и он просил за меня своего отца. Я прослужил во дворце целых два года, прежде чем сюда прибыл капитан Мак-Грегор — как раз перед началом сезона дождей. Мы называли его Мэй Лауни, на нашем языке — цветной.

Эмир Дан Я Муса был человеком очень небольшого роста, не больше чем пять футов два дюйма. Но хоть он и был небольшого роста, он был хорошо сложен: не толст и не тонок. У него была густая черная борода. Зубы его были маленькие, хорошей формы и целы все до одного. Кожа его была очень черна, он был прекрасный наездник, охотник и воин. В ярости он был особенно страшен и жесток.

Он был полон энергии, и у него было четыре жены и много наложниц. Я не знаю точно его возраста, но он был еще в первой половине своей жизни.

(— Не старше тридцати пяти лет, — объяснял Стив на полях рукописи.)

Его любимым занятием была война. Каждый сухой сезон он отправлялся против язычников племени Тони в район Дари, Амба, Рири и язычников Мада — на юго-восток от его деревянного дворца, который он построил в Коконе.

Каждый год много лошадей пригонялось с Севера, чтобы эмир мог посадить на них своих людей, и за лошадей он платил рабами. Для Дан Я Мусы рабы были деньгами. Он платил рабами за все: за орехи кола, за халаты, за ружья, и каждый год он отправлял караваны рабов к султану Каруны, которому он платил дань.

Впервые о делах европейцев мы в Бинде услышали от людей из племени тиджани, которых изгнали из их страны французы. А потом пришли люди с бе-

регов Бамуанги и рассказали, что идут англичане, которых послала к нам Компания.

После того как я прожил во дворце два года, пришел капитан Мак-Грегор. Когда он пришел, он послал за султаном и сказал ему, что больше войн не должно быть и что надо перестать торговать рабами.

Эмир был недоволен этим, так как торговля была тем, чем он жил, а теперь это все прекратилось.

Однако с Мак-Грегором был человек по имени Дэвидсон, которого мы называли «малам батуре»...

(— Ученый европеец, — объяснял Стив.)

Обычно эмир проводил несколько дней в Коконе и несколько дней в Бинде, но он всегда приезжал в Бинду по пятницам — помолиться в мечети. Дворец Кокона был всего лишь в восьми милях от Бинды, и путь был легок.

В день, когда капитан второй раз пришел в Бинду, эмир был в своем дворце. С ним были малам батуре и много солдат. И еще с ним был его проводник по имени Абубакар Абдулахи. Он был лжец и негодяй, и у него совсем не было страха перед аллахом. Он лгал Мак-Грегору и лгал эмиру.

В тот день, когда Мак-Грегор ждал эмира перед дворцом, Абдулахи сказал эмиру, что Мак-Грегор хочет убить его. Делал ли он это по собственному коварству или кто-то приказал ему — не знаю. И эмира охватил страх, хотя он и не показывал этого...»

Петр вчитывался в неровные строчки. Старик все хорошо помнил: он перечислял, какое оружие было у солдат, пришедших с Мак-Грегором, кто и где стоял на площади, сколько раз Абдулахи ходил во дворец. Старик рассказал о том, как Абдулахи запугивал султана, как упорно подсказывал ему «единственный путь к спасению» — убить белого.

— Провокатор! — невольно вырвалось у Петра.

— Вы о ком?

Австралиец протянул руку за следующим листком, прочел его, аккуратно положил на стол.

— Нда-а, — протянул он задумчиво и вздохнул: — Между прочим, в рапорте лорда Дункана Абдулахи поминается как герой, верный интересам империи и погибший за них вместе с Мак-Грегором.

Петр усмехнулся:

— Меня в этой истории удивляет только одно: почему никто из ученых до сих пор всерьез не занялся вопросом об убийстве Мак-Грегора? Ведь лорду Дункану и не нужно было лучшего предлога, чтобы начать войну против султана Каруны.

— Не занялся? А профессор Холден?

В голосе Роберта проскользнули грустные нотки:

— Вы, русские, вы иногда оказываетесь в плену собственных доктрин. Например, доктрины, что буржуазному обществу служит буржуазная наука, что буржуазные ученые в силу своей буржуазной ограниченности не могут быть объективно честными в своих исследованиях.

— Неправда!

Петр прижал листки, разложенные на столе, ладонью:

— Настоящий ученый, объективно собирающий и анализирующий факты...

— Стоп!

Австралиец шутливо поднял руки:

— Я не люблю споров. И потом мы ведем себя как мальчишки, нашедшие клад: мы совсем забыли о нашей даме!

— Конечно, северяне честны и трудолюбивы, — говорила в этот момент Элинор хозяйка рест-хауза. — Но они фанатичны в своем мусульманстве. Скажи им мулла, что аллах благословил их на резню южан, — и они будут нас резать с чистой совестью! И это уже случалось не раз!

Петр взял следующий листок.

«...Эмир показался в воротах своего дворца. Он ехал на своем боевом жеребце по имени Дан Ашалу, что значит «рожденный для битв». Его окружали телохранители — конные и пешие. Я был среди пеших.

Эмир пересек площадь и приблизился к Мак-Грегору, как будто хотел салютовать ему копьями. Затем я услышал выстрел. Тогда я еще не знал, кто и в кого стреляет.

Эмир всегда носил при себе два пистолета, один из которых был шестизарядным. Он никогда не расставался с ними. Один был спрятан под мышкой, дру-

гой — в кобуре на правом бедре, также скрытый халатом. Этот — в кобуре — и был шестизарядным. Потом говорили, что именно этот пистолет выхватил эмир, когда он застрелил Мак-Грегора. Капитан упал.

Толпа на площади закричала, все побежали. Солдаты стали стрелять. Дэвидсон спасся в мечети. К мечети побежал и Абдулахи. Эмир крикнул: —

— Не трогайте малама батуре!

Солдаты стреляли в него, и он уцелел лишь благодаря чуду. Пули летели в толпу, и многие падали замертво.

Эмир повернул коня и поскакал за Абдулахи. Когда тот был уже близко от мечети, эмир настиг его и зарубил. Затем Барга, раб, отрубил голову Абдулахи, другой раб отрубил голову Мак-Грегора...»

Что было дальше, Петр уже знал. События, рассказанные покойным Атари, были уже описаны в книге профессора Холдена. Новым в этом документе было то, что старик рассказал о роли Абдулахи.

Значит, капитан Мак-Грегор был послан на верную смерть! Дункан знал точно, что капитан будет убит. Он организовал это убийство с помощью Абдулахи, чтобы начать «цивилизаторский» поход на Север, на Каруну!

Петр посмотрел на последний листок. Там стоял жирный крест и отпечаток большого пальца.

«Все, что я рассказал, записано верно и прочитано мне Стивом Коладе, что я и удостоверяю. Атари».

«Молодец Стив, — подумал Петр. — Как все-таки хорошо, что он встретился с Атари!»

Глава 22

От Бинды они свернули на северо-восток, к плато Грос. Где-то там находился со своею экспедицией доктор Смит.

Нужно было ехать в сторону от главной дороги на Каруну — крюк получился миль в пятьдесят.

— Часа через два будем на месте, — уверенно заявил Роберт.

Он внимательно посмотрел на художницу, садившуюся на заднее сиденье. Она ничего не сказала. Со вчерашнего вечера она была молчалива и задумчива.

Австралиец тоже нервничал. И только Петр был весел. Если до сегодняшнего утра цель поездки в Каруну все-таки казалась ему далекой, почти недостижимой, то сегодня она предстала перед ним почти осязаемой реальностью.

«Как собака, взявшая след, — с улыбкой думал он про себя. — Вот если бы повезло и удалось найти кого-нибудь, кто подтвердил бы, что султан Каруны направил лорду Дункану не одно письмо, а два! Кого-нибудь вроде старика Атари...»

Он нащупал нагрудный карман своей рубахи с короткими рукавами, из хлопчатобумажной ткани цвета хаки, немаркой и нежаркой. Карман был застегнут на две пуговицы. Там вместе с паспортом и рекомендательным письмом «всем, кого это касается» от профессора Нортона лежали и записи Стива.

Машина шла медленнее, чем рассчитывал Роберт. Это была не прямая магистраль Луис — Каруна, протянувшаяся по гладкой саванне. Хотя и здесь был асфальт, дорогу нельзя было назвать первоклассной: она была узка и извилиста, то и дело попадались выбоины. Отдельные участки вообще были покрыты одним лишь латеритом. То и дело попадались огромные валуны. Иногда вдруг вдали показывались одинокие скалы — древние, разрушающиеся. Издали они казались развалинами старинных замков.

Дорога шла на подъем — сначала почти незаметно, потом все круче и круче.

— Поднимемся на плато, — объявил Роберт. — Миль через пятьдесят будем на месте.

Да, это была уже не саванна. По склонам холмов густела яркая зелень кустов, небольших, искривленных деревьев, перевитых лианами. Водопады с шумом падали со скал и звонко разбивались о камни. Быстрые, бурные речушки, за много веков сумевшие пробить себе русла в толще камня, бежали где-то внизу, в заросших зеленью ущельях.

Дорога была пустынна. Лишь однажды попались две женщины с детьми, привязанными за спиной, с при-

чудливыми прическами, похожими на петушинные гребни. При виде приближающейся машины они шарахнулись в придорожные кусты и скрылись в чаще.

На одном из крутых поворотов Роберт резко затормозил и остановился. Дорогу медленно переходила семья бабуинов, крупных, похожих на собак обезьян.

Петр схватил фотоаппарат, навел его.

Самец — самый большой — встал поперек дороги и оскалил белые клыки. Две самки поменьше, с детенышами быстро пересекли дорогу и исчезли в камнях. Тогда сошел с дороги и их защитник — не торопясь, спокойно, то и дело оглядываясь на остановившуюся машину.

— У меня кружится голова, — сказала Элинора. — Давайте отдохнем.

Природа здесь словно специально создала место для отдыха. Небольшая площадка открывалась сразу же за поворотом: две скалы стояли перед нею, как ворота. Дальше дорога шла немного вниз и пересекала по узкому бетонному мосту неширокое, но глубокое ущелье, на дне которого в зеленой чаще шумела вода.

Направо ущелье расширялось в заросшую кустарником котловину, окруженную, словно стенами, причудливыми скалами. Оттуда доносились звуки, похожие на лай и другие, которых Петр раньше никогда не слышал.

— Обезьяны, — сказала Элинора, ни к кому не обращаясь.

— Где?

Петр тщетно пытался разглядеть что-нибудь в хаосе камней и зелени.

— А вы присмотритесь! Во-он там...

Элинора протянула руку, и Петр принялся вглядываться в указанном ему направлении.

— Вижу! Рыжие!

Да, это были обезьяны. Они носились между камней, визжали, кричали, тявкали. Сотни, тысячи обезьян... А вокруг — каменная пустыня под ярким синим небом, залитая белым солнечным светом.

Было прохладно. Петр поежился.

— Холодно? Зато здесь сухой и свежий воздух. Не то, что там у нас, в Луисе.

Подождал Роберт, на ходу вытирая тряпкой руки: он копался в моторе.

— Красиво?

Он деловито кивнул на скалы.

— Сюда только туристов возить. Кстати, вы читали небольшое объявление в рест-хаузе возле конторки? Эх вы, путешественники! А там точно указан адрес, куда мы едем. Сейчас... как это...

Он прищурился, словно вспоминая:

— Женщины-утки. Семьдесят одна миля двести ярдов, поворот налево.

Засмеялся.

— Это как раз то племя, где работает доктор Смит. Женщины ходят совершенно голыми, как в каменном веке. И вставляют себе в губы деревянные пластины. Получается, как клюв утки.

Элинор молча взглянула на него и пошла к машине.

Австралиец вздохнул. Лицо его помрачнело. Он отшвырнул тряпку, которой вытирал руки, в кусты.

— Устал? — спросил его Петр.

— Да... Устал. А как ты себя чувствуешь? Доволен?

Он кивнул на оттопыривающийся карман рубахи Петра:

— Это, конечно, очень интересно. Но если нам повезет и в Каруне...

Петр вздохнул:

— Это было бы просто здорово!

Раздались гудки. Элинор нетерпеливо нажимала на клаксон.

Остаток пути они ехали молча. Роберт по спидометру засекал расстояние от рест-хауза и теперь все время поглядывал на валики цифр.

— Где-то здесь должен быть поворот, — наконец сказал он, сбрасывая скорость и внимательно вглядываясь в зеленую стену кустов, словно ожидая, что она вот-вот раскроется.

— Эй! Батуре! Батуре!

Они услышали крик и одновременно увидели мальчугана лет десяти, выбежавшего из кустов почти под самый радиатор «пежо».

— Всех белых здесь называют «батуре», — пояснил Роберт и затормозил.

Мальчишка, запыхавшись, подбежал к машине.

— Вы едете к женщинам-уткам? — с ходу спросил он по-английски. И быстро затараторил:

— Я вам покажу дорогу. Меня зовут Шува. Я учусь

в школе отца Джона. Он миссионер и приехал из Англии. Я хорошо говорю по-английски...

— Ну что? Берем в гиды?

Роберт с улыбкой обернулся к Элиноর, потом к Петру.

— Садись!

Он кивнул на заднее сиденье. Мальчишка проворно открыл дверцу. И в этот момент из кустов показалась целая ватага его сверстников.

— Батуре! Батуре! — кричали они. — Я покажу вам дорогу... Я... Я...

— Конкуренты! — покачал головой австралиец.

Петр оглянулся. Мальчишка гордо сидел на заднем сиденье и довольно поглядывал на опоздавших приятелей. Элинор задумчиво гладила его круглую курчавую голову.

«Конкуренты», увидев, что опоздали, не обиделись на приятеля. Они что-то весело кричали ему вслед, когда машина медленно поползла по дороге, поднимая тучи пыли.

— Сейчас будет поворот, — предупредил мальчишка. — Стоп! Вот здесь!

Без него Роберт наверняка проглядел бы чуть заметный съезд с дороги. Но здесь виднелись отпечатки шин, хотя дороги практически не было.

— Прямо! — командовал мальчишка, и Роберт медленно ехал по чуть заметным следам, объезжая кусты и валуны.

— Когда-то женщины из этих мест очень ценились соседними племенами, — бойко затараторил мальчишка, честно выполняя обязанности гида. — И соседние племена затевали войны, чтобы захватывать этих женщин. И тогда старики пошли к колдуну — просить его помочь племени. Так вот и стали с тех пор женщины вставлять деревяшки себе в губы, чтобы не быть такими красивыми.

Роберт вел машину медленно и осторожно, внимательно вглядываясь в чуть заметные следы протекторов, петляющие впереди.

— Сколько тебе лет? — спросил Петр мальчика.

— Десять! — ответил тот гордо. — Я уже большой!

— А сколько лет ты учишься?

— Три! Отец Джон доволен мной и обещает послать учиться в Грос!

Мальчишка действительно говорил на довольно хорошем английском языке. Глаза его весело сверкали. Он был явно доволен, что заработает сегодня несколько шиллингов. И Петру вспомнилось, что здесь, на плато, средний доход семьи в месяц составлял пятьдесят-шестьдесят гвианийских шиллингов. Это были цифры официальной статистики, и еще в Институте истории Петр ужасался здешней нищете. Но, лишь приехав в Луис, где фунт мяса стоил до десяти шиллингов, Петр по-настоящему понял, что такое бедность на плато. Так что маленький Шува мог по праву гордиться собой — он, зная английский язык, зарабатывал наверняка побольше, чем взрослый пастух или крестьянин, занимающийся разведением арахиса.

— А кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Доктором! — не задумываясь, ответил мальчуган. — Как доктор Смит!

Элинор грустно улыбнулась.

— А что ты знаешь о докторе Смите? — ласково спросила она.

Шува посмотрел на нее с удивлением:

— А разве вы, мадам, его не знаете?

Элинор неуверенно улыбнулась:

— Кажется, знаю.

— Знаете! — твердо заявил Шува. — Кто же его не знает? Доктор Смит — хороший человек. Он делает уколы и лечит людей от обезьяньей болезни. Его лагерь за горой. Он очень хороший человек! Так говорят в нашей деревне. Вы поедете навестить его?

— Обязательно! А вот и твои «утки»!

Элинор кивнула в сторону небольшой рощи, из которой одна за другой выскальзывали черные фигурки. Они спешили в том же направлении, в котором шла машина.

— Уже знают, что вы приехали! — заявил Шува.

— От кого?

Мальчик пожал плечами и ничего не ответил: видимо, вопрос показался ему слишком уж несерьезным.

— Сообщили тамтамы, — саркастически заметил молчавший до сих пор Роберт. — В Африке все и обо всем сообщается тамтамами. По крайней мере, в этом твердо уверены туристы. А в данном случае друзья Шувы просто успели забежать к участницам этого аттракциона и сообщить им, что клиенты прибыли.

Обычное разделение труда, хорошо налаженный бизнес.

— Или...

Он посмотрел на Петра:

— Как вы бы сказали: проникновение капиталистических отношений в первобытно-общинное общество.

Петр промолчал. Австралиец, успокоившийся было в дороге, опять нервничал.

— Стоп! — сказал Шува. — Дальше дороги нет.

Они вышли из машины и пошли через редкую рощу невысоких кривых и тонких деревьев по узкой тропинке. Метров через двести тропинка уперлась в довольно большую хижину, перед которой была вытоптана площадка метров десять в диаметре.

Из хижины навстречу им поспешно вышел худой и высокий гвианец. Он остановился перед пришельцами и вежливо улыбнулся, затем вопросительно поглядел на Шуву.

Мальчик спросил его о чем-то на местном языке, северянин кивнул, сказал несколько слов. Потом указал куда-то в сторону оставшейся позади них рощи.

Петр оглянулся. По узкой тропинке одна за другой из рощи выскальзывали обнаженные женщины. Их было человек пятнадцать. Пожилые матроны с высохшими грудями и отвислыми животами, стройные и гибкие девушки, девочки-подростки, едва-едва только лишь начавшие оформляться.

Вся их одежда состояла из тонкого плетеного пояса, с которого свешивалось по пучку травы — спереди и сзади. В руках они держали примитивные мотыги — короткие, изогнутые: два куска дерева, связанные корой.

Губы у всех были изуродованы. Плоские деревянные пластины действительно делали их похожими на клювы уток — широкие, сильно вытянутые вперед. Рты из-за этого не закрывались, и виднелись зубы, оранжевые от жевания какой-то травы.

Командовала всеми пожилая и толстая матрона. Она выделялась властными манерами и шляпой — куском автомобильной шины, в которую были воткнуты велосипедные спицы.

Петр поднял фотоаппарат, предусмотрительно прихваченный им из машины, но женщины вдруг загавкали, замахали на него руками, а матрона в шляпе

быстро заговорила, обращаясь к северянину. Тот поднял руку, и все смолкло.

Шува уже знал, что последует дальше. И, не дожидаясь, что скажет северянин, заговорил деловым тоном:

— Снимать разрешается. Один снимок — один шиллинг. Снимать киноаппаратом — пять шиллингов.

— О'кэй! — перебил его австралиец. Он держал в руках кинокамеру и уже проверял экспозицию.

«О'кэй» было здесь понятно всем. Северянин вежливо отступил в тень хижины, а женщины принялись позировать. Они становились то живописными группами, то выталкивали вперед «солисток» для крупноплановой съемки, то делали вид, будто работают своими мотыгами, то располагались словно на отдых.

Чувствовалось, что они проделывали это уже сотни раз, что все это для них привычная и хорошо оплачиваемая работа. И кто знает, сколько им пришлось заплатить тому, кто повесил в рест-хаузе Бинды объявление с точным указанием количества миль до этой поляны.

Петр поднял фотоаппарат, но, когда в видоискателе появилась группа обнаженных девушек, делающих вид, будто они работают, что-то заставило его опустить камеру.

Чувство, заставившее его сделать это, было слишком сложным, чтобы он сам смог разобраться в нем вот так, сразу. Нет, это было не ханжество, не смущение перед наготой женского тела, это была скорее жалость, и даже не жалость, а протест, возмущение тем, что заставило этих женщин стать профессиональными торговками своим уродством.

Матрона в резиновой шляпе заметила, что он не снимает, и заговорила громко, возмущенно, размахивая руками.

Глазенки Шувы блеснули любопытством.

— Сэр, вам не нравятся женщины-«утки»? Мадам очень недовольна этим — ведь они шли сюда специально для вас, чтобы вы сфотографировали их и заплатили деньги.

Петр поспешно сунул руку в карман. Матрона вся подалась вперед, но северянин, стоявший у стены хижины, шагнул к Петру и протянул руку.

— Деньги ему, — заторопился Шува. — Он хозяин...

Это было как бы знаком. Северянин взял монету из рук Петра и опять вежливо улыбнулся. Затем протянул руку ко все еще стрекочущему кинокамерой Роберту.

И только теперь Петр заметил, что Элинор не было рядом с ними. Он вертел головой во все стороны и наконец увидел ее. Художница сидела спиной к ним на большом валуне метрах в ста, в тени рощи. Плечи ее были опущены.

Северянин аккуратно сложил полученные деньги в небольшой кожаный мешочек и спрятал его в складках одежды, опять молча и вежливо улыбнулся и отступил в тень хижины. И сразу женщины кинулись к Петру и Роберту.

— Деньги! Дай деньги! — настойчиво и громко выкрикивали они по-английски единственную фразу, которую знали.

— Бизнес! — вздохнул Роберт. — А ведь это племя находится под специальным наблюдением ООН. Они здесь полностью сохранили уклад каменного века.

Он усмехнулся:

— Каменный век — отличный аттракцион для туристов!

Тем временем «утки» окружили матрону в шляпе: она принимала от них монеты и тщательно пересчитывала.

Видимо, сегодняшний заработок был хорошим, так как она вдруг вышла из кружка своих товаров и подошла к белым.

— Она наверняка хочет подарить нам шляпу, — улыбнулся Петр, когда матрона принялась снимать с головы кусок автомобильной крыши.

Но он оказался прав лишь отчасти. Из-под шляпы были извлечены две цветные открытки и торжественно вручены гостям.

— Да ведь я видел эту открытку в Луисе, в магазине «Кингсвей»! — заметил Роберт. — Так и есть — «Привет из Гвиании».

На открытке улыбалась матрона — в той же шляпе с велосипедными спицами, те же деревянные круглые пластины, обтянутые кожей губ, те же оранжевые зубы. И, наконец, мотыга через плечо.

На обратной стороне открытки чернел отпечаток большого пальца — автограф...

— К доктору Смиту? — спросил Шува, когда они вернулись к машине.

— Да, — твердо ответила Элинора.

И Петр вдруг обратил внимание: что-то в ней изменилось. Она держалась прямо и уверенно, как человек, принявший какое-то решение. Произошло ли это тогда, когда она сидела на валуне в роще, пока они с Робертом фотографировали бизнесменов каменного века?

Австралиец тоже заметил это. Во взгляде, который он тайком бросил на Элинора, Петр опять заметил тревогу и неуверенность, словно австралиец не хотел, чтобы они ехали в лагерь доктора Смита, но не решился возразить.

— Мы поедem через деревню, — сказал Шува, когда они принялись петлять по траве между деревьями — вдоль извилистой, но довольно широкой тропинки.

— Там очень хороший базар, — добавил он через некоторое время. — И я покажу вам нашу школу.

И Петр понял, что мальчугану очень хочется проехать по родной деревне на машине и чтобы все видели это. Петр улыбнулся: маленькое мальчишеское тщеславие.

Пока они ехали по деревне, Шува сидел в машине важно и прямо, чтобы все видели его сквозь стекло медленно ползущего «пежо».

Вечерело, и базар уже опустел. Лишь несколько торговцев дремали на циновках под навесами из таких же циновок — возле кучек красного перца, горсток арахиса и спичек.

Здесь не было вызывающего восторг и восхищение изобилия и пестроты южных базаров, здесь была гнетущая нищета.

Три мальчугана верхом на палках («Нечто вроде наших землемерных аршинов», — подумал Петр) скакали по пыли.

— А это школа, — с гордостью провозгласил Шува, когда они поравнялись с длинным одноэтажным зданием, беленным известью.

Перед ними стоял бетонный сарай с оконными проемами без стекол и с ржавой железной крышей. Оконные проемы были расположены очень низко к земле, и Петр успел заметить, что внутри класса громозди-

лись грубые деревянные скамьи и такие же столы — длинные, неуклюжие.

— А дети «уток» сюда ходят? — спросил он.

— Нет, — покачал головой Шува. — Из этого племени никто сюда не ходит. Они язычники.

Дорога становилась все хуже и хуже.

Глава 23

Лаборант, массивный гвианиец с типичным лицом южанина, вошел в палатку и молча протянул доктору Смиту длинный и узкий листок бумаги.

Американец быстро и с видимым интересом пробежал глазами колонки цифр.

— Спасибо, Мануэль, можете идти.

— Йес, сэр.

Лаборант шагнул к выходу.

— Постойте!

Смит замолчал, будто бы решал что-то.

— Вы... уверены, что здесь все...

Американец подбирал слово:

— ...правильно?

Мануэль добродушно улыбнулся:

— Сэ-эр, за последние пять лет я еще ни разу не ошибся при анализе крови. И потом картина настолько ясная...

Он пожал плечами.

— Хорошо. Можете идти, Мануэль. И проверьте, пожалуйста, все ли готово к завтрашней вакцинации. Завтра у нас будет человек сто пятьдесят.

— Хорошо, сэр. Спокойной ночи, сэр!

Когда он вышел, доктор Смит повернулся к Петру:

— Скажите... в дороге вы ничего не пили?

Они сидели в палатке доктора Смита вчетвером: хозяин и трое приезжих. За большим окном, затянутым мельчайшей сеткой, была темнота, фантастически пронизанная лунным светом.

Сквозь окно виднелись силуэты еще двух палаток — большой, где жили остальные члены экспедиции, и маленькой — лаборатории. Там же жил и лаборант Ману-

эль, сотрудник медицинского факультета Луисского университета.

Палатки казались серебряными в свете луны. Серебряным казался и длинный навес — джутовые маты на жердях. Там, под этим навесом, и проходила обычно вакцинация, как сообщил Петру доктор.

Он встретил их с искренней и бурной радостью. И не скрывал, что он на вершине счастья, что сюда приехала Элинора. Как только они появились в лагере, доктор Смит засуетился, стараясь поудобнее устроить гостей. Он сам достал из фургона-прицепа три походные кровати и установил их под навес — для мужчин, предоставив свою постель художнице.

Его ярко-синие глаза сияли.

Про себя Петр отметил, что даже здесь, в самом глухом месте Гвиании, Джеральд Смит оставался верен самому себе. Он был отлично выбрит, от него пахло дорогими мужскими духами. Рубашка сверкала безукоризненной белизной.

Несмотря на жару, на нем был легкий темно-серый пиджак, свежий галстук отливал сталью.

Когда «пежо» въехал в лагерь, здесь уже не было ни одного пациента: все они приходили из дальних деревень и к ночи старались быть дома.

Сотрудники экспедиции занимались тем, что заполняли карточки и журналы данными о проделанной за день работе.

— Через две недели после первичной вакцинации пациент должен явиться на вторичную, — объяснил доктор Смит. — И тогда он получит шиллинг.

Он улыбнулся:

— В Штатах мы сами платим врачам за их услуги, а здесь наоборот.

Смит говорил, обращаясь к Петру и Роберту, но взгляд его все время был прикован к Элиноре. Художница мягко улыбалась.

И от этой улыбки американец совершенно терял голову. Он был счастлив, и Петр — в который раз! — опять признался самому себе, что завидует ему.

Когда они дошли до осмотра лаборатории, размещенной в легкой голубой палатке и оборудованной современной медицинской техникой, Элинора рассказала американцу, что Петр в пути плохо себя чувствовал, и попросила проверить его кровь.

— Кровь? А может быть, кровь здесь вовсе и ни при чем? Тепловой удар, перемена климата. Это же Африка! — предположил доктор, но Элино́р настояла на своем.

И пунктуальный Мануэ́ль теперь ручался за точность анализа.

Палатка Смита поразила Петра комфортом. Обеденный металлический стол стоял снаружи под широким козырьком-навесом, внутри разместился небольшой письменный стол, полка-этажерка с книгами. Здесь же стояли три складных кресла, походная кровать. Под потолком висела лампочка, питающаяся от батарей, в углу — небольшой походный холодильник, тоже работающий от батарей. Был здесь даже платяной шкаф — рамы, обтянутые эластичным материалом.

Еще вчера Петр отнесся бы ко всему этому с любопытством и (в чем он никак не хотел себе признаваться!) с легкой завистью и смутным восхищением. Но сегодня, после женщин-«уток», вся эта туристская роскошь вызывала в нем лишь глухое раздражение, которое он тщетно старался подавить в себе. Это был чужой мир, становившийся тем более чужим, чем ближе соприкасался с ним Петр.

Предоставив гостям кресла, хозяин палатки сейчас сидел на кровати и с явным удовольствием пил из длинного стакана холодный апельсиновый сок; стенки стакана запотели и казались посеребренными.

В холодильнике оказался и коньяк «бисквит», и несколько жестянок пива. Роберт и Петр отдавали должное этим запасам.

— Так что вы пили в дороге? — повторил свой вопрос американец.

Петр пожал плечами:

— Пиво... кофе... кока-колу... Кажется, больше ничего!

Американец хмыкнул и протянул листок с записями Мануэ́ля художнице:

— Вы... понимаете, что здесь написано?

— Понимаю, — кивнула Элино́р, быстро просмотрела написанное и положила листок себе на колени текстом вниз.

Ее изумрудные лучистые глаза смотрели на Петра.

И опять, в который раз, Петру показалось, что он видит в них жалость.

— Странно...

Доктор Смит размышлял вслух:

— Конечно, это может случиться и из-за несоблюдения правил личной гигиены. Кстати, количество очень небольшое.

Он вздохнул:

— Вот видите, мистер Николаев, как нужно быть осторожным!

Петр посмотрел на американца.

— Тут, в Африке, столько неизвестных нам растительных ядов — и в растениях, и в пыльце цветов, наконец, просто в пыли. Человек может умирать здесь долго и медленно, и ни один врач вам не скажет, что он отравлен.

Он с наслаждением отпил соку:

— Гигиена, гигиена и гигиена! И витамины. Вы же знаете, — во многих африканских фруктах витаминов почти нет.

Синие глаза изучали доброту.

«Вот он — воплощение здоровья, и физического и душевного, — подумал Петр. — Наслаждается жизнью и работой, близостью любимой женщины».

То, что он слышал от Смита, сначала не взволновало его. Еще в Москве он был мысленно готов к тому, что в Африке непременно подцепит какую-нибудь заразу. Так, по крайней мере, говорили все его коллеги по институту.

— Так что же все-таки я подхватил, несмотря на этот дезинфицирующий раствор?

Петр поднял стакан и демонстративно сделал большой глоток виски. Американец вопросительно посмотрел на Элинора.

«А они, видимо, уже успели поговорить на эту тему, — подумалось Петру. — И бояться меня расстроить...»

От этой мысли ему стало немного не по себе.

— Вы пили или ели что-нибудь в дороге...

Доктор осторожно подбирал слова.

— ...в антисанитарных условиях?

— Ямс на базаре в Огомшо, — вмешался Роберт. — И пиво.

Он усмехнулся:

— Бедная Африка! Чего только на нее не наговари-

вают! И потом, извините, вы доверяете анализам, которые делают гвианийцы?

— Мануэль — отличный работник! — обиделся доктор. — А в крови мистера Николаева совершенно точно установлены как следы яда, так и следы противоядия.

— Я дала ему то, что вы называете противоядием, доктор. Мне показалось, что...

Элино́р не договори́ла, вздохнула и покачала головой.

— А кто дал яд? — жестко произнес Роберт, отчеканивая каждое слово.

И тут словно молния сверкнула в мозгу у Петра, словно молния, вызвавшая из темноты мгновенную картину: бар в Огомшо... и человек, подошедший к стойке, — один из пьяниц, споривших в углу о политике!

Значит... Петр даже мотнул головой, отгоняя эту дикую мысль. Все это казалось нелепостью.

И неожиданно Петра разобрала злость.

«Ну ладно, — подумал он, — я вам покажу! Не на того напали!»

Он не знал еще конкретно, кому это «вам», но знал то, что вступает в борьбу — в ту самую борьбу, о которой говорил ему в Луисе Глаголев и в которую он все не хотел верить. И, приняв решение, Петр сразу же успокоился.

— Стоит ли говорить о такой чепухе! — сказал он подчеркнуто безразлично. — И вообще я голоден как волк!

Роберт внимательно посмотрел на него, Элино́р переглянулась с американцем, тот пожал плечами.

Они поужинали запасами из холодильника доктора Смита: консервированные бобы, колбаса, персики.

Петр обратил внимание, что Элино́р сегодня необычно много пила. Раньше он за ней этого не замечал. Не отставал от нее и австралиец: они сегодня словно старались перещеголять друг друга. Они пили и не хмелили, и Петр, слушая рассказы доктора Смита о том, как он живет в далекой Калифорнии, — о небольшом домике его родителей, о том, что он был капитаном бейсбольной команды в Калифорнийском университете, о его хобби — собирании марок, посвященных медицине, все время чувствовал, что приближается что-то страшное своей неотвратимостью. Иногда ему казалось, что Элино́р и Роберт ходят по кругу, не спуская глаз

друг с друга и выжидая удобный момент, чтобы сцепиться насмерть.

И вдруг австралиец поднялся. Он был пьян, как никогда, но держался твердо.

— Извините,— сказал он вежливо и многозначительно взглянул на Петра.— Мы очень устали. Спокойной ночи.

Он пошел к выходу, и Петр, повинувшись его взгляду, пошел следом за ним.

— Спокойной ночи, джентльмены!— услышал он за собой счастливый голос Смита.

Они прошли под навес и сели на свои кровати.

Вокруг была тишина. И опять надрывались, звенели цикады. Ночь была такой умиротворяющей! Она была вся усыпана звездами, насквозь просеребрена луной. Здесь, на плато, дышалось легко и было прохладно, как где-нибудь ночью в горах Крыма.

— Что с тобой, Боб?— спросил Петр и вспомнил: получилось как-то так, что он давно уже не называл австралийца Бобом, а тот, не любивший, когда его называют Робертом, не протестовал, как раньше.

— Ты любишь ее?

— Люблю?

Голос Боба был хрипл. Он откашлялся и повторил:

— Люблю?

Это был не ответ, это был вопрос — вопрос к самому себе.

— А ты?

Петр тихонько покачал головой. Был ли он влюблен в эту странную, изломанную, все еще непонятную ему женщину? Но чем ближе он узнавал ее, тем больше он испытывал совсем иное чувство. Перед ним было человеческое существо — израненное, без корней, без родины, не имеющее ничего и ищущее опору то в служении языческим богам, то в филантропии, то в абстрактных библейских категориях.

Но Роберту было сейчас не до его исповеди. В голосе его звучала ненависть, он почти кричал:

— Нет, я не понимаю этого! Она видит в Смите воплощение добра, видит в нем человека, целиком отдавшего себя людям. Но таких нет и никогда не было. Их выдумывают моралисты как пример для подражания и потом лгут, чтобы в них поверили.

— Тише!— Петр дотронулся до его руки.— А может,

ты просто... Хотя нет! Ведь насколько я понимаю, если раньше между вами и было что-то, то все давно прошло!

Он старался говорить спокойно.

Австралиец горько рассмеялся:

— Не все проходит, а если проходит, то не так просто. Ты знаешь, почему...

Он помедлил, подбирая слова.

— ...почему у нас все так... кувырком? Почему она сейчас не со мною, а с этим лощеным ублюдком? Из-за того, что я был во Вьетнаме!

Роберт стиснул кулаки.

— Да, я пошел добровольцем. Не смотри на меня так. Ты никогда не жил, как я, в портовых трущобах: без надежд и перспектив. Что ты знаешь об этом? А я хотел жить — жить по-другому, и ради этого я готов был на все.

На лбу его выступили крупные капли пота.

— Но я не рассчитал. Вьетнам — это свыше человеческих сил. Мы допрашивали пленных вьетконговцев. Мы не церемонились с ними. Ребята говорили: если мы не вытрясем из них все, что они знают, многие из нас так и останутся гнить там, на рисовых полях. Некоторые не выдерживали этого ада. И тогда я возненавидел... возненавидел всех: и самого себя, и своих командиров, всех нас... Меня отправили домой, дали возможность окончить колледж. Какой-то там фонд ветеранов предложил мне оплачивать и дальнейшую учебу.

Он положил себе руку на грудь:

— Но ненависть. Вот она где, моя ненависть! И я бежал подальше от Вьетнама, от Австралии, от всех — в Африку.

Петр смотрел на своего собеседника широко раскрытыми глазами. Перед ним был человек из другого мира, из мира, о котором Петр только читал и в существование которого верил как-то не до конца, не по-настоящему. И даже здесь, в Гвиании, этот мир только сейчас начал открываться перед ним, а до этого была экзотика, мальчишеская игра.

— Ты не слушаешь меня, Питер! — Роберт яростно схватил его за руку.

— Слушай же меня, и ты поймешь, как я ненавижу всех этих лощеных джентльменов, всех этих господ-белоручек, которые толкают в кровь и грязь таких идиотов, как я, а сами всегда остаются чистыми. Их никогда

не мучает совесть. Совесть мучает меня, совесть мучает моих родителей, отказавшихся от меня. Ты знаешь, мне пишет только самая младшая сестра. Но она еще ребенок, она пока еще не понимает, в какую грязь я влез по своей воле. А когда поймет...

Голос его сорвался. Он перевел дыхание:

— Ты думаешь, доктор Смит терзается мыслью, что он совершает здесь преступление?

— Опомнись! Что ты говоришь?— Петр даже подскочил на кровати.

Свет луны падал на искаженное лицо Роберта.

— Ты мне не веришь? Элинор тоже не поверила, когда я ей рассказал тогда, в Бинде, ночью, когда ты уснул. Стопроцентный американец! Человек без грехов, идеальный мужчина, гигиена, соки и витамины! Ни капли спиртного! Служитель Добра! И теперь она там — с ним в палатке.

Он сунул руку под кровать и вытащил оттуда непочатую бутылку джина. С хрустом свернул пробку, поднес горлышко ко рту.

Когда Роберт снова заговорил, он уже держал себя в руках:

— Самое страшное, что, совершая преступление, он не считает свои действия преступными. Он просто не думает об этом, ему не приходит в голову даже мысль и тень подобной мысли!

Еще глоток джина.

— Есть в Африке такая болезнь. Не знаю, как там они называют ее по-латыни. «Обезьянья болезнь». От нее распухают лимфатические узлы, возникают злокачественные опухоли. Я не силен в медицине, но говорят о вирусах этой болезни, о заразности... Страшная вещь!

В Штатах создали вакцину, вроде бы научились управлять вирусом. На обезьянах ее испытывали — все о'кэй! И теперь доктор Смит испытывает ее здесь на людях, живущих в каменном веке под защитой ООН.

— Но ведь это преступление!— вырвалось у Петра.

Опять забулькал джин. Голос Роберта стал тверже и спокойнее.

— Официально все это делается в самых лучших целях, чтобы защитить несчастных дикарей от страшной «обезьяньей болезни». И эти доверчивые дети приходят

сюда с надеждой. Они верят — ты понимаешь? — они верят доктору Смиту, они верят белому человеку, которому они отдают в руки то единственное сокровище, которым обладают, — жизнь. А этот белый человек испытывает на них то, что может потом стать оружием уничтожения других людей — белых, желтых, черных.

— А если вакцина действительно защищает от «обе-
зьяньей болезни»?

— А если нет? Небольшое изменение дозы — и обратный результат? Ты пойми, здесь происходят массовые испытания на людях, не знающих, что с ними проделывают. Другое дело, если человек сам сознательно идет на это — допустим, врач прививает болезнь самому себе — это одно. Но здесь...

Голос его дрогнул и сорвался.

Через мгновение Роберт заговорил опять — и это уже был голос другого человека. В нем была все та же боль, но уже не было ненависти.

— Ты, наверное, думаешь, что я ревную. Может быть, это так. Но я слишком люблю Элинор, и я буду самым счастливым человеком на свете, если у нее будет все хорошо.

Роберт горько усмехнулся:

— Для меня страшно не то, что она выйдет замуж за этого американца или кого-нибудь другого. Мы с ней так одиноки и так вошли в жизнь друг друга, что, как только я потеряю ее, мне уже будет просто нечем жить. Но еще страшнее, если она, уставшая от своей неприкаянности, поверит, что найдет с американцем то, что ищет всю жизнь, — душевный покой и житейскую устроенность, поверит — и все это вдруг окажется не так. Для нее это будет концом. Ведь Смит, этот лощеный Смит всего лишь навсего обыкновенный мерзавец. И если он совершает здесь преступление, даже не задумываясь, что он делает, это омерзительнее вдвойне. И как только Элинор поймет это...

Австралиец почти упал на кровать, лицом в подушку.

— Я пьян... — услышал Петр.

Петр вышел из-под навеса. Теперь ночь уже не казалась ему мирной. Она была страшна, эта ночь, как была страшной ночь в гитлеровских лагерях смерти. И Петр пошел в темноту, не разбирая дороги, спотыкаясь, лишь бы идти и идти, не думать обо всем, что творилось здесь, на плато. Но слова Роберта звенели в его ушах,

и он напрасно убыстрял шаги, чтобы поскорее уйти от них.

Когда он вернулся часа через три, обессиленный, он увидел доктора Смита, сидевшего под навесом на его постели. Смит сидел неподвижно, опираясь руками о кровать.

— А я волновался, что с вами, — сказал он тусклым голосом.

— Вы сидите на моей кровати, — резко заметил Петр.

— Извините!

Американец покорно встал и пересел на другую кровать.

Петр бросился на одеяло и зарылся лицом в подушку.

«Спать! Спать!» — старался приказывать он сам себе. Но сон не шел.

Через несколько минут он почувствовал на своем плече руку.

— Мистер Николаев... вы спите?

Это был неуверенный, робкий голос доктора Смита.

— Нет, — сухо ответил Петр, не поднимая головы.

— Извините, — голос стал тише, это был уже почти шепот. — У вас нет ничего выпить?

— Я не пью соки! — уже совсем грубо ответил Петр.

— Не сок, нет!

Американец словно не замечал грубости:

— Мне нужен алкоголь!

От неожиданности Петр поднял голову.

— Алкоголь, — умоляюще повторил Смит. — Немного. Мне много не надо. Я ведь не пью.

Он был жалок.

— Возьмите джин. Там, рядом с Бобом. Если только он его весь не выпил.

Американец отошел. Петр слышал, как он шарит в темноте.

— Как бы не напороться на змею, — неожиданно громко сказал доктор Смит. — Вы ведь не спите, мистер Николаев? Здесь страшные змеи — маленькие, черные. Их называют «пятиминутки». Но это неверно. От их укуса умирают не через пять минут, а через десять... секунд!

Он странно рассмеялся.

Петр поднял голову.

В лунном свете была видна высокая фигура, удаляющаяся к темневшему вдали силуэту лендровера. Затем хлопнула дверца машины. Взревел мотор.

Глава 24

Было еще темно, когда Петра растолкал австралиец. — Вставай! Ну вставай! — негромко повторял он, словно боясь кого-то потревожить.

— Что?

Петр открыл глаза.

Под навесом было темно, но снаружи все уже стало чуть сероватым. И на этом мерцающем фоне Петр увидел фигуру Элинон и понял: произошло несчастье.

Он поспешно вскочил:

— Что-нибудь случилось?

Роберт указал глазами на кровать, предназначенную для Смита: она была пуста.

— Что-нибудь с доктором? Где он?

Петр взглянул в сторону лендровера: машины на месте не было.

— Доктор уехал... Его вызвали ночью. Где-то в соседнем племени... заболела женщина. Доктор Смит сказал мне, что вернется дня через два-три...

Австралиец закашлялся, и Петру показалось, что он старается скрыть растерянность.

— Нам лучше выехать пораньше — не так жарко будет в дороге.

— А мисс Карлисл? Разве она не останется здесь? — Петр вопросительно посмотрел на австралийца и кивнул в сторону Элинон.

— Из Каруны я вернусь в Луис самолетом, — сказала она глухим, бесцветным голосом, повернулась и решительно пошла в ту сторону, где они вчера поставили «пежо».

Петр стоял лицом к лицу с мрачным австралийцем.

— Все-таки что же случилось? — тревожно спросил он. — Элинон все узнала?

Боб ничего не ответил и, резко повернувшись, по-

шел к машине. Он шел с опущенными плечами, и Петр подумал, что он совсем не похож на победителя.

Горизонт быстро светлел, и Роберт выключил фары. Машина неторопливо бежала по земле, никогда не знавшей мотыги.

Оглянувшись, Петр увидел, что Элинор сидит с закрытыми глазами, откинув голову на спинку сиденья. Лицо ее было серым, под глазами залегли глубокие черные круги.

Он прижал руку к нагрудному карману, где лежало письмо Стива, словно схватился за спасательный пояс. И отчаянным усилием воли заставил себя думать о другом.

...Лорд Дункан еще и еще раз перечитывал донесение. Это было последнее донесение — о последней битве. Последняя точка, последний штрих грандиозного плана, задуманного и осуществленного во славу империи.

Не было больше великого и суверенного султаната Каруны. Не было больше могучего государства в Западной Африке, здесь были теперь владения Британской империи.

Лорд Дункан вытянул ноги, закрыл глаза и откинулся на высокую спинку тяжелого стула.

Он думал о том, что свершил дело, которое увековечит его имя в истории Англии.

И снова взялся за перо.

...27 июля 1903 года отряды капитана Сворда и майора Марша замкнули кольцо у города Каруна, куда отступил султан с остатками своих войск.

Четыреста сорок пять пехотинцев, шестьдесят кавалеристов, двадцать пять офицеров, батарея семидесятипятимиллиметровых орудий и четыре пулемета «максим»...

Султан, больной, усталый, отчаявшийся, наблюдал с минарета, как англичане готовились к последней атаке. Угрюма была его свита. Это был конец, и все понимали это.

Наконец султан заговорил тихим, ровным голосом:

— То, от чего мы бежали, настигло нас. О люди! Что нам делать?

И тогда выступил вперед эмир Бинды, доблестный Дан Я Муса.

— Пусть бог даст нам победу, но нет сомнения: эту ночь мы все будем спать в раю.

— Он сказал не больше, чем правду, — эхом откликнулись визирь Шеху Гаджере и судья малам Башару На Кади.

Султан взглянул еще раз на лагерь противника, затем повернулся и медленно сошел вниз. Здесь, у выхода из мечети, ждали его лучшие воины.

Они молчали... И султан молча пошел к дальней городской стене — не верхом, как велел обычай, а как простой воин. И его белого коня вели следом за ним до самой городской стены.

Султан поднялся на стену. Справа и слева от него стали его сыновья, как простые воины в цепи защитников стены.

Визирь Шеху Гаджере обернулся к мечети и взглянул на белый флаг, висевший на минарете. Он был судьей этого города и знал, что это был за флаг.

В середине полотнища были вышиты священные письмена. И каждый день горожане смотрели, в какую сторону указывает развевающийся флаг. Если он указывал на север, город можно было покидать через северные ворота, на юг — через южные. Это был счастливый путь.

Но сегодня флаг не развевался, он не указывал никуда.

Подошел Дан Я Муса, эмир Бинды. Его воины выкопали траншеи перед стенами и засели там с луками в руках. Достаточно было царапины от их стрелы, чтобы раненый умер в страшных муках — стрелы были отравлены.

— Мои воины рвутся в бой, — сказал он султану. — Пока враги не напали на нас, есть время напасть на них.

Султан не отвечал. Он смотрел, как черные солдаты-артиллеристы, эти собаки-южане, верой и правдой служащие врагам, устанавливали пушки как раз напротив городских ворот.

Он знал, что будет дальше. Снаряды разнесут стену, и в пролом хлынут солдаты неверных.

Эмир Бинды повернулся и пошел со стены. Султан даже не повернул головы в его сторону: он знал —

сейчас воины эмира кинутся в бой. Нет, султан не винил Дан Я Муса в том, что произошло. Не так, так иначе, а белые все равно пришли бы сюда, в саванну, рано или поздно. Видит аллах, султан сделал все, чтобы это не случилось при его жизни. Да, поддавшись гордыне, он с позором выгнал первого гонца от белых. Но затем он смирил себя и послал еще одного гонца с письмом к их вождю, в котором предлагал переговоры: он был готов выдать даже эмира Бинды. Но гонец, отправленный с этим письмом, не вернулся.

Внизу, под стеной, началось движение. Воины эмира Бинды с гортанными криками кинулись на врага, на бегу стреляя из луков. Но стрелы не долетали. И тогда застучали ружья-машины. И воины падали, падали. Но оставшиеся в живых продолжали атаку. Их становилось все меньше и меньше. Вот они уже замедлили бег, остановились, побежали назад...

Напрасно эмир Бинды пытался остановить их, размахивая мечом, стреляя в воздух из своего пистолета. Его сбили с ног, обогнали, он остался один. Вот он встал и пошел к стене — одинокая фигура, медленно идущая среди мертвых.

Пулеметы замолчали.

И тогда султан сделал знак подойти главному рабу. Раб — огромного роста южанин, у которого по приказу султана был вырезан язык, выслушал приказания господина и ушел. А через полчаса на стенах появились рабы с веревками.

Они деловито отсчитывали по двадцать пять воинов и связывали их веревкой — чуть повыше локтя — в длинную человеческую цепь: и воины молились — никто теперь не смог бы покинуть стены ни живым, ни мертвым.

Затем рабы вышли в траншею перед стенами. И защитники траншей были связаны по два.

...Лорд Дункан читал:

«Город был атакован с юго-запада, со стороны рыночных ворот, около 11.30 утра. После соответствующих приготовлений ворота подверглись штурму. Штурмовой отряд встретил решительнейшее сопротивление. Траншеи, связанные с городом подземными ходами, удерживались лучниками, несмотря на огонь артиллерии.

Лучники не выпустили ни одной стрелы, пока наши солдаты не оказались в пределах их полета. И тогда посыпался град стрел — из фронтальной траншеи и траншеи с правого фланга. Майор Марш, возглавлявший атаку, был ранен стрелой выше колена и скончался от яда через двадцать минут.

После того как ворота были взяты, уличные бои продолжались почти до самой темноты — до 6.30 вечера».

...Защитники отчаянно дрались за каждый дом. К вечеру пушки стали бить по мечети. Лишь около пяти часов англичане овладели большей частью города. А в шесть тридцать глиняные стены мечети рухнули. И защитники дрогнули. Напрасно эмир Бинды пытался организовать сопротивление вокруг развалин мечети. Началось бегство. Но до восьми вечера, пока не стало совершенно темно, горстка воинов эмира вела неравную борьбу...

Султан уже ничего не видел. В первые же минуты сражения пуля попала ему в лоб и вышла через затылок. Рядом с ним умерли и оба его сына.

...Лорд Дункан просмотрел еще раз списки вождей и эмиров, убитых в этом сражении. Эмира Бинды среди них не было.

Защитники Каруны потеряли около шестисот человек. У них было шесть винтовок. Потери экспедиционных войск — десять убитых и шестьдесят пять раненых.

Из англичан погиб лишь один майор Марш.

«И капитан Мак-Грегор, — мысленно добавил лорд Дункан. — Один — в начале операции, другой — в конце, два английских офицера, жизнь двух англичан. Что же, в конце концов это была почти бескровная война. А приз — еще одна жемчужина в корону Англии...»

Машину резко тряхнуло.

— Черт! — выругался Роберт. — Проклятые дороги!

Голос Боба вернул Петра к действительности. Да, он задремал: страницы рапортов, документов и донесений участников далеких событий полностью захватили его воображение и унесли на пятьдесят лет назад.

— Смотри. Здесь был пост султана.

Роберт остановил машину. Они уже съехали с пла-

то, начиналась саванна. Она тянулась здесь вдоль бетонного шоссе, прямого как стрела. И только вдаль виднелись отроги скалистых холмов.

Слева от дороги — метрах в двухстах — виднелись развалины глиняного сооружения: небольшое круглое здание, окруженное стенами.

Справа, почти на таком же расстоянии от дороги, торчали три-четыре круглые хижины, тоже из глины, с высокими конусообразными крышами из тростника. Хижины тоже были огорожены невысокой глиняной стеной.

Поодаль от них стояла еще одна хижина — без всякой ограды.

Петр сошел с шоссе, направляясь к остаткам крепости.

— Эй! — предостерегающе крикнул ему австралиец. — Не советую. Там наверняка полно змей: они очень любят жить в заброшенных жилищах!

— Ничего! — отмахнулся Петр. — Я осторожно...

— Питер!

Голос Элинор был резок. Она тоже вышла из машины и смотрела вдаль, на синюю скалу, туда, откуда они ехали.

— Питер, не делайте глупостей!

Это были первые слова Элинор, произнесенные с тех пор, как они покинули лагерь доктора Смита.

— А если вам нужна экзотика, поговорите лучше с ними.

Она кивнула в сторону хижин. Там было оживление. Обитатели глиняных жилищ высыпали наружу и с интересом наблюдали за приезжими.

Но стоило лишь перейти шоссе, как все кинулись обратно.

— В компаунд идти не стоит, — заметил Роберт, — а сюда, пожалуй, зайдем.

И он пошел вперед по возделанному полю, сплошь усеянному тыквами-колебасами. Тыквы уже высохали. Жаркое солнце пропекало их насквозь, чтобы жители хижин могли потом делать из них фляги для воды, миски, сосуды для хранения пищи.

Посреди поля стояла одинокая хижина.

«Как сторожка на бахче, — подумалось Петру. — И наверное, в ней живет дед-сторож».

Так оно и было.

Из отверстия, заменяющего дверь, навстречу им вышел старик в набедренной повязке, с редкими кустиками седых волос на черепе, с жиденькой седой бородкой.

Он молча присел на корточки у хижины, не сводя глаз с пришельцев. Из-за спины, из темного проема входа в хижину, выглядывала старуха: совершенно лысая, с высохшими, висевшими, словно тряпки, грудями.

Австралиец, подходя к старику метра на два, тоже присел на корточки. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

Затем Роберт заговорил на хауса.

— То, то, — ответил старик и покачал головой.

— Он не понимает, — сказала Элинора.

И только сейчас Петр заметил в ее руках небольшой блокнот и карандаш: художница быстро делала зарисовки...

Старик поднял руку, закрыл ею лицо и что-то гневно пробормотал.

Элинора опустила блокнот.

— Сейчас... — Роберт полез в карман и вытащил оттуда пачку сигарет и спички. — Специально для таких случаев...

Старик насторожился. Роберт вынул из пачки несколько сигарет и протянул их старику. Тот с недоумением взял их, не зная, что с ними делать.

— Для них сигареты слишком дорогое удовольствие.

Роберт поднес сигарету к губам.

Старик сейчас же сделал то же самое.

Австралиец чиркнул спичкой и поднес огонь к сигарете старика. Художница раскрыла блокнот. Но теперь старик не протестовал. Он курил сигарету впервые в жизни, это было видно по всему. И курение ему нравилось. Остальные сигареты он заботливо заложил за оба уха.

Он выпускал дым и блаженно шурился.

— А бабке-то дай закурить! — весело сказал Роберт и показал при этом на старуху, высунувшуюся из дверного отверстия уже почти по пояс.

Старик понял.

— То, — сказал он и обернулся к старухе, протягивая ей свою сигарету.

— Это тебе в подарок, дед! — Роберт положил старику в ладонь спички и пачку сигарет. Старик вежливо взял одну сигарету, зажег ее. Потом вернул все —

и сигареты и спички — австралийцу. Тот покачал головой, показывая, что он отказывается брать все обратно.

Старик растянул сухие губы в подобие улыбки. Встал и скрылся в хижине, унося подарки. Через минуту он вышел оттуда с листком бумаги и протянул ее Роберту.

Тот взглянул на листок:

— Призыв к забастовке! — удивился он. — Агитаторы побывали и здесь.

— Они были здесь вчера, — раздался тихий и незнакомый голос.

Это было так неожиданно, что Петр даже вздрогнул. Роберт вскочил и резко обернулся. Позади них стоял невысокий гвианиец в больших темных очках. Под мышкой он держал дешевенькую папку из искусственной кожи.

— Салам алейкум!

Он вежливо поклонился.

— Алейкум салам! — почти одновременно ответили ему Петр и Роберт.

— Хэлло! — выдохнула Элинор.

— Хэлло, мадам!

Гвианиец поклонился еще раз.

— Извините, что я вам помешал. Я здешний учитель. Увидел, что вы едете в сторону Каруны, и... (он помедлил) подумал, что, может быть, вы меня подвезете. Недалеко — моя мать живет в десяти милях отсюда.

Он замолчал, переводя взгляд с одного из них на другого.

— Конечно!

Это сказала Элинор.

— Почему бы и нет! — согласился Роберт.

Он посмотрел на часы и махнул рукой старику.

— Бай-бай, папá! Вкушай плоды цивилизации!

Кстати...

Он обернулся к гвианийцу.

— Вы сказали, вы здешний учитель?

— Да, сэр, — вежливо склонил голову тот.

— Если я не ошибаюсь, здесь начинается граница собственно султаната Каруны?

Учитель кивнул.

— Это... (Роберт махнул рукой в сторону развалин) ...остатки пограничного форта. И именно по этой дороге шло сообщение между Севером и Югом. Пойдите!

Он поднял руку, словно боясь, что ему помешают размышлять вслух.

— Наверняка ведь войны, защищавшие форт, были местными и жили вокруг. И если султан посылал гонца на Юг, он должен был именно здесь брать проводников.

— Вы знаете историю Гвиании?

Учитель снял очки. Лицо его было худым, глаза грубо запали в темные ямы под бровями. Высокая красная феска еле держалась на бритом черепе.

— Да, — подтвердил Роберт.

— А кто... вы?

В вопросе учителя слышалось осторожное выжидание.

— Я из Австралии. Мадам...

Роберт помедлил, ожидая, что Элинор сама определит свою национальность.

— Из Гвиании, — с вызовом сказала художница.

Петр ожидал, что учитель удивится, но тот не повел и бровью.

— А этот мистер... — Роберт протянул руку в сторону Петра, — ...из России.

Тут уж гвианец не выдержал:

— Из России?

Глаза его округлились.

— Это правда?

Неожиданно он рассмеялся тихо и дробно.

— Вот уж не думал, что увижу когда-нибудь хоть одного русского! Аллах всемогущ!

Он даже немного отступил, чтобы получше рассмотреть Петра:

— Самый обычный человек! Ни рогов, ни копыт, ни хвоста! Да вы не обижайтесь, сэр. Я же шучу. Ведь если бы вам твердили с детства, что русские — это если не дьяволы, то уж бородатые разбойники с окровавленными ножами в зубах, вы бы вели себя точно так же... И вы тоже историк?

Петр кивнул. Гвианец взмахнул папкой.

— Русский, изучающий историю Гвиании! Чудеса! Завтра я непременно расскажу об этом на уроке. Вы ведь не знаете, что раньше нас учили, будто во всем мире, кроме Гвиании, есть только одна страна — Англия! Ах, как все меняется, как все меняется!

Они подошли к машине. Элинор открыла переднюю дверцу и села на место, где раньше сидел Петр, рядом с водителем.

Роберт удивленно взглянул на художницу, но ничего не сказал. Петр с учителем устроились на заднем сиденье.

Австралиец тронул машину с места плавно, осторожно. И Петр отметил это внезапное изменение в «шоферском почерке» Роберта, обычно рвавшего с места во весь опор. Отметил он и то, что Элинора села рядом с Робертом впервые за всю долгую дорогу от Огомошо.

Учитель продолжал говорить, увлеченно рассказывая о своей школе, единственной на сто миль вокруг, о том, что заниматься приходится по старым колониальным учебникам, что половина времени тратится на изучение корана и никому не понятного здесь арабского языка.

— Но ведь когда-то его здесь знали, — заметил Петр.

— Никогда, — отрезал учитель. — У нас здесь свой язык — нупе. Сейчас, правда, мы учим еще и хауса. Но арабский... Это только для молитв.

На переднем сиденье молчали.

— А как же писал по-арабски султан? Например, письмо к лорду Дункану, в котором объявлялась война? — осторожно спросил Петр.

Учитель чуть отодвинулся и внимательно посмотрел на него.

— Султан никогда не объявлял войну Англии, — твердо сказал он. — Это знает здесь каждый ребенок.

— Но...

Учитель решительно покачал головой:

— Это было в 1902 году. Сначала султан послал к лорду Дункану гонца с простым отказом выдать эмира Бинды. Гонец вернулся с письмом от лорда Дункана, в котором тот писал, что разрывает договор об уважении Англией суверенитета Каруны. Тогда султан испугался и послал второго гонца. Назад гонец не вернулся.

— Но может быть, с ним что-нибудь случилось по пути к англичанам?

— Случилось... — учитель нахмурился. — Когда он возвращался из штаба лорда Дункана, доставив письмо с просьбой о мире, он был схвачен в саванне работорговцами. Это рассказал несколько лет спустя его проводник. Он спасся случайно и побоялся возвращаться с дурной вестью в Каруну.

— Но откуда вы все это знаете?

— Проводником был мой отец, — спокойно ответил учитель.

— Он жив?

Петр почти выкрикнул эту фразу и осекся, мгновенно поняв нелепость своей надежды.

— Он умер двадцать лет назад, — тихо ответил учитель и замолчал, закрыв глаза. Губы его зашевелились, и Петр понял, что гвианиец молится.

Когда учитель кончил молиться, Петр уже знал, что ему делать.

— Но откуда ваш отец знал содержание писем султана? Он же не умел читать, да и письма наверняка посылались запечатанными.

— Да ведь и султан тоже не умел писать! — прищурился учитель. — Он лишь диктовал, а записывали ученые маламы. Потом письмо переписывалось начисто и давалось султану на подпись. Иногда черновики пересдавались по нескольку раз, особенно в таких важных случаях, как в 1902 году.

В горле у Петра пересохло:

— Значит, если черновиков было несколько, один из них мог и сохраниться!

— Конечно... Остановитесь, пожалуйста!

Учитель поспешно подхватил свою папку.

— Я приехал.

Он вышел из машины, вежливо поклонился и пошел по полю, усеянному колебасами, к видневшимся вдали круглым беленым хижинам.

Глава 25

Перепелка взвилась из зарослей и полетела почти над самой землей — маленький серый комочек жизни. Роджерс выстрелил навскидку, дробь рванулась следом, и птица упала в заросли.

Тисби, толстая и низкорослая лохматая собачонка с ушами, почти достающими до земли, помчалась по густой зеленой траве, забивающей ровные ряды саженцев каучуконосов — гевеи.

— Есть! — весело крикнул Роджерс сыну — десятилетнему мальчугану, шедшему за ним по-индейски, след в след.

Тисби принесла птицу. Роджерс нагнулся, ласково потрепал собачку по широкой спине и аккуратно взял у нее из пасти добычу. На поясе у него болталось уже с дюжину перепелок — он не промахнулся ни разу.

— Трах, ба-бах!

Мистер Девон выстрелил из двух стволов почти одновременно. Но его перепелка оказалась удачливее. Она пронеслась куда-то в сторону и пропала в сырой зелени.

— Сегодня слишком сыро! — крикнул американец. — Они не хотят взлетать!

Роджерс улыбнулся: американец был плохим стрелком.

— К тому же без собаки очень трудно. Мне кажется, вы попали и она ранена, — великодушно крикнул ему Роджерс, подмигивая сыну. Мальчик понимающе улыбнулся ему в ответ.

Он не сводил с отца восторженных глаз. Ведь сколько раз он просил, чтобы его взяли на настоящую охоту, но все как-то не получалось. То отец бывал занят, то охота вдруг срывалась по каким-то совершенно непонятным причинам.

Но вчера, в пятницу, отец вдруг сказал, что едет охотиться на перепелок вместе с этим краснорожим американцем Девонем.

Весь вечер он чистил ружье, набивал патроны, разбирал тонкие, похожие на лошадиную сбрую ремешки.

— Ну, Ричи, поедem? — спросил он, лишь когда сыну пора было уже идти спать. — Постреляем?

Ричард чуть не задохнулся от волнения, но сдержался: в школе Святого Спасителя его приучили сдерживать свои чувства.

— О'кэй! — сказал он.

Отец поморщился:

— Опять у вас учительница американка!

— Ол райт, — исправился Ричи.

Отец усмехнулся.

— Только одно условие. Идти следом за мной по-индейски, след в след. Понял?

— Почему?

Ричи упрямо наклонил голову: перспектива та-

скаться за отцом след в след — как на привязи была не из приятных.

— Чтобы не получить заряд дробы пониже спины. И...

Взгляд отца стал испытующим:

— Чтобы не напороться на змею.

Мальчик вздохнул: отец был прав. Он знал, что в заднем кармане зеленых охотничьих брюк отца всегда лежит плоская металлическая коробка, а в ней — три шприца, уже заполненных тремя видами противозмеиной вакцины.

Вот и сейчас, шагая за отцом по густой зеленой траве, мокрой от только что прошедшего дождя, Ричард видел, как оттопыривается его задний карман.

И американец и отец были одеты в совершенно одинаковые охотничьи костюмы: куртки и брюки из грубой зеленой ткани, солдатские ботинки, широкополые ковбойские шляпы с дырочками.

Ричард знал, что американец специально купил все точно такое же, как у отца, — он не был охотником и целиком полагался на опыт мистера Роджерса.

Они приехали сюда — за шестьдесят миль от Луиса — на стареньком лендровере. Американец лихо гнал машину сквозь унылый, холодный дождь, то стихавший и едва моросивший, то вдруг превращавшийся в сплошную водяную стену.

Когда подъезжали к огромным, казавшимся бесконечными плантациям гевей, Тисби, до сих пор мирно дремавшая у ног хозяина, забеспокоилась, заскулила, подняла голову и принялась жадно ловить воздух влажным клеенчатым носом: она чуяла перепелок.

Свернув с асфальта, они поехали по мокрой красной дороге, набухшей от воды и скользкой, как мыльная пена, бегущей по бесконечному зеленому полю.

— Перепелки! Перепелки! — вдруг закричал Ричард.

Впереди, прямо на дороге, сидели две-три серенькие птицы. Тисби визжала от нетерпения. Машина остановилась.

Птицы вспорхнули и понеслись низко над землей, потом рухнули камнем в траву и исчезли.

Мальчик с удивлением посмотрел на охотников. Они неторопливо вылезли из машины и теперь вынимали ружья из чехлов.

Ричарду очень хотелось ринуться туда, в мокрую

зелень, где скрылись птицы, но он помнил уговор с отцом и принялся разглядывать хмурый горизонт.

Небо было непривычно серым. По нему неслись обрывки мрачных облаков. Они клубились, сцеплялись, образуя фигуры то собаки, то льва, то кита, то просто чего-то совершенно фантастического. Иногда все было похоже на клубы дыма от пожара, полыхающего где-то за горизонтом.

Дождь кончился, но небо сочилось мельчайшими холодными капельками. Ричард ударил ногой в высоком кожаном ботинке по придорожному кусту и сейчас же промок до коленей.

Из придорожной травы выскочила возбужденная собака. Она весело фыркала и отряхивалась, потом принялась прыгать вокруг охотников, задрав морду и глядя на них выпуклыми коричневыми глазами, словно умоляя: ну, пошли же!

— Пошли! — сказал отец, и краснорожий американец кивнул. Они вошли в траву — мокрую, холодную, доходящую до коленей.

Несколько лет назад, во время первых парламентских выборов, вождь Околого пообещал жителям этой провинции, что, если он и его партия победят на выборах, он покончит в здешних местах с безработицей.

И вождь победил. Парламент, большинство в котором захватила его партия, принял решение о создании корпорации по добыче каучука. И здесь, в шестидесяти милях от Луиса, были высажены миллионы каучуконосов. Тысячи людей были заняты на плантациях — конечно, принимались на работу лишь сторонники партии вождя Околого!

Но партия раскололась, ее руководители перегрызлись из-за власти и государственных постов и, конечно же, жирных окладов. И вождь Околого оказался в тюрьме, обвиненный группой своих бывших сторонников в попытке свержения правительства Гвиании и захвата власти в стране.

В этом не было ничего необычного. К уходу колонизаторов в Гвиании образовалось несколько партий, отчаянно боровшихся за власть в стране. Они строились по принципу: одно племя, один народ — одна партия, и во главе их стояли племенные вожди. Но иногда, как это случилось с партией вождя Околого, возникали конфликты между самими вождями: одни кланы под-

нимались против других, и тогда совершались «перевороты», которые ничего не меняли, кроме «лидеров партий».

И как только Околого был убран его соперниками, плантации были вдруг объявлены «престижным проектом» и окончательно заброшены.

Сейчас здесь водились отличнейшие перепелки.

Ричард не заметил, как из мокрой травы вылетела первая перепелка.

Выстрел ударил глухо, будто в пустой бочке. Красная молния вырвалась из ружья. Что-то хлестнуло по траве.

— Видишь?

Отец взял у Тисби перепелку и протянул ее Ричарду. Птица была еще теплая. Но шейка ее свисала с большой ладони отца, как тряпочка, маленький клюв был полураскрыт, и глаза подернуты молочно-голубой пленкой.

Крошечная капелька крови просочилась из-под перьев на головке, куда попала дробинка. Это была смерть — и Ричард видел ее впервые — не в кино, не по телевизору, а рядом — на руке у отца.

Он заморгал и отвел глаза от птицы.

В зелени мелькнуло что-то красное. Мальчик наклонился и поднял красную картонную гильзу.

Отец улыбнулся:

— Брось, она уже не нужна.

Но Ричард упрямо сжал гильзу в кулаке и нахмурился.

Опять грохнуло рядом. Отец срезал еще одну птицу, поднятую неумолимой Тисби. Он забыл о мальчике и быстро пошел вперед, увлекаемый охотничьим азартом.

И Ричард пошел за ним след в след, внимательно глядя под ноги и опасаясь наступить на змею, которых в этой траве должно быть не меньше, чем перепелок.

Выстрелы гремели один за другим. И мальчика тоже охватил охотничий азарт, и еще больше — гордость за отца, стрелявшего без единого промаха.

Через два часа они вернулись к лендроверу. Небо совсем прояснилось, просветлело.

Все были довольны, даже американец, у которого к поясу было привязано лишь три птицы. Он снял свою широкополую ковбойскую шляпу и вытирал пестрым

платком взмокшее, толстое и красное лицо и редкие серебряные волосы.

— Никудышный из меня стрелок! — добродушно говорил он. — Сколько ни палю, а результаты...

Он потряс своей добычей и рассмеялся.

— Вот твой отец... — подмигнул он Ричарду.

Отец тем временем отвязывал от пояса убитых птиц и раскладывал рядом на дороге.

— Двадцать четыре, — с гордостью сказал он. — Один раз промахнулся.

Американец шутливо развел руками:

— Олимпийский чемпион!

— Один раз промахнулся! — повторил отец. — А ведь в шестнадцать лет я был президентом охотничьего клуба в нашем графстве.

Американец полез в лендровер и вернулся оттуда с деревянным ящичком, обитым полосками жести, поставил его на траву, откинул крышку.

В специальных отделениях там лежали оловянные тарелки, высокие кубки, ножи, вилки, ложки, закрытые кастрюльки.

Потом он принес из машины четыре бутылки пива и одну — кока-колы.

Когда они пили из высоких оловянных кубков и ели сандвичи, оказавшиеся в кастрюльках, американец, с удовольствием поглядывая на ряды добытых перепелок, заявил:

— Завтрак на траве! Картина кого-то там из французов. Знаю кого, но забыл.

— Мане, — с набитым ртом сказал отец и поднес ко рту кубок с пивом.

— Может быть! — весело отозвался американец: у него было отличное настроение.

Они быстро покончили с пивом и сандвичами: Ричард никогда еще не ел с таким аппетитом.

— Ну вот, — ласково сказал отец, глядя на него. — Надо только привыкнуть. Человек ко всему может привыкнуть. А тогда и жизнь становится проще.

И Ричард понял, что отец все видел тогда, когда он нагнулся за красной гильзой, но не подал вида, и Ричард был благодарен ему сейчас за это.

— Поедем домой? — американец посмотрел на часы.

Роджерс усмехнулся и кивнул на перепелок, все еще висевших у него на поясе:

— Не маловато ли?

— А что делать?

И американец опять посмотрел на часы.

— Может быть, постреляем с капота?

И, не дождавшись ответа, Роджерс полез за руль. Собака, усталая, мокрая, с высунутым ярко-красным языком, от которого валил пар, прыгнула в машину и сейчас же свернулась клубком на полу между передним и задним сиденьями: она не ожидала уже ничего для себя интересного.

— Домой? — спросил Ричард.

— Через полчаса, — ответил отец, поворачивая ключ зажигания.

Мистер Девон уселся на капот так, чтобы не загораживать обзор водителю, и машина медленно пошла по красной дороге.

Через несколько минут американец предостерегающе поднял руку — и машина остановилась. Впереди, на дороге, сидела стайка перепелок. Целился он долго и тщательно. Тисби, уже задремавшая, вскочила, как распрямившаяся пружина: звук выстрела словно подбросил ее. Она заметалась, заскулила...

Но американец уже возвращался, неся сразу трех птиц, две из которых еще трепыхались.

— Вот это выстрел! — возбужденно кричал он. — Сразу трех!

И он принялся привязывать убитую перепелку — продевать ее лапки в специальные петли у себя на поясе.

— Конечно, это не в лет, как вы, мистер Роджерс, — довольно приговаривал он. — Но все же...

Все так же весело болтая, он взял недобитую птицу за лапки, согнул ногу — и с размаху ударил маленькую головку о задник своего солдатского ботинка. Что-то брызнуло. В глазах Ричарда все поплыло, и он принялся поспешно глотать воздух всей грудью, глубже, глубже...

— Извини, кид, — донеслось до него.

Лицо американца было озабочено. Он неловко моргал.

— Это жестоко... Но так она меньше мучается.

Вторую перепелку он добил, отойдя за машину, так, чтобы Ричард этого не видел.

А мальчику вдруг все стало совершенно безразлично.

Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Мотор журчал тихо и ровно, чуть покачивало, и Ричард провалился в пустоту и больше уже ничего не видел и не слышал: он спал тяжелым сном — без сновидений.

Машина выехала на шоссе, когда мистер Девон опять в который раз озабоченно посмотрел на часы.

— Бойтесь опоздать....

Полковник Роджерс не отрывал глаз от скользкой ленты асфальта.

— Теперь это уже ему не поможет,— словно про себя произнес он.

Американец насторожился:

— Вы... о ком?

— О докторе Смите.

Машина продолжала бежать по асфальту с ровной, неизменной скоростью, будто ее вел робот.

Американец пытался скрыть тревогу:

— Что случилось с доктором Смитом?

Полковник равнодушно пожал плечами:

— То, что случилось с нашими перепелками. То, что может случиться с каждым из нас. Он мертв.

Несколько минут длилось молчание. Когда американец, наконец, заговорил, он был уже абсолютно спокоен:

— Когда вы об этом узнали?

— За полчаса до того, как мы покинули Луис.

— И вы...

— Я не хотел портить охоту. И кроме того, я обещал взять с собой Ричи. Он этого заслужил, он хорошо учится в этом году.

Голос Роджерса был спокоен и ровен.

— Смит... убит? — тихо спросил американец.

Полковник слегка поморщился:

— Оставьте, пожалуйста, эти голливудские штучки. Здесь вам не романы Микки Спилейна и не кустарщина моего бывшего коллеги Яна Флеминга. Ваш доктор Смит погиб от укуса змеи в десяти милях от своего лагеря.

И он передразнил голос Девона:

— Это жестоко. Но так он меньше мучался.

— Чудовищно! — выдохнул американец. — Впрочем...

Он помедлил:

— Я всегда считал, что ему нельзя доверять такую работу.

— Но, насколько я знаю, он был отличным специалистом.

— Он был прежде всего психом. Нормальный человек не связался бы с этой истеричкой из Огомошо.

Роджерс усмехнулся:

— Она приезжала к нему вместе с Николаевым. Накануне его смерти.

Он оторвал взгляд от шоссе и хитро посмотрел на американца.

— Обо всем этом вы узнаете, когда приедете в посольство.

Лицо Девона налилось кровью:

— Это нечестно, Арчи! Ведь мы же союзники!

— Ерунда,— отрезал полковник.— Мы с вами не дети: в том, чем мы занимаемся, союзников нет и быть не может. И вы сами же это доказываете. Я ведь просил вас оставить Николаева в покое. Доктор Смит, прежде чем познакомиться с «пятиминуткой», успел сделать анализ его крови. Вы знаете, что там могло быть. Эх вы, рыцарь плаща и кинжала!

Американец пропустил насмешку мимо ушей.

— На вашем месте я бы тоже постарался избавиться от этого русского,— сказал он примирительно.— Вы что же, не боитесь, что он докажет, что национальный герой англичан лорд Дункан был обыкновенным провокатором?

Полковник искренне рассмеялся:

— Сегодня это уже никого не интересует! А если русские захотят использовать его для пропаганды, это им мало что даст. К тому же у нас достаточно гораздо более уязвимых, с их точки зрения, позиций. Например, гвианийская нефть и жадность, с которой ее сосут наши нефтяные короли. Или деятельность наших советников. Или навязывание гвианцам «английского образа жизни».

— Вы лучше скажите мне, Нейл, зачем вы убрали старика Атари?

— Мы?

Американец удивился совершенно искренне. Удивился и возмутился:

— А я-то был уверен, что это сделано вашим человеком. Старик ведь слишком много знал!

— И молчал всю свою жизнь!

Полковник устало вздохнул:

— К тому же, дорогой Нейл, мы избегаем подобных методов. Поехали?

Но прежде чем завести мотор, Роджерс нажал кнопку на приборном щитке. Осветилась зеленая шкала приемника.

— ...лидеры профсоюзов подтвердили, что через неделю, начиная с сегодняшнего дня, по истечении срока ультиматума...

Голос диктора был взволнован.

— ...всеобщая забастовка будет объявлена в полночь и...

Роджерс выключил приемник.

Американец рассмеялся:

— Не нравится? Вашим толстосумам есть что здесь терять, если забастовка действительно начнется. Я вам не завидую, Арчи!

Он наклонился почти к самому уху полковника:

— А что будет с вашими планами, если товарищ Николаев вдруг исчезнет?

Роджерс спокойно отодвинулся и с интересом посмотрел на американца.

— А я вас недооценивал, Нейл. Выходит, что вы играете гораздо сложнее, чем мне казалось.

Он забарабанил пальцами по баранке руля:

— Итак?

— Итак, вам надо во что бы то ни стало сорвать забастовку, — отчеканил американец. — Главная фигура вашей операции — Николаев. Не так ли? Ведь если забастовка состоится, она непременно окончится победой левых. Старый Симба использует ее, чтобы еще немножко освободиться от ваших... дружеских объятий. В этом уж на кое-кого в своем правительстве он сможет опереться! Не такой уж он оппортунист, как вы думали, когда ставили его у власти. По европейским понятиям, он должен был бы навечно оставаться вашим человеком в Гвиани. Но Африка — это Африка. Африканцы пользуются электробритами «Филиппс», пьют кока-колу, одеваются по европейской моде, но думают-то они по-своему. Они хитрее нас и гибче, и упорны, как черти в достижении своей цели. А цель у них у всех одна — выкинуть нас из Африки любыми средствами. Симба обманывал вас, когда обещал поддерживать традици-

онные связи с Англией. Подождите, как только он укрепит свое положение...

Полковник сидел молча, сцепив пальцы маленьких рук на руле. Между бровей у него пролегла глубокая складка. Потом он посмотрел на американца из-под внезапно отяжелевших век.

— А что вы скажете, если в газетах, ну, предположим, в «Нью-Йорк таймс», появится разоблачительное письмо некоего американского микробиолога Джеральда Смита? Что-нибудь о подготовке к бактериологической войне? Об опытах на гражданах независимого государства? Искренний и покаянный документ? Впрочем, вы сами знаете, что может быть в письме, написанном перед смертью.

Роджерс усмехнулся и похлопал американца по плечу:

— Такое письмо уже существует в природе, дорогой Нейл. У меня есть сообщение из Каруны.

Американец побагровел.

— Слушайте! А пива у вас больше не осталось?

— Вот это уже разговор!

Полковник достал из-под сиденья банку пива и широко улыбнулся:

— Итак, вы получите письмо доктора Смита, а товарища Николаева оставьте в покое. Он нужен нам. В конце концов человек — не перепелка. И мы с вами цивилизованные люди.

Глава 26

— Это новый город, — сказал Роберт, когда они ехали по широким, плохо освещенным улицам Каруны.

Оранжевые фонари горели вполне накала, их слабый свет терялся в чахлой, пыльной листве акаций.

На поворотах свет фар упирался порой в здания, выстроенные в колониальном стиле, белые, с колоннами и галереями, обвитыми зеленью, и обязательно со старинными чугунными пушками у чугунных узорчатых ворот.

Потом жилые кварталы сменились деловыми. Вдоль улицы высились здания в стиле модерн, украшенные неоновой рекламой. Названия банков, фирм, магазинов вспыхивали и гасли в черном небе.

Роберт бывал в этом городе несколько раз и теперь чувствовал себя почти профессиональным гидом.

— Собственно, старый город находится от нового мильх в трех. Их разделяет большое поле, куда кочевники пригоняют для продажи скот. Завтра я покажу вам старую Каруну. Там совершенно неповторимый рынок и мечеть — самая большая во всей Африке, южнее Сахары.

Элинон молчала. После сцены у хижины на колбасовом поле она за всю дорогу не проронила ни слова. Да и мужчины перебросились всего лишь двумя-тремя десятками незначительных фраз. Впрочем, полупустынная саванна не давала слишком много тем для разговоров.

Мысли Петра были целиком заняты тем, что он услышал от учителя. Теперь Петр был почти наверняка уверен, что найдет в Каруне какой-нибудь документ, связанный с событиями 1902 года.

«Начать поиски нужно с университета, — размышлял он. — Письмо профессора Нортон открывает доступ к архивам. А там посмотрим».

Он осторожно дотронулся до кармана, в котором лежала запись рассказа Атари. Стив... Петр верил — Стив обязательно ему поможет! И тогда... И вдруг он поймал себя на том, что совершенно спокойно смотрит на Элинон и Роберта, сидящих рядом.

Лицо Элинон, казавшееся каменным после отъезда из лагеря доктора Смита, смягчилось. И сейчас она напоминала Петру больного, только что перенесшего кризис и возвращающегося к жизни. И наоборот — настроение австралийца становилось все мрачнее, все тягостнее. Теперь, выступая в роли гида, он явно старался скрыть это натянуто-веселыми замечаниями и потоком этнографических деталей.

— Мы остановимся в отеле «Сентрал». Я заказал там три номера по телефону из Бинды. Это лучший отель в городе.

И Петр, и Элинон были заняты собственными мыслями, и никто не ответил ему, да он, собственно, и не

ждал ответа: он говорил, чтобы говорить, чтобы заполнить время и уйти от самого себя.

Петр жадно всматривался в темноту.

Так вот она, Каруна, древняя столица могущественнейшего когда-то африканского государства!

— Сейчас город занимает лишь одну треть площади, окруженной городской стеной. После захвата его англичанами он так и не смог оправиться, — вздохнул Роберт.

— А почему бы нам не проехать по старому городу сейчас, прежде чем мы попадем в отель?

— Не терпится? Я тоже, когда сюда впервые приехал, так и поступил. А мисс Карлисл?

— Мне все равно, — прозвучал безучастный ответ.

Роберт свернул в ближайший переулок, в темноту. Машина запрыгала по разбитой, неасфальтированной улице.

С четверть часа они петляли по темным переулкам, пока наконец не выбрались на огромный пустырь. Дорога пересекала его и упиралась в высокую глиняную стену, увешанную рекламными щитами кока-колы, мыла «лакс» и патентованных лекарств.

В стене темнели ворота под двойной аркой. Над левой частью проезда висел под фонарем круглый дорожный знак-указатель с надписью «ин», на правой — такой же знак с надписью «аут».

Оттуда, из-за ворот, доносился гортанный голос, многократно усиленный громкоговорителями: кто-то напевно читал по-арабски молитву.

— Кофар Нассарава. Ворота Победы.

Роберт притормозил под огромным деревом, стоявшим неподалеку от ворот.

— Дальше нам не проехать.

Он первым вышел из машины.

Лишь только Петр открыл дверцу, как его охватил озноб. Здесь было удивительно свежо, даже, пожалуй, холодно. Холодно и сухо.

Да, климат здесь был совсем не такой, как в душном от влажности Луисе.

Художница накинула на плечи шерстяную кофточку. И Петр пожалел, что заранее не достал свитер, прихваченный по совету Роберта из Луиса: свитер лежал сейчас в чемодане, а чемодан — в багажнике «пежо».

— Эй! Ты не закрыл машину!— крикнул он австралийцу, вспомнив про багажник.

Роберт махнул рукой:

— Здесь не воруют.

Они подошли к воротам и остановились. Сразу же за стеной была довольно обширная площадь, залитая ярким белым светом карбидных ламп.

Начиная от самых ворот, на площади сидели люди в белом — ряд за рядом, скрестив ноги и опустив лица. На дальнем конце площади — на невысокой трибуне — виднелась маленькая белая фигурка с микрофоном в руках. И мощный голос, выкрикивающий арабские слова, казалось, исходил не с далекой трибуны, а прямо с неба: репродукторы, установленные в разных концах площади, не давали никуда скрыться от этого голоса. И ряды молящихся падали лицом в пыль, их спины казались подставленными под удары гневающегося аллаха — они были рабски покорны.

На площади сильно пахло жареным мясом, острыми специями. Петр потянул носом воздух и почувствовал, как сильно он проголодался. Австралиец, видимо, почувствовал то же самое.

— У них сегодня последний день поста. А за что страдаем мы?— тихо сказал он Петру и подмигнул.— Кстати...

Он кивнул на белый листок, наклеенный на стену. Петр подошел к стене. И здесь была листовка объединенного забастовочного комитета, напечатанная на двух языках — английском и местном.

— Мы должны убраться отсюда до начала заварухи,— озабоченно сказал Роберт.

Петр окинул взглядом бесконечные ряды покорных спин: молитва гремела над площадью, заполняя все, не оставляя души людей ничему другому. И листовка на стене казалась здесь нереальной, ненужной, по ошибке явившейся совершенно из другого мира.

— Неужели же...

Петр не договорил, но австралиец его понял.

— Когда дело дойдет до повышения заработка, тут их не сдержит никакой аллах! — цинично усмехнулся он.

— Здесь что же, левые профсоюзы?

Петру действительно не верилось, что эти люди, так покорно сгибающие сейчас спины, могут подняться

на забастовку, на протест против своей нищеты и беспросветной жизни.

— Здесь есть и левые. Но большинство профсоюзов под властью хаджи Имола. Имола трижды совершил паломничество в Мекку. Здесь для мусульман это имеет большое значение. Еще бы — профсоюзный лидер, имеющий право называться «аладжи», «совершивший паломничество»! Правда, сам Имола — из феодалов, он даже здесь, на Севере, член палаты вождей. Но если сейчас он выступит против забастовки, для него это будет конец. Слишком уж туго приходится здешним рабочим.

— И много их? — все еще недоверчиво спросил Петр.

— Точно не знаю. Наверное, несколько сотен. Здесь большая ткацкая фабрика, железнодорожные мастерские, оружейный завод. Еще кое-какие предприятия помельче. Ну и кустарные мастерские. Рабочих поддерживают ремесленники.

Роберт кивнул на площадь.

— Кстати, это место называется площадью Красильщиков. Вот там, у той стены, в землю врыты огромные чаны. Им уже лет по четыреста. Ткани, покрашенные индиго в Каруне, известны были еще в средние века. Кстати, это любимейший цвет кочевников-туарегов. Их даже называют людьми с голубой кожей — кожа их приобретает голубоватый оттенок от постоянной носки тканей индиго.

Он оглянулся, отыскивая глазами Элинора. Художница стояла в нескольких шагах от них и быстро делала зарисовки в своем блокноте. Карандаш легко и бегло касался бумаги.

В отеле «Сентрал» им действительно были забронированы три комнаты. Собственно, это был не отель, а целый городок зданий — четырехэтажных, трехэтажных. Отдельные домики — маленькие и большие — раскинулись на территории тенистого парка с теннисными кортами и площадками для гольфа, с плавательным бассейном и небольшим зверинцем.

В центре городка тянулось длинное одноэтажное здание. Здесь размещались контора, ресторан.

Холл перед стойкой портье был увешан рекламными плакатами международных авиакомпаний. Тут же красовалось на большом щите расписание международного аэропорта Каруны.

Они заполнили обычные анкеты и получили ключи от комнат — с большими грушами из слоновой кости, на которых были написаны номера.

— Корпус «би», — сказал портье-южанин.

Юноши в красных фесках взяли из багажника их чемоданы и пошли вперед, указывая дорогу. В темных аллеях было прохладно, порывами налетал ветерок, и листья громко шелестели. Пахло цветами — пряной свежестью, запахом, неизвестным Петру.

Все три комнаты оказались на втором этаже.

— Обедать будете в ресторане или подать в номер, са? — вежливо осведомился старший из юношей, принимая от Роберта чаевые.

Роберт вопросительно посмотрел на художницу, потом на Петра.

— Мне в номер, — решительно сказала Элинора и направилась по коридору к своей комнате.

— А мы будем обедать в ресторане. Закажите два места получше.

Австралиец заявил это прежде, чем Петр успел открыть рот.

Откровенно говоря, Петр тоже с удовольствием провел бы этот вечер наедине с самим собой. Только сейчас он почувствовал, как устал — и физически и духовно. Надо было собраться с мыслями, привести их в порядок, разобраться наконец во всей путанице наблюдений и чувств, хаосе событий и впечатлений.

Но через час они уже сидели в битком набитом ресторане «Сентрал-отеля». Места им были заказаны отличные — у раскрытого окна, выходящего в сад.

Столик был на двоих. Он стоял за колонной, и свет огромной люстры, освещавшей зал, сюда почти не доходил.

— Тебя не узнать, — покачал головой Роберт, глядя на Петра, поправляющего галстук. И белая рубашка, и пиджак, и галстук — все это за дни путешествия в «пешо» стало для Петра непривычным, тесным. Воротничок резал шею, пиджак жал под мышками.

— Да и тебя тоже, — ответил он, глядя, как Боб поеживается в точно такой же сбруе.

Светлые волосы австралийца были еще мокры. Он осунулся за дорогу и теперь казался почти юношей — чисто выбритый, загорелый.

Красавец метр, величественный южанин во фраке,

принес им толстую книгу-меню: выбор блюд был отменный.

— Я угощаю!— поспешно объявил Роберт.

После ванны и часового отдыха Петр чувствовал себя посвежевшим. К тому же сухость и прохлада воздуха Каруны тоже давали себя знать: после Луиса здесь дышалось удивительно легко.

Австралиец откинулся на спинку стула и принялся пальцами выбивать на столе какой-то мотив. Что-то его волновало.

— Что-нибудь случилось?— не выдержал Петр.

Лицо Роберта стало серьезным, он нахмурился:

— Мне очень не хочется впутывать тебя во всю эту историю, Питер. Да, впрочем, ты здесь и ни при чем!

Он вздохнул, задумчиво поскреб чисто выбритый подбородок:

— Дело в том, что... что...

Слова давались ему с трудом:

— ...что... доктор Смит погиб.

Смысл слов, произнесенных Робертом, не сразу дошел до сознания Петра.

— Мертв,— уже тверже повторил австралиец.— Покончил с собой.

— Когда?— невольно вырвалось у Петра, хотя он давно уже все понял — и почему Смит хотел впервые в жизни выпить, и почему исчез лендровер из лагеря, и почему так спешил с отъездом Роберт.

Но Элинора? Знала ли об этом она?

— Он оставил мне три письма,— тихо продолжал Роберт.— Родителям, ректору университета и...

Он запнулся:

— ...и Элинора. Первые два я уже отправил. Только что. Через портье. А письмо Элинора...

Роберт сунул руку во внутренний карман пиджака и, вытащив оттуда аккуратно сложенный листок бумаги, осторожно положил его перед собою на стол.

— Вот. Утром я передам его Элиноре.

— Но...— Петр искал слова.

— Если бы ты видел его лицо, когда он давал мне эти письма, ты понял бы все. Он просил отправить их сегодня вечером — из Каруны, а это...

Он кивнул на пакет, лежащий на столе.

— ...это отдать Элиноре завтра утром.

— Он... застрелился?

Австралиец нахмурился:

— Нет...

Петр осторожно коснулся листка, словно желая убедиться в его реальности:

— Элинор... знает обо всем этом?

Но Роберт его не слушал:

— Я завидую ему. Он выиграл эту партию, а я проиграл. И теперь, что бы ни случилось, он всегда будет стоять между мною и Элинор.

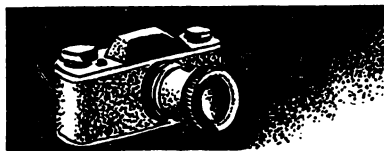
— Но ведь это чудовищно!— вырвалось у Петра.

— Я тебе говорил уже не раз: вы, русские, идеалисты. И покойный Смит тоже оказался идеалистом. Немногие из его коллег на его месте поступили бы так, как он. Они просто постарались бы объяснить все по-другому. Или никак бы не объясняли. Ведь без объяснений все гораздо проще и легче!

Наступило молчание. Австралиец тихонько протянул руку и убрал листок во внутренний карман.

— Ох и напьюсь же я сегодня!— мечтательно произнес он.

Глава 27

Почти всю ночь Петр не спал. И лишь под утро забылся часа на два, чтобы открыть глаза ровно в семь часов.

Он принял ванну, быстро побрился.

Кондишен не гудел, но было непривычно-прохладно. Пересохшие губы трескались, в горле першило.

Петр постоял секунду-другую над пиджаком, висевшим на стуле, потом решительно взял с другого стула свитер, который вытащил из чемодана еще вчера — после ужина. Затем легко сбежал вниз по лестнице, прямо во двор.

Три четырехэтажных здания стояли буквой «п», замыкая между собой большой теннисный корт, окруженный ровно подстриженными стенками декоративных кустов.

Между сеткой, обтягивающей корт, и зелеными заборами тянулись асфальтированные дорожки. Кое-где они

расширялись, образуя небольшие площадки, на которых стояли садовые скамейки. На одной из дальних скамеек виднелась женская фигурка. Старик северянин, босой, в рваной выгоревшей униформе, тянул шланг, неторопливо поливая и кусты, и асфальт, и корт.

— Хотите ехать, батуре?

Петр вздрогнул от неожиданности. Невысокий толстяк в соломенном кепи стоял неподалеку рядом с машиной, выкрашенной в темно-синий и малиновый цвета — цвета такси.

Лицо его было сонным, он с трудом пытался подавить зевоту.

— Салам алейкум! — поклонился он и подошел к Петру, окидывая его оценивающим взглядом.

— Алейкум салам! — вежливо ответил Петр.

— Батуре впервые в Каруне?

Английский язык таксиста был довольно приличен.

— Впервые.

— Турист? У нас здесь много туристов. Англичанин? Француз? Американец?

Что-то в таксисте раздражало Петра.

— Русский, — ответил он сдержанно.

— А... гид вам не нужен? — голос таксиста был теперь уже без прежней самоуверенности. — Гид и машина. Все туристы обычно нанимают гида и машину. Это очень недорого: гинейя в день, или пять шиллингов в час. Я покажу вам рынок, мечеть и старые крепостные стены.

— У нас есть машина, — ответил Петр, кивая в сторону видневшейся из-за зелени автомобильной стоянки.

— Извините, батуре...

Лицо таксиста потухло.

— А может быть, вы хотите проехаться без вашего приятеля, один, а? По каким-нибудь делам? Меня здесь, в отеле, все знают. Спросите Джимо. Джимо — это я.

— Спрошу.

Женщина, сидевшая на скамейке, встала, и Петр увидел, что это Элинора. Она держала газету. Петр поспешил навстречу.

— Доброе утро!

— Доброе утро! — ответила художница. Лицо ее опухло, под глазами темнели синяки.

— Который час? — спросила она Петра.

Он посмотрел на свои часы:

— Четверть восьмого...

— Ах, да... А мне показалось, что еще так рано. Голос ее был тверд, но движения неуверенны. Она покачнулась, Петр поспешно поддержал ее локоть.

— Вам лучше сесть,— мягко сказал он и осторожно повел ее к ближайшей скамейке.

— Лучше сесть,— повторила она автоматически.

Они сели на низкую, неудобную скамейку, еще мокрую после поливки.

— Здесь сыро, может быть, подстелить газету?

— Газету?— Элинон расслышала лишь последнее его слово.— Возьмите. На последней странице.

Петр только сейчас обратил внимание на газету: это была луисская «Дейли таймс», сегодняшний выпуск для Севера.

Он быстро глянул на последнюю из шестнадцати страниц — туда, где обычно под красным заголовком «В последний час» печатались самые свежие новости.

«Смерть американского ученого» — заголовок набран был мелким шрифтом.

«Завтра это будет уже на первых полосах», — подумал Петр.

Он искоса взглянул на Элинон. Художница сидела, устремив безучастный взгляд на серый асфальт дорожки.

«Наш корреспондент сообщает из Бинды. Американский микробиолог доктор Джеральд Смит, работавший по контракту с медицинским факультетом Луисского университета, погиб от укуса «черной мамбы».

Доктор Смит проводил научную работу на плато Грос. Подробности в нашем следующем выпуске».

Петр положил газету на скамейку.

Надо было что-то сказать, найти какие-то слова. Но какие? Он откашлялся.

— Не надо,— поспешно сказала художница, и Петр увидел ее вспухшие, искусанные в кровь губы.

— Вчера ко мне пришел Боб. Он был совершенно пьян. И нес какую-то чушь, а потом... потом отдал мне письмо Джерри.

Она замолчала, словно у нее перехватило горло, потом взглянула в лицо Петра.

— Питер,— сказала она с трудом — вы должны мне помочь, Питер. Джерри убит. Он убит, как и тот старик, в Бинде.

Петр осторожно коснулся ее руки:

— Элинор...

Художница упрямо наклонила голову — этот жест Петр видел у нее впервые.

— Я шла к вам, чтобы рассказать. Я специально хотела застать вас одного — пораньше, пока Боб не проснулся. Он вчера был пьян, очень пьян. И нес чушь! Не перебивайте меня, не надо! Лучше слушайте, Питер.

Она грустно улыбнулась.

— Джерри был добрый, честный, искренний. Когда Боб сказал мне, что доктор Смит испытывает на людях «обезьянью вакцину», я не поверила. Мне казалось, что Джеральд не может пойти на это. Он верил в бога искренне, как мало кто верит в наши дни. Мы остались одни в палатке, и я думала, что он опровергнет все, что мне наговорил тогда Боб. Я ждала, что все это окажется чудовищной ложью. И я даже была готова простить эту ложь Бобу — ведь он до сих пор любит меня.

Она замолчала.

К таксисту, все еще стоящему у своей малиново-синей машины, подошел высокий человек в новенькой и нарядной национальной одежде.

Таксист вынул пачку сигарет, протянул ее подошедшему. Тот, в свою очередь, чиркнул зажигалкой. Оба закурили.

«А таксист все-таки неплохо зарабатывает, если курит сигареты», — подумалось Петру.

— Но Джеральд и не думал что-либо отрицать. Он не видел в своих опытах ничего преступного. Ровно ничего! Ему просто в голову не приходило, что то, что он делает, можно назвать преступлением!

Она коснулась руки Петра:

— Постарайтесь понять меня, Питер! Был ли он преступником? Ведь он не считал свои опыты преступными. Он просто не рассматривал их с точки зрения общечеловеческой морали. Мы говорили на разных языках, и какой это был тяжелый разговор!

Он мне доказывал, что программа утверждена факультетом. Что университет получил от американских научно-исследовательских организаций огромные суммы на ее осуществление, что во всем этом нет ничего противозаконного.

И тогда я напомнила ему о гитлеровских концлагерях, о цыганах и евреях, о тысячах узников других национальностей, на которых испытывали свои чудовищ-

ные вакцины фашистские врачи. Но если там людей заставляли подчиняться силе, то здесь их просто обманывали — им платили шиллинги за то, чтобы они, сами того не зная, были морскими свинками в огромной природной лаборатории, в африканской глуши, где никто и ничего не раскопает и не узнает!

Голос ее стал глуше:

— На него страшно было смотреть. Он долго молчал, а потом спросил меня... Вот так... Вы знаете — он порой бывал, как ребенок: «Что же мне теперь делать?»

Голос Элинора прервался. Петр отвел взгляд. Таксист и подошедший к нему высокий гвианиец внимательно смотрели на них. Заметив, что Петр глядит на них, они поспешно отвернулись.

Элинора не поднимала глаз.

— Как странно! Мы, европейцы, на многое глядим совсем не так, как американцы. Кажется, у них все проще — и Добро и Зло. Но что теперь говорить! Джеральд мертв.

Она подняла лицо, внимательно посмотрела на Петра:

— Вы думаете про меня — истеричка, психопатка... Вы ведь думаете так, а? Я знаю: мои знакомые все так думают. И пусть!

И она опять прямо наклонила голову.

— И все же я благодарна Джерри. Он хоть нашел в себе силы умереть.

Элинора встала:

— Я хочу, чтобы вы зашли ко мне, Питер. Я прошу вас помочь мне.

Когда они вошли в номер, Элинора достала из ящика туалетного столика тот самый листок, который Петр видел вчера у Роберта.

— Мне совестно втягивать вас в это, — сказала она тихо. — Я не прошу вас передавать это письмо кому-либо и куда-либо. Это не ваша борьба. Это борьба наша — Джеральда и моя. Вас же я прошу мне помочь в одном: снять с этого письма фотокопии. Штук пять-шесть.

— Но...

— Это простое дело. Их могут делать в любой фотографии здесь, в городе.

В глазах ее была искренняя мольба.

— Сделайте это... для меня. Я бы сделала это сама, но... Это письмо передал мне Роберт...

Она запнулась, потом заговорила, тщательно подбирая слова:

— Я не верю ему. Я понимаю, это смешно, но в этом деле вы сейчас самый нейтральный человек. Вряд ли кто-нибудь заподозрит, что письмо доктора Смита у вас. Вы меня понимаете?

Петр кивнул.

«Ну что ж. В конце концов этого следовало ожидать. Глаголев был прав», — подумал он.

— Давайте письмо, — решительно протянул он руку. Листок был сложен аккуратно, ровным прямоугольником.

— Прочтите, — тихонько попросила Элинора.

«Дорогая мисс Карлисл, — писал доктор Смит. — Извините, что все так получилось. К сожалению, и еще раз, в последний раз я должен поступить на этом свете как непорядочный человек: я не смогу жениться на вас, хотя мое предложение и налагает на меня это обязательство.

Как много я отдал бы, чтобы мы никогда не были бы с вами знакомы и чтобы вы никогда-никогда не столкнулись бы со всей этой мерзостью, которая связана сейчас со мною. Всю жизнь я хотел быть честным, я хотел жить с чистой совестью — в ладах с богом и людьми. Так жил мой дед, так живут мой отец и мать. Так меня воспитывали. И сейчас я проклинаю тот час, когда гордыня увела меня из нашего тихого захолустного городишки и бросила в скверну, называемую наукой.

Пастер, Швейцер, Павлов, Флеминг — вот кто были моими идеалами, и я хотел быть похожим на них. Я хотел приносить людям пользу. И вот...

Сначала я узнал, что наша наука пахнет долларами. И понял, что от этого никуда не уйти. Это был мой первый компромисс. Но слишком поздно я понял, что наша наука пахнет и кровью.

И опять я поступаю вопреки законам божьим. Бог дает человеку жизнь, бог, лишь бог! может отнять ее. Но то, что я делал на плато, разве это не преступление против всех божеских и человеческих законов? И я осудил себя. Моим судьей была моя совесть — и она вынесла мне справедливый приговор.

Дорогая, милая моя Элинора! Я так виноват перед

вами! Вам слишком много довелось испытать в этой жизни. Мы мечтали с вами уехать куда-нибудь в глушь, в джунгли, где люди еще не так испорчены, и жить, творя добро.

Помните, вы мне часто говорили об этом русском? Вы спрашивали самое себя: неужели же и этот человек — чистый и светлый в своем идеализме — станет очередной жертвой нашей проклятой жизни, нашего общества волков и гиен?

Я был к вам тогда несправедлив. Я откроюсь вам: я ревновал вас к этому русскому. И только теперь я понял — вы относитесь к нему как мать, как женщина, носительница вечного Добра.

Еще раз молю — простите меня. Я так хотел бы жить, но я не имею на это права: я не могу жить без вас, а между нами — страшное преступление, которое я творил по недомыслию.

Боже, когда же все это кончится? Когда же люди снова станут людьми? Прощайте... Искренне Ваш доктор Смит».

Петр молча сложил письмо. Он не мог разобраться в вихре чувств и мыслей, охвативших его. Так вот оно что. Элинор всегда относилась к нему как к незащищенному ребенку. Она даже говорила о нем с доктором Смитом.

— Вы боитесь?

Он усмехнулся про себя. Так вот откуда та жалость, которую он видел в ее глазах. Она считает, что он не способен даже постоять сам за себя... Ну ладно!

Стараясь быть спокойным, он тщательно сложил листок и сунул его в нагрудный карман — под свитер, где лежало уже письмо Стива.

У подъезда стоял все тот же таксист.

— Подвезти? — спросил он.

Глава 28

Петр решительно шел по широкой, обсаженной зеленью улице, отыскивая взглядом вывеску фотографа. В Луисе они были на каждом шагу, но здесь, хотя он

и прошел уже добрых полторы мили, они все не попадались.

Это был новый город — город белых. Десятки автомобилей самых разных марок теснились на стоянках перед современными зданиями.

«Джон Холт», «Буш и К°», «Берклейз-бэнк», «Чейс-Манхеттен-банк», — читал Петр вывески контор и отделений заморских банков.

Улица была пустынна.

Петр прошел еще с милю, пока сообразил, что вряд ли в этом районе ему попадется фотография: обычно гвианийские фотографии отводили под ателье часть своего жилища, а в этом районе никто этого не позволит.

Он свернул в первый же переулок, потом в следующий — и неожиданно вышел на площадь, окруженную высоким забором, из-за которого выглядывали крыши складских помещений.

Из широко распахнутых ворот один за другим выбегали оборванные грузчики, толкавшие двухколесные телеги, груженные тюками. Весело покрикивая, они перебегали площадь и скрывались за воротами напротив, откуда доносились свистки локомотивов, гудки, лязг буферов.

Повсюду валялись зерна сырого арахиса.

Солнце быстро поднималось, но все еще было прохладно, даже, пожалуй, холодно.

Петр подошел к небольшому двухэтажному зданию в конце площади, на котором было написано — «Каруна-терминал».

У стены вокзала на пестрых узлах сидели усталые люди в грязных белых одеждах, с воспаленными глазами. Здесь же копошились голые дети.

Пройдя сквозь калитку в заборе из железных прутьев, Петр вышел на перрон, грязный и пустынный.

В небольшой комнатке вокзала стояли тяжелые грубые скамьи, на них спали люди. Петр постучал в окошечко в стене, прикрытое деревянным ставнем. Оно открылось, и в нем показалось круглое недовольное лицо в фуражке.

При виде белого владелец фуражки любезно заулыбался:

— К вашим услугам, са...

Конечно же, это был южанин: северянин назвал бы белого «батуре», а не «са».

— Когда пойдет поезд на Луис? — зачем-то спросил Петр.

— Ничего не известно, са, — весело ответил железнодорожник. — Где-то на дороге авария — столкнулись два поезда. Это бывает, са, — добавил он в утешение.

Петр улыбнулся: за сравнительно небольшое время, которое он провел в Гвиании, ему частенько приходилось читать о столкновениях здешних поездов.

Железнодорожник понял его улыбку.

— Ничего не поделаешь, са. Это Гвиания, са.

Глаза его смотрели плутовски: мол, мы с вами интеллигентные люди, а что взять с этих дикарей?

— А как пройти в старый город? — спросил Петр.

Железнодорожник оживился и принялся объяснять долго и подробно, косясь на ожидающих поезд северян, которые с изумлением наблюдали, как он храбро беседует с «батуре».

Оказалось, что до старого города отсюда рукой подать.

«В старом городе наверняка полно фотографов», — решил Петр.

Фотоаппарат висел у него на груди, и он то и дело пускал его в ход. Прохожие останавливались и охотно позволяли себя фотографировать. Попозировав и удостоверившись, что их сняли, они весело благодарили и шли по своим делам.

На Юге все было не так. Там, если кто-нибудь из местных жителей и соглашался фотографироваться, то предварительно требовал за это деньги.

Немного поплутав, Петр неожиданно оказался на дороге, ведущей через пустырь к тем самым воротам Победы, у которых они останавливались вчера.

Теперь здесь царило оживление. Мычали горбатые длинноногие коровы, кричали петухи, плакали дети, спорили женщины. Пахло дымом костров.

Петр остановился перед огромным развесистым деревом у ворот. В тени сидело десятка полтора женщин-южанок в ярких нарядных одеждах. Они торговали всякой мелочью: орехами кола, палочками для чистки зубов, тростниковым сахаром, плодами манго.

Петр поднял фотоаппарат — и они весело загалдели, закрывая лица руками: это было знакомо по Луису.

Но группа была настолько живописной, что Петр решил применить уже много раз испытанный им трюк.

Сфокусировав объектив на торговках, он повернулся к ним спиной, показывая, что и не собирается их фотографировать — даже поднес к глазу видоискатель, направив камеру в совершенно противоположную сторону.

И вдруг... Петр даже опустил фотоаппарат: сомнения не было — высокий нарядный северянин, кутивший сегодня утром с таксистом во дворе отеля, разговаривал теперь с нищим, не спуская с Петра глаз. Неужели слежка?

Решив проверить свою догадку, Петр быстро вошел в ворота и, резко свернув направо, пошел вдоль стены туда, где, как вчера говорил австралиец, были чаны красильщиков.

Он увидел их еще издали. Красильщики, с руками, окрашенными по локоть темно-синей краской, сидели на корточках перед круглыми ямами, то опуская в краску, то вынимая из нее почти черные широкие куски материи.

Петр подошел к мрачному старику и присел около него на корточки так, чтобы его не было видно со стороны ворот. И сейчас же он увидел, что высокий почти вбежал в ворота. Не видя Петра, он вертел головой по сторонам.

Старый ремесленник озадаченно смотрел на Петра, механически продолжая окунать в краску кусок ткани. Потом, перехватив взгляд Петра, он обернулся и увидел высокого.

— Полис, — сказал он равнодушно и не торопясь принялся выкручивать над чаном уже окрашенную материю.

Петру стало весело: этого уж он никак не ожидал. Он встал и принялся жестами объяснять красильщику, что хочет его сфотографировать. Краем глаза он следил за высоким: тот заметил его и отступил за угол ворот.

Сделав несколько снимков, Петр вышел с площади на широкую и пыльную улицу, ведущую к центру старого города. Улица была торговой. По обе ее стороны тянулись лавчонки, парикмахерские, мастерские ремесленников.

Бреши носильщики с вязанками дров на голове. Бежали мальчишки. Ковыляли медлительные ослики, звенели старые велосипеды, изредка проносились автомобили.

Из ворот в белой каменной стене, над которыми

висела вывеска с надписью «Туберкулезный госпиталь», вышла группа гвианийцев с закутанными лицами.

Петр узнал в них туарегов.

Впереди гордо и властно выступал высокий стройный человек в белом плаще, в чалме, низ его лица скрыт был белой материей по самые глаза. Чуть позади шла группа в темно-синих плащах. Лица их тоже были скрыты. Они несли под мышками длинные прямые мечи в красных кожаных ножнах. И совсем позади покорно тащились изможденные низкорослые люди в коричнево-серых грубых плащах, основательно нагруженные разным скарбом.

«Вождь, свита и рабы», — решил Петр и с сожалением посмотрел на красавца в белом.

Неужели это он был болен туберкулезом и приезжал к врачу из своей саванны? Ведь туберкулез в Гвиании означал верную смерть.

Петр навел фотоаппарат, щелкнул. Повернул кольцо перемотки кадров — и вдруг почувствовал, что пленка не протягивается. «Сорвалось», — с досадой подумал он. А впереди — в самом конце улицы — уже высилось желтое, почти фантастическое здание с высокими минаретами, с зелеными куполами, с узкими окнами-бойницами — знаменитая мечеть Каруны, о которой говорил ему Роберт.

Он остановился, соображая, что же делать. Кто-то налетел на него с разбегу. Это был высокий.

— Извините!

Он явно боялся потерять Петра в уличной толпе и потому шел за ним почти вплотную.

— Это я виноват, — вежливо ответил Петр.

Он кивнул на фотоаппарат:

— Такая досада! Сорвал пленку. Придется возвращаться в отель.

— Зачем же в отель...

Высокий покрутил головой:

— Вот же есть фотография!

Действительно, метрах в тридцати на противоположной стороне улицы висела вывеска — «Фотоателье».

Только тут Петр вспомнил, ради чего, собственно, предпринята им эта прогулка! И мысленно решил, что, если бы даже пленка в действительности не сорвалась, ему стоило бы это придумать.

Теперь, по крайней мере, этот местный Шерлок

Холмс не увидит ничего подозрительного в его визите в фотографию.

Хозяин — опять же южанин! — Петр больше не удивлялся — южане были здесь всюду, где требовались специалисты, — оказался понятливым.

Он охотно согласился переснять письмо доктора Смита. Затем осторожно перемотал пленку, перезарядил камеру.

Письмо доктора Смита он небрежно сунул в кипу документов, видимо уже приготовленных для пересъемки.

— К вечеру будет готово, са.

— А пораньше?

— Много работы, са.

Делать было нечего, и Петр, немного помедлив, кивнул:

— Ладно.

Яркое ослепительное солнце резануло глаза, когда он ступил на тротуар. Высокого уже не было.

Нищий-слепец, сидевший у двери фотографии, поднял голову и запричитал:

— Пенни, батуре... Батуре, пенни!

Кряхтя, он поднялся и потащился за Петром, легонько постукивая кривой палкой по твердой земле.

Улица упиралась в просторную площадь перед мечетью, величественным сооружением в нарочито мавританском стиле. Это скорее даже был дворец с невысокой башней посередине, увенчанный большим зеленым куполом. Два шестигранных минарета, дважды опоясанных круглыми балкончиками, возвышались по углам фасада.

Все здание окружала невысокая желтая стена с воротами в мавританском стиле, закрытыми железными решетками. Яркий солнечный свет заливал площадь, мечеть. Небо было чистым, акварельно-голубым, без единого облачка.

За оградой высились раскидистые деревья, протянувшие густо-зеленые ветви за стену. В их тени сидело несколько стариков, лицом к другой стене — высокой, беленой, с крепостными зубцами.

Петр медленно обошел мечеть, фотографируя ее со всех сторон. Решетка ворот оказалась приоткрытой. Петр заглянул туда.

Двор мечети, вымощенный цементными плитами и чисто выметенный, манил прохладой.

— Батуре!

Еще не дряхлый одноглазый старик, сидевший на бетонных ступеньках у входа в мечеть, махнул рукой:

— Батуре!

Петр вошел. Старик встал и заковылял ему навстречу.

— Хочешь наверх? — спросил он на ломаном английском языке. — Наверх? Снять картинку, а?

Он хитро подмигивал единственным глазом — второй у него был закрыт коричневым, дряблым веком.

— А можно?

— Можно, можно, — торопливо закивал старик. — Давай пропуск.

— Какой пропуск? — удивился Петр.

— А вот какой!

Старик протянул ладонь, на которой лежал мятый и грязный листок бумаги в клеточку, вырванный из ученической тетради. На листе что-то было написано арабской вязью и стояла замысловатая печать.

— Кто же дает такие пропуска?

Старик опять хитро подмигнул своим единственным глазом:

— Султан...

Его лицо приняло плутовское выражение. Петр рассмеялся:

— Извини, папá.

— Постой! — встревожился старик и протянул сухую руку: — Три боба...

Петр отсчитал ему в ладонь три шиллинга.

— Иди.

Старик кивнул на небольшую дверцу в стене.

Петр сделал несколько шагов и остановился. Рассказ учителя не выходил у него из головы с того самого момента, когда он увидел зеленый купол мечети.

— Папá...

Петр сунул руку в карман, вытащил несколько монет и позвенел ими в горсти. Старик весь подался вперед.

— А раньше... была здесь мечеть? — спросил Петр, подбрасывая монеты на ладони.

— Была, была, — поспешно закивал старик, жадно следя за сверкающими кружками металла. — На этом самом месте.

— А куда же она делась?

Старик рассмеялся хриплым дрожащим смешком.

— Аллах дал, аллах взял. Пришли батуре и...

— Разрушили?

Старик отрицательно покачал головой.

— Младшая жена султана взорвала порох, когда сказали, что султан убит. Здесь было много оружия и много патронов. Вон в том месте, позади мечети.

Он слабо махнул рукой куда-то за спину Петра.

— А потом батуре построили эту мечеть. Новую и большую. Самую большую в Африке. Теперь с нее можно увидеть всю Каруну!

Петру показалось, что в единственном глазу старика сверкнула злоба— он даже перестал следить за подбрасываемыми монетами.

— И все старинные бумаги, все документы и письма султана, которые хранились в старой мечети, погибли?

Петр задал этот вопрос безразличным тоном, но старик насторожился.

— Батуре ищет старинные бумаги? — спросил он с подозрением после минутного молчания и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Батуре тоже знает, что я писал письма для султана? (Сердце Петра сжалось, он весь напрягся.) Много других ученых, батуре, спрашивали меня о бумагах, которые я писал, но...

Старик закрыл свой единственный глаз и медленно развел руками. Голос его был сух и бесстрастен:

— ...но все, что хранилось у нас, служителей аллаха, погибло в старой мечети.

— Но, может, ты помнишь, папà, писал ли ты письмо султана батуре Дункану, в котором он соглашался выдать эмира Бинды?

Старик медленно покачал головой:

— Может быть, и писал, батуре, но я стар, и я уже ничего не помню.

Петр вытащил из кармана фунтовую банкноту.

— Тогда, может быть, ты помнишь, как звали гонца султана, который отнес это письмо батуре Дункану? Может быть, в Каруне у него осталась родня?

Старик усмехнулся и протянул руку за деньгами:

— Его звали Атари. Атари родом из Бинды. Он пришел к нам вместе со своим султаном, когда они убили белого начальника. Но к чему это знать батуре? Атари убили работорговцы много-много лет назад, ког-

да еще Каруна была свободной, и здесь у него не было никого.

В глазах Петра потемнело. Кровь ударила ему в голову. Атари! Старый Атари, глава чеканщиков Бинды. Значит, он действительно что-то знал! И все это унес с собой в могилу.

— Неправда! Атари из Бинды не был убит работниками. Он умер только три дня назад, — тихо сказал Петр внезапно охрипшим голосом.

Старик отшатнулся, закрыл лицо руками, а когда открыл его, Петр увидел ненависть.

— Значит, батуре все-таки убили его, — злобно прошептал он. — Они хотели его убить, когда он возвращался от них в Каруну, но Атари... О... О... Он был не так-то прост, этот любимец эмира Бинды! Он ушел от них. Но теперь...

— У него было плохое сердце, и он был стар! — твердо сказал Петр.

— Не-ет! — многозначительно протянул старик и улыбнулся. — Но ты заплатил мне за вход на минарет, батуре. Что же ты медлишь?

И Петр, поняв, что старик больше ничего ему не скажет, шагнул к темному проему входа в башню.

Бизнес у этого служителя культа шел, видимо, полным ходом. Пока Петр поднимался по каменным ступеням бесконечной винтовой лестницы, он то и дело наткался на картонки из-под фото- и киноплёнки, на окурки сигарет, обертки жевательных резинок. Скорее всего, все это накопилось за день-два: вряд ли минарет оставался необустроенным дольше.

Петр поднялся на верхний балкончик — и древний город Каруна раскинулся перед ним. Прямо, насколько хватал глаз, тянулся красно-коричневый лабиринт плоских крыш, стен, дворов и дворишков. Это было похоже на беспорядочное скопление глиняных крепостей — побольше, поменьше, совсем крохотных. Кое-где пролегли неширокие кривые улицы, стиснутые глиняными слепыми стенами.

Виднелись дома и побогаче. Крыши их были тщательно побелены и превращены в верхние дворики. Коричневые стены расписаны оригинальными белыми узорами, по углам вверх тянулись белые острые зубцы, придававшие домам неповторимое своеобразие.

То там, то сям поднимались могучие деревья манго.

Но другой зелени почти не было: город казался выжженным, он был похож на беспорядочную груду красных кирпичей.

Петр поспешил на другую сторону минарета. Здесь все было по-другому. Он увидел внизу муравьиную тропу — улицу, по которой только что шел. Вдоль нее блестели стекла витрин и витрин, быстро бежали автомобили. А вот и городская стена. Она изгибается кольцом, и кое-где около нее поблескивают небольшие пруды. За стеной — саванна, пылят стада: кочевники подходят и подходят. Здесь их встретят купцы — южане, и потянутся купленные ими стада на юг, к Атлантике, в Луис. Туда же, куда идет бесконечный поток арахиса.

Вон там — вдали — тянутся зеленые пирамиды. Петр видел уже их на фотографиях: это мешки арахиса, покрытые зеленым брезентом, сложенные в тысячи пирамид, ждущие своей отправки на юг.

«Все на юг: скот, арахис. А с юга — купцы, чиновники, клерки, ремесленники, — думал Петр. — Южане помогали англичанам завоевывать Север, южане помогали им управлять Севером. А северяне?»

Он невольно вздохнул: недаром северные феодалы, поощряемые колонизаторами, старательно разжигали ненависть к выходцам с Юга: «Они, южане, эти собаки неверные, виноваты во всем — и в нищете Севера, и в туберкулезе, в проказе, в неграмотности». И шла резня, организованная по совету английских чиновников-администраторов, вершивших дела руками преданных им эмиров, предки которых были посажены на престолы еще лордом Дунканом.

Когда еще эти простые северяне-грузчики, мелкие торговцы, кочевники поймут, что не южане виноваты во всех их горестях, а толстозадые эмиры. Да, пожалуй, уже начинают понимать. Петру припомнилась листовка забастовочного комитета на двух языках, наклеенная на древнюю глиняную стену Каруны. Ведь если рабочие-северяне выступают вместе с рабочими-южанами...

— Любуетесь?

Петр вздрогнул от неожиданности: рядом с ним стоял Гоке.

Он улыбался в бороду, и шрам делал его улыбку зловещей.

— А я заметил вас, когда вы вошли в мечеть. Уж не молиться ли, думаю. А, товарищ?

Голос его стал серьезным:

— Я заезжал в «Сентрал». Мне сказали, что вы уже ушли. Вот я и поехал вас искать. Между прочим, все приезжие идут прежде всего смотреть мечеть.

Он оперся локтями о железные перила балкончика и глубоко вздохнул, разглядывая лежащий внизу город, в котором ничто не менялось веками. Он не улыбался, и теперь его лицо показалось Петру даже красивым — шрам делал его мужественным, волевым.

И Петру вспомнилось: вот так же Гоке смотрел на черное отверстие в склоне лысого холма, когда они стояли у шахты Ива Велли. Туда, во мрак, тянулись сизые лезвия рельсов, и шпалы между ними коричневели угольной пылью. Через каждые две-три минуты оттуда выскакивали одинокие вагонетки, полные угля; легонько погромыхая, они мчались к длинному деревянному барaku, стоявшему внизу, и скрывались в его темном чреве. Оттуда они выплывали по тросам канатной дороги и тянулись куда-то за холм.

В самом дальнем конце долины виднелось двухэтажное белое здание с флагом на крыше и двумя-тремя автомобилями у входа.

— Тогда там тоже была дирекция, — махнул рукой Гоке. — И мы шли туда.

Парни в зеленых куртках застыли в молчании и заворуженно слушали тихие слова Гоке.

— Мы собрались здесь, у шахты, обе смены, и пошли к ним. Мы были злы, но мы не собирались нападать на них. Просто хотели передать письмо и поговорить с менеджером. Я был мальчишкой, принес отцу завтрак — он так спешил сюда, что забыл его дома. С нами шел и Симба. Мы шли и пели псалмы — так велел Симба, чтобы показать, что мы не несем в сердцах ничего дурного. Вот там, — он показал на вершину холма, — они поставили пулемет. И вот там, на крыше дирекции. Солдаты вышли из-за угла дома и сразу же стали стрелять. Застрочили пулеметы...

Голос его сорвался, глаза налились яростью, кулаки сжались. И Петр подумал, как велика должна быть его ненависть и как хорошо, что Элино́р и Роберт не пошли с ним сюда, а остались в машине.

— Симбе повезло. Ему попали в ногу. Он упал,

приподнялся и закричал: «Братья! Не стреляйте, братья!» Но солдаты стреляли залп за залпом. Белые офицеры скомандовали им, и они пошли на нас со штыками — добивать раненых. В живых оставили только Симбу, чтобы потом судить. Моего отца добил капитан Лоренс Батлер. Из револьвера прямо в голову. Когда я пришел в сознание, на мне была кровь моего отца.

— Это тот Лоренс Батлер, — начал было один из парней Гоке, — который...

— Да, это он потом погиб на охоте. Утонул в болоте.

Гоке усмехнулся, и шрам исказил его лицо.

— Этого нельзя забыть, — тихо сказал Петр и сочувственно дотронулся до руки Гоке. Тот яростно отдернул руку, судорожно сглотнул.

— Да... товарищ...

И Петру тогда показалось, что последнее слово Гоке выдавил из себя лишь огромнейшим усилием воли.

Теперь же Гоке был прост и весел. Дав Петру вволю пофотографировать Каруну, он постучал ногой по перилам балкончика и усмехнулся:

— Все, товарищ Николаев? Тогда поехали.

— Куда? — удивился Петр.

Лицо Гоке стало серьезным:

— Побывать в Каруне и не встретиться с членами общества «Гвиания — СССР» было бы политически неправильным.

Петр только развел руками.

Глава 29

Внизу их ждал все тот же лендровер. Молодой парень дремал за рулем. На его курчавой голове был красный берет с нашитой черной пятиконечной звездой.

Парень был одет в форму цвета хаки и солдатские ботинки.

— Хасан! — крикнул Гоке.

— А?

Парень встрепенулся. Увидев подходящего Петра,

он дружелюбно заулыбался, потом вскинул руку с сжатым кулаком:

— Салют, камрад!

— Пенни, батуре... Пенни... — раздался уже знакомый Петру гнусавый голос.

Слепой нищий, который встретил Петра у входа в фотографию, протягивал руку. Он опирался на длинную палку обеими руками.

— Пенни, батуре... Пенни...

«Значит, он так и шел за мною, — удивился Петр. — Или я путаю? Кто их разберет».

— Ничего ему не давайте! — довольно резко сказал Гоке. — Недавно в Луисе умер один нищий. Оказалось, что он был богатейшим человеком!

— У нас пока такого не было! — подал голос Хасан.

Лицо его было скорее смуглым, чем черным, черты лица — правильными, нос — тонок и прям.

Лендровер резко рванул вперед, оставив позади тучу белой пыли.

— Куда? — покосился Хасан на сидевшего с ним Гоке.

Сейчас, со спины, они казались очень похожими. Оба в одинаковой одежде, только Гоке не носил красный берет, и его борода сейчас выглядела вызывающе.

— В штаб, — коротко бросил Гоке.

Теперь Петр мог разглядывать улицы старого города уже вблизи. Здесь не было ни асфальта, ни тротуаров. И прохожие, слышав сигналы Хасана, на которые он не скупился, жались к красным глиняным стенам, между которыми петляла улица.

Основной поток людей тянулся в том же направлении, в котором вел машину Хасан. Это были исключительно одни мужчины — босые, все в тех же длинных белых одеждах, похожих на ночные рубахи, на головах белые шапочки, расшитые желтым, зеленым или голубым узором.

Многие несли на головах грузы: от вязанки дров до кипы пестрых отрезов материи.

В основном по улице господствовало три цвета: красно-желтый цвет глины, белый — одежд прохожих и ярко-синий — высокого прозрачного неба.

— Эти все... — Гоке кивнул на поток людей, становившийся все гуще и гуще, — идут на рынок.

— Самый большой рынок в Гвиании! — с гордостью

добавил Хасан. — У нас здесь можно купить все, даже атомную бомбу.

Петр невольно улыбнулся: и в Одессе, и в Кишиневе, и в Тбилиси — люди, влюбленные в свой город, точно так же расхваливали городские рынки.

Он сказал об этом Хасану. Тот рассмеялся.

— И все же это в самом деле очень богатый рынок! — заявил он.

Они въехали на площадь, забитую машинами — в основном большими и тяжелыми грузовиками с прицепами. Здесь стоял невыразимый шум восточного базара. Люди спорили, кричали, махали руками, сходились и расходились. Особенно шумно было там, где стояли грузовики, выгружающие товары. Шоферы сидели на подножках кабин и кейфовали.

Петр знал, что шофер в Гвиании был большим человеком — у него была профессия, он мог управлять железным чудовищем. Чтобы стать шофером, приходилось платить солидные деньги специалисту-инструктору: частично наличными, частично — долями из предстоящего заработка.

Шофер уже никогда не будет мыть или чистить машину — у него для этого есть помощник, получающий от него гроши и мечтающий тоже стать шофером. И не беда, что большинство местных шоферов не умеет даже сменить аккумулятор: они специалисты, так сказать, техническая интеллигенция.

В центре площади стояла бетонная водоразборная колонка: невысокая тумба, из которой торчала широкая труба с краном. У колонки толпились люди.

Здесь же, на круглом широком табурете, возвышался полицейский в белой форме: китель, шорты, гетры и черные, начищенные до блеска ботинки. На голове — красная феска с кисточкой, на руках белые перчатки с крагами раструбом. Широко расставив ноги, полицейский невозмутимо регулировал движение людей и машин, верблюдов, ослов, лошадей.

По его знаку Хасан остановил лендровер, пропуская десяток медлительных, тощих и ободранных верблюдов, нагруженных тяжелыми тюками.

И в ту же секунду к лендроверу подбежал нарядно одетый северянин. Из-под национальной одежды, расшитой сложным зеленым узором, выглядывали европейские брюки, модные ботинки.

Он узнал Хасана:

— Привет, Хасан, твои друзья хотят посмотреть рынок? (Он скользнул взглядом по лицу Петра, чуть дольше задержал его на Гоке.) Я вижу, они не из наших краев.

— Следующий раз, Абуба. А как твои дела?

Абуба пожал плечами:

— Так себе. Говорят, сегодня здесь будет много американцев. Вот и ждем.

Он вдруг сорвался с места и кинулся на другой конец площади. Там из «фольксвагена» вылезали белые — двое мужчин и женщина.

— Гид, — кивнул ему вслед Хасан. — Водит по базару европейцев. Ну и получает, конечно, проценты с торговцев, у которых они что-нибудь купят.

— Он где-нибудь учился? — поинтересовался Петр.

— У нас всего четыре государственных школы на весь Север, — усмехнулся Хасан. — Ему повезло — был в школе у миссионеров. А работы нет. Вот и перебивается здесь, на базаре.

Он посмотрел на Петра:

— Вы не думайте, это не базар, где мы сейчас стоим. Базар — в стороне, вон там.

— Я уже понял, — кивнул Петр.

Действительно, он давно уже обратил внимание, что по левую руку от них начинались и уходили вдаль ряды крытых лавчонок, в проходы между которыми вливались все новые и новые толпы людей.

Верблюды прошли, но полицейский мешкал, и Хасан, по пояс высунувшись из машины, прокричал ему что-то на местном языке. Полицейский обернулся в их сторону: лицо его было добродушным и невозмутимым. Но, разглядев в машине белого, он поспешно замахал руками на огромный грузовой «мерседес», водитель которого собирался было проехать вслед за верблюдами.

Хасан рванул лендровер.

— Что вы ему сказали? — спросил Петр.

— Братец, ты задерживаешь батуре! — повторил Хасан по-английски, но совершенно тем же тоном, фразе, брошенную им регулировщику. — У нас здесь до сих пор еще боятся европейцев. Да и как не бояться! У эмиров советниками англичане. У министров они же. Да и двое министров в нашей провинции англичане.

Попробуй прогневи батуре, эмир с тобой церемониться не будет!

Машина остановилась у низенькой калитки в глиняной стене.

— Приехали!

Гоке первым выпрыгнул из машины, постучал тройным стуком в калитку. Дверь открылась, на пороге появился рослый парень с широким добродушным лицом, заросшим черной бородой.

— Салют, камрад! — вскинул кулак Гоке.

— Салют! — ответил парень, подозрительно оглядывая Петра.

— Это товарищ, — сказал Хасан.

— А-а... Салют, камрад!

Парень посторонился, пропуская всех за калитку.

Они вошли и очутились в широком просторном дворе, огороженном высокой глиняной стеной. В углу двора выросло манго: часть его ветвей была покрыта гроздьями мелких розовато-красноватых цветов, рядом с которыми висели еще зеленые, но уже начинающие созревать, красивые, похожие на крупные груши плоды. Петр слышал, что дерево манго цветет и плодоносит дважды в год, но видел одновременно и цветы и плоды впервые.

Под манго было врыто в землю несколько рядов скамеек. Против них, на стене, под нешироким козырьком, висел киноэкран, старенький, с желтыми пятнами.

Часть двора перегораживала еще одна стена — пониже. Из-за нее виднелись стены дома, вернее нескольких домов, повыше и пониже, с плоскими крышами-балконами, маленькими квадратами окон, обведенных полосами извести.

Вершину стены украшали белые зубцы. Углы зданий сверху донизу были тоже побелены ровной полосой, от которой отходили в стороны короткие полоски поуже. Казалось, что к углам были приставлены белые лестницы. Вершины углов, там, где начинался невысокий парапет, окружающий плоскую крышу, были украшены белыми башенками-выступами, похожими на рог.

Из-за стены тянуло горьковатым дымком костра, подгоревшим пальмовым маслом. Плакал грудной ребенок.

— Сюда, — пригласил Гоке Петра, указывая на

квадратную пристройку, примыкавшую к внутренней стене.

Петр вошел следом за ним в низкую дверь и оказался в прохладной, довольно просторной комнате. Она очень напоминала комнату, в которой он уже бывал в Бинде. Те же яркие кожаные подушки у стен, та же цепь для фонаря, свисающая с потолка. Но здесь стояло и несколько громоздких кресел кустарной работы.

Рядом с креслами — низкие столики, на которых лежали журналы и газеты.

— Побудьте пока здесь, — сказал Гоке, жестом предлагая сесть в кресло.

Петр сел, а Гоке скрылся за пологом, закрывавшим дверь в следующее помещение. Полог был наряден: ярко-красный, с золотыми полосами. Петр взял журнал, лежавший на столике. Это был «Советский Союз» полугодовой давности на английском языке.

В комнате было темновато. Свет из двух маленьких окон, пробитых почти под самым потолком, яркими столбами падал на кресла, на столики с журналами, бил прямо в глаза. Искрился хоровод пылинок.

Петр с трудом разглядел противоположную стену. Она была вся занята длинными деревянными стеллажами, уставленными книгами.

Он встал и подошел к книгам. Они все были потрепанные, зачитанные. Большинство — политическая литература. Маркс, Энгельс, Ленин, различные брошюры по философии и политэкономии. Часть изданий — из Лондона, но большинство советские. Здесь же была и художественная литература — переведенные на английский язык книги советских писателей. Отдельно стояли учебники для иностранных студентов, обучающихся в СССР.

Неожиданно до Петра донеслось тихое пение. Пели где-то неподалеку, и мотив был «Подмосковных вечеров». Петр прислушался. Да, сомнений не было — пели «Подмосковные вечера», и при этом по-русски, правда с сильным акцентом. Потом пение прекратилось.

Петр вернулся в кресло и принялся листать какую-то брошюру, одну из лежащих на столике. Брошюра была напечатана в местной типографии, качество печати было низкое, но называлась она «Феодализм и демократия».

Автор, скрывавшийся под псевдонимом «Ураган»,

писал путанно, но искренне. Чувствовалось, что он читал кое-что из марксистской литературы и теперь старается применить свои знания при анализе феодальных отношений на Севере.

— Здравствуйте!

Из-за полога вышла высокая, довольно молодая северянка. За ее спиной был привязан ребенок. И сейчас же следом за нею в комнату ввалилось десятка полтора девушек и юношей, возбужденных, с пылающими глазами.

— Здравствуйте! Здравствуйте! Как дела, товарищ? — говорили они по-русски, перебивая друг друга. Кое-кто из них был в зеленой форме. На груди других были круглые значки: гвианийская мотыга, скрещенная с гаечным ключом.

Петр знал эту эмблему: это были значки Конгресса профсоюзов Гвиании и примыкавшего к нему Конгресса молодежи Стива Коладе.

Из-за спин молодых людей к Петру пробился Гоке. Он обернулся к возбужденной молодежи и поднял руки.

— Тише!

Голос его был тверд и уверен, как у опытного председателя бурных молодежных собраний, где самое сложное порой бывает установить тишину.

— Это товарищ Николаев. Он приехал из Москвы, чтобы передать вам привет от советской молодежи!

Все радостно зааплодировали. Петр почувствовал себя неловко. Но юноши и девушки смотрели на него такими восторженными глазами, что он только вздохнул.

— А это... — Гоке повернулся к Петру и протянул руку в сторону молодой женщины, вошедшей в комнату первой и теперь скромно стоявшей в стороне, — это Учительница.

Женщина потупилась. Все почтительно замолчали.

— Вы не смотрите, что она такая, — продолжал с улыбкой Гоке. — Она у нас здесь самая боевая!

— Ого! О! — одобрительно зашумели молодые люди и заулыбались, закивали.

— Руководит отделением общества «Гвиания — СССР» во всей Каруне.

— А учебников русского языка вы не привезли? — вдруг спросила Учительница.

Петр развел руками:

— С собою у меня нет. Но я видел в нашем посольстве в Луисе.

— В Луисе, — разочарованно протянула Учительница. — Они там, на Юге, все расхватывают сами. В прошлом году я съездила, привезла двадцать комплектов, ведь это так мало...

Она улыбнулась, обведя взглядом молодежь.

— Это наши курсы русского языка. Учимся, смотрим фильмы, поем русские песни. Все они хотят поехать учиться в Советский Союз.

Молодые люди опять зашумели.

— Ну, а как там Москва? — спросила Учительница теперь уже по-русски, старательно подбирая слова. — Я ведь там была два раза. На фестивале и потом...

Она застенчиво улыбнулась:

— Мир, дружба!

И весело рассмеялась.

От нее исходило невыразимое обаяние, она была очень женственна. И в то же время чувствовалось, что за всем этим кроется сильный и твердый характер и убежденность.

«Как все-таки ей трудно здесь приходится, — подумал Петр. — В краю феодалов и ислама, где женщина никогда не считалась за человека, и добиться такого уважения. А главное — не бояться и агитировать за дружбу с нашей страной!»

— Вы... по профессии учительница? — спросил он.

— Да. Я училась в католической миссии. Но в школе здесь мне работать не пришлось — нет работы и для мужчин.

— Учительница — функционер профсоюза Бора, — вмешался Гоке. — Она ведет работу среди местных женщин.

Он подмигнул Петру:

— Соперница нашего профсоюза.

Учительница резко обернулась к Гоке:

— Ваш старик Димоду давно уже не читал ни одной книги! Когда-то... да, когда-то он действительно был в Гвиании рабочим лидером «номер один».

Она перевела взгляд на Петра:

— Вы даже не представляете, как нам мешает этот раскол. Наши лидеры так много говорят о необхо-

димости объединения, что на деле им и объединяться-то некогда.

— Ну вот...

Гоке попытался свести все дело к шутке:

— Женщина, критикующая старейшин! О Африка, куда ты идешь?

Молодые люди внимательно прислушивались к разговору, явно одобряя слова Учительницы.

Ребенок, привязанный у нее за спиной, проснулся и заплакал.

— Извините...

Лицо Учительницы смягчилось.

Одна из девушек помогла ей отвязать ребенка и унесла его во внутренние комнаты.

— Мы хотели, чтобы вы рассказали нам о вашей стране, — робко сказал невысокий плотный юноша со значком Конгресса профсоюзов Гвиании. — И по-русски, только медленно.

Он еле преодолевал смущение.

— Но... — Петр растерянно улыбнулся. — Так неожиданно...

— Расскажите! Расскажите! — зашумели ребята.

— Расскажите! — поддержал их Гоке.

— Хорошо! — согласился Петр, обдумывая, с чего начать.

Но в этот раз беседа о Советском Союзе так и не состоялась.

Наружная дверь отворилась, и вошел Стив Коладе. При виде его сразу же наступило молчание.

Лицо его было опухшим, одежда разодрана, на лбу кровоточила ссадина. Он с трудом улыбнулся разбитым ртом:

— Сожгли лендровер... сволочи... Но и мы им дали. Будут помнить, эмирские собаки!

Он увидел Петра.

— Питер? Как вы сюда попали?

Взгляд его остановился на Гоке.

— Меня просила Учительница, — почему-то оправдывающимся тоном сказал тот.

— Но ведь через час здесь соберется объединенный забастовочный комитет Каруны! — в сердцах вырвалось у Стива.

Он еще хотел сказать что-то, но сдержался и попытался улыбнуться:

— Хорош я, а? Везет же вам, товарищ Николаев, как меня ни встретите, а я все...

Он показал на свои синяки и засмеялся, и смех разрядил обстановку.

Глава 30

Роберт лежал во всей одежде на кровати и стонал, когда Петр вошел в номер.

— Что с тобой? — спросил Петр.

Вид у Роберта был убийственный: лицо серо-зеленое, под глазами отеки, сами глаза воспаленные, мутные.

— Пил? — кивнул Петр на две пустые бутылки из-под джина, стоявшие рядом с кроватью.

— Нннет... это вчера, — промычал австралиец и опять застонал. Потом протянул руку к высокому стакану, стоявшему рядом на столике. В стакане прыгала и шипела, растворяясь в воде, большая белая таблетка.

— Что это?

— «Алка-сельцер». Патентованное спасение алкоголиков.

Австралиец взболтнул стакан и отпил несколько глотков. Потом с трудом повернулся на бок и дотронулся до кнопки, торчавшей из стены под табличкой, на которой был нарисован человек с подносом.

Где-то в коридоре послышался звонок, и сейчас же зашлепали босые ноги стюарда.

— Батуре?

Черная голова в красной феске поспешно просунулась в дверь.

— Пива! — бросил Роберт.

— Йес, батуре...

Голова скрылась, и опять послышалось поспешное шлепанье босых ног.

Роберт, вздрагивая от омерзения, допил стакан, поставил его на столик:

— Наверное, мечеть смотрел? Конечно, мечеть! Туда все ходят.

— Ты завтракал?

Роберта даже передернуло:

— С ума сошел! Ничего в рот не лезет!

— А это? — кивнул Петр на пустые бутылки из-под джина.

Австралиец хмыкнул:

— Я передал письмо покойного Смита Элинора. Не мог я...

Он привстал на кровати, оперся на локоть.

— Не мог я ждать до утра! Она не рыдала, не плакала. Прочла — и сразу будто окаменела. Сжалась, одеревенела — называй, как хочешь. Это вот и было ужасно.

Он опустил руку и нащупал пустую бутылку, поднял ее:

— Черт! Пустая...

Мотнул головой, словно стряхивая наваждение. Лекарство брало свое: лицо его порозовело.

— Батуре...

Дверь отворилась. Босоногий стюард вошел с подносом, на котором стояли две бутылки пива, стаканы и блюдо с подсолненным арахисом. Стюард, осторожно ступая, подошел к ночному столику, поставил на него поднос. Потом привычно налил стаканы профессиональным жестом, подал один Роберту, другой Петру.

Австралиец порылся в кармане и протянул ему горсть монет.

— Танкью, батуре, — поклонился в пояс стюард и, пятясь задом, вышел.

— Так ты завтракал? — повторил свой вопрос Петр.

Австралиец жадно пил пиво. Он отрицательно покачал головой, не в силах оторваться от холодной, терпкой влаги. На губах его лежала белая полоска пены. Он смахнул ее ладонью, перевел дух:

— Уф! Ты меня извини, но сегодня мне надо отдохнуть.

И вдруг он взорвался:

— Смит все равно что-нибудь бы сделал! Он был моралист! А такие люди всегда начинают время от времени копать в своих чувствах.

Голос поднялся до крика. Потом Роберт устало откинулся на подушку, вытянулся на спине, заговорил спокойнее:

— И все же он был мужественным человеком. Это ведь гораздо труднее — выследить черную мамбу

и спровоцировать ее укус, чем просто выстрелить себе в рот.

Петр уже закрыл было за собой дверь, как австралиец приподнялся на локте:

— Послушай! Побудь с Элинор. Ей сейчас нельзя быть одной. Посмотрите город, рынок.

Он пошарил в кармане брюк и бросил что-то Петру:

— Лови!

Петр непроизвольно подставил ладони: это были ключи от «пежо».

— У меня нет прав, — сказал он, стараясь не показывать своей радости: теперь у него была машина, именно то, что ему было сейчас нужнее всего!

— Почти вся Гвиания ездит без водительских лицензий.

Роберт закрыл глаза.

Когда Петр вошел в свой номер, здесь было уже прибрано. Вещи, которые он вчера вечером разбросал как попало, лежали теперь аккуратно сложенными. Помятые брюки, вынутые им из чемодана, были выглажены. Дорожная рубашка выстирана и повешена на плечики.

В графине с водой, стоявшем на ночном столике, голубели кубики льда. Рядом лежала карта-меню.

— Сервис! — отметил Петр, подкидывая на ладони ключи от «пежо». Он опустился в кресло — пружины под пенопластовой подушкой заскрипели. И вдруг он ощутил, как страшно устал за эти несколько дней и как нужен ему кто-то, с кем бы он мог поговорить, просто поговорить.

Он вздохнул: что-то сейчас делает Глаголев!

Петр закрыл глаза, прикрыл их ладонью, хотя в комнате стоял полумрак, — шторы на большом окне были задернуты и почти не пропускали яркого солнечного света.

Потом его мысли перенеслись опять на события сегодняшнего дня.

...Через несколько минут после того, как Стив вошел в комнату в доме учительницы, та вдруг засуетилась, заторопилась.

— У нас занятия, — объявила она гостям и строго посмотрела на молодых людей, все еще с нескрываемым интересом разглядывавших «гостя из России».

Юноши и девушки с неохотой подчинились: комната опустела. Стив, Гоке и Петр остались здесь одни.

Лишь только полог опустился за последним из выходявших, Гоке набросился на Стива.

— Ты зачем их выгнал? — сердито спросил он.

Стив попытался улыбнуться разбитыми губами, но у него не получилось. Он досадливо поморщился, его лицо стало серьезным. Он обернулся к Петру:

— Ну как, вам здесь нравится? Наши «пинкертоны», надеюсь, беспокоят вас не слишком?

Глаза его были внимательными, он явно старался подбирать слова поточнее и... поспокойнее.

— За мной следили, — просто ответил Петр.

— Следили или следят? — уточнил Стив.

Петр пожал плечами:

— По крайней мере, один раз я видел точно — за мной следил высокий человек в национальной одежде. Потом он, кажется, передал меня нищему. Слепому нищему, но в этом я не совсем уверен...

— Ну? Что ты скажешь, товарищ?

Теперь Стив уже смотрел в лицо Гоке. Тот презрительно скривился:

— Англичане так и не смогли научить наших ищеек чистой работе! Да и что они могли выследить, ходи они за товарищем Николаевым хоть целый день!

— Если никто не поможет им! — усмехнулся Стив.

— Ерунда! — отрезал Гоке. — Что из того, что товарищ Николаев побывал в обществе «Гвиания — СССР»?

Стив прищурился.

— А пожалуй, ты прав... Был бы прав, если бы все это происходило хотя бы даже месяц назад.

— А почему не сегодня? — вызывающе повысил голос Гоке.

Стив внимательно посмотрел на него и ничего не ответил. Вместо ответа он обернулся к Петру:

— Мой лендровер сгорел, а его машина (он кивнул на Гоке) нам может понадобиться в любой момент. Извините, мы не сможем подвезти вас к отелю.

Стив дотронулся до руки Петра.

— Кстати, как у вас дела с письмом султана Каруны? Узнали что-нибудь новое?

Петр неуверенно покачал головой:

— Разве что...

— Что же?.. — заинтересовался Стив.

Гоке усмехнулся:

— После твоего письма вряд ли удастся найти что-нибудь еще.

— Ну почему же! — возразил Петр и обернулся к Стиву. — Прежде всего я хочу вас поблагодарить за запись рассказа Атари.

Он дотронулся до нагрудного кармана рубахи, где у него лежало письмо Стива.

— Вы мне очень помогли. Но мы... (он подчеркнул голосом последнее слово) ...мы упустили самое главное. Старый Атари, оказывается, был тем самым гонцом султана Каруны, который доставлял письма султана лорду Дункану.

— Здорово! — вырвалось у Стива. — Вот это здорово! Но почему же — упустили? С ним надо будет встретиться еще раз, и только.

Петр грустно улыбнулся:

— Больше мы с ним никогда уже не встретимся.

Стив вскинул голову, лицо его стало тревожным:

— Он?..

— Мертв!

Это сказал Гоке. Он сидел нахмурившись, нервно теребя бороду.

— Жаль старика, — вздохнул Стив.

— Нда-а, — протянул Гоке и внимательно посмотрел на Петра. — А еще что-нибудь вы узнали?

— Еще?

Петр открыл было рот, чтобы рассказать об одноглазом мулле и о том, что тот был писарем у султана, но что-то подсознательное остановило его. Он вдруг испытал страх — страх не за себя, а за того старика из мечети, так настойчиво уверявшего его, что все документы, хранившиеся в старой мечети, погибли. Ему почему-то показалось, что Расскажи он сейчас об этом — и старый мулла исчезнет, уйдет из жизни так же неожиданно, как глава чеканщиков Бинды:

— Я надеюсь найти что-нибудь в архивах университета, — небрежно сказал Петр. — Может быть, письмо профессора Нортонa откроет мне доступ к старым документам.

— Это хорошо, — кивнул Стив. — Впрочем...

Он помедлил:

— В университетской библиотеке работает наш товарищ малам Данбата. Я с ним говорил о вас — он

вас ждет. Он сам житель Каруны и имеет отличные связи. Поезжайте, может быть, он вам подскажет что-нибудь еще.

Стив добро улыбнулся:

— А теперь извините. Сейчас тут будет собрание, и... не нужно, чтобы кто-нибудь решил, будто вы приехали на Север, чтобы вместе с нами готовить забастовку.

Он встал:

— Мы вызовем для вас такси.

И Петр понял, что Стив хочет, чтобы он уехал отсюда, уехал как можно скорее.

— Я провожу вас, — сказал Стив и сразу же обернулся к Гоке. — Проверь, пожалуйста, все ли готово к встрече комитета!

— А... — хотел что-то сказать Гоке, но ничего не сказал, протянул руку Петру: — До свидания, товарищ!

Петр пожал ему руку и пошел к выходу. Двор они пересекли молча.

Высокий юноша открыл калитку и приветливо улыбнулся Петру. Уже на пороге, оглянувшись, Петр заметил во дворе группу молодых парней в изорванной одежде, сидевших на скамейках под манго. Один лежал на тростниковой циновке. Над ним хлопотали двое других, что-то ему перевязывая.

Стив посмотрел в их сторону и вздохнул.

— Мы были на митинге в университете. Это в тридцати милях от города. А на обратном пути нас перехватили, — сказал он, когда они очутились на улице.

— Эй!

Пробегавший мимо мальчишка остановился.

— Разыщи-ка нам такси, парень! — крикнул ему Стив.

— Йес, сэр! — с готовностью отозвался мальчишка и пропустился еще быстрее.

— Кто же напал на вас?

Стив пожал плечами:

— Гвианийцы. Впрочем, я их не виню. Здесь такая нищета, что за десять шиллингов вы можете нанять даже убийцу. Нас хотели запугать, думают, что весь этот процесс — брожение в Гвиании — только результат нашей агитации. Вот и расправляются с агитаторами.

Он усмехнулся:

— Кроме того, эмиры боятся забастовки не потому, что понесут какие-нибудь убытки. У них ведь нет никаких предприятий. Им страшно, что в процессе забастовки люди объединятся. А главное — поймут, что, объединившись, они смогут кое-чего добиться.

Такси лихо остановилось прямо перед ними. Шофер поспешно выбежал и распахнул дверцу. Это был Джимо, тот самый Джимо, с которым переодетый полисмен разговаривал сегодня утром во дворе отеля «Сентрал».

— Добро пожаловать, батуре!

Джимо осклабился, но его маленькие глазки проворно перебегали с одного лица на другое, словно фотографировали: щелк, щелк, щелк...

Мальчишка, разыскавший такси, тоже выскочил из машины и теперь стоял, протянув руку. Петр хотел было дать ему монету, но Стив опередил его.

Мальчишка ловко сунул шиллинг за щеку, лихо повернулся на босой пятке и помчался по своим делам.

Стив протянул руку Петру:

— Желаю успеха. Сегодня же съездите в университет. И... (Он помедлил, словно раздумывая — сказать что-то или нет, потом решил — нет) уезжайте поскорее в Луис.

С этими словами он вскинул в приветствии кулак и отступил к калитке:

— Салют, камрад!

...И теперь в прохладном полумраке номера Петр снова и снова обдумывал последние слова Стива Коладе.

Да, было совершенно ясно, что Стив предупреждал его об опасности — осторожно и тактично.

Если бы только Петр знал, что в это время частная радиостанция отделения фирмы «Джон Холт и К°» в Каруне вызывала на связь свою штаб-квартиру в Луисе!

Среди длинного потока коммерческих сообщений и вопросов оператор отделения в Каруне информировал, что операция «Хамелеон» вступила в стадию завершения, и просил разрешения на действия сообразно обстоятельствам.

Получив это сообщение, полковник Роджерс сейчас же отправился к сэру Хью. Он принес с собой толстую папку из крокодиловой кожи, набитую бумагами.

Сэр Хью читал бумаги долго и внимательно. А когда он наконец оторвался от папки, полковник Роджерс облегченно вздохнул. Он понял, что сэр Хью доволен.

— А как же насчет второго письма султана Каруны?

Сэр Хью тонко усмехнулся. Лицо Роджерса расплылось в довольной улыбке:

— Красные, видимо, все-таки идут по следу. Лорд Дункан не слишком утруждал себя заботой о своем историческом реноме.

— В конце концов он был солдат, а не политик, — добродушно кивнул сэр Хью. — Действуйте!

А пока полковник Роджерс звонил главному советнику Прайсу и договаривался с ним о координации действий, здесь же, в Луисе, по-солдатски стриженный молодой парень на третьем этаже посольства США расшифровывал другую телеграмму — тоже из Каруны и в ней тоже шла речь об операции «Хамелеон».

Прочитав ее, Нейл Девон, руководитель Гвианийского отделения Информационной службы США, он же резидент Центрального разведывательного управления, тут же набросал ответ: он не считал нужным сообщать о своих делах даже послу своей страны.

Передатчики в верховном комиссариате Великобритании и посольстве США заработали почти одновременно. Но американцы держали связь только с Каруной, англичане же — с Каруной и Лондоном.

Глава 31

Ориентироваться в чужом городе, да еще на машине, да еще в темноте, не так-то просто. Петр убедился в этом на собственном опыте, тем более что, едва он вывел «пежо» из ворот «Сентрала», как редкие уличные фонари погасли.

Улицы были пустынные, и Петр не узнавал их.

«Ну и ладно, — подумал он. — В конце концов Каруна — не Москва, всю можно объехать минут за сорок».

Он медленно ехал по тихим переулкам европейской части города. За зеленью садов виднелись тусклые

квадраты окон — там горели керосиновые лампы: то ли что-то случилось на электростанции, то ли это было предупреждение о предстоящей забастовке.

Да, этот, первый день в Каруне был для Петра полон событий. Слежка, визит в Общество дружбы, встреча с Гоке и Стивом, поездка в университет...

Петр поехал туда после обеда.

В просторном зале библиотеки, куда он попал, изрядно поплутав по территории университетского городка между многочисленными трех-четырёхэтажными корпусами административно-учебных зданий и общежитий, никого не было.

Два студента, которых Петр встретил у дверей зала, ничего толком сами не знали. Библиотека, по их словам, обычно в это время работала, и почему закрылась — непонятно. Они были последними, кого попросили оставить зал после того, как из Каруны приехали сотрудники местной полиции — два европейца и три гвианийца. Приезжие прошли к хранителю библиотеки, затем туда были вызваны все служащие. И вот... Студенты разводили руками. Потом вышел хранитель и объявил, что библиотека закрывается и все должны покинуть зал.

— А где малам Данбата? — спросил Петр.

— Старший помощник хранителя? Он там, со всеми, — ответил один студент.

— А вот и он! — второй студент вдруг указал на невысокого толстяка с бородкой, появившегося из глубины зала. По обе его стороны шагали два рослых парня в новенькой национальной одежде, а позади — голенастый, долговязый европеец с лошадиным лицом.

Петр понял все сразу: малам Данбата арестован.

«За что? — мелькнуло в мозгу. — Неужели же за то, что он обещал помочь в розыске письма султана Каруны?»

Петр тут же отверг эту мысль. В конце концов Петр совершенно официально, с одобрения университетских властей, вел научную работу. Скорее всего, Данбата был одним из известных здесь левых, и сейчас, когда вот-вот должна была начаться забастовка, власти начали аресты. Но что бы там ни было, настроение было испорчено. Да и до него ли было сейчас администрации университета? Сначала митинг, организованный Стивом, затем арест Данбаты.

— Ладно, завтра приеду сюда с официальным визитом, — решил Петр. — Не откажут же они мне в до-
ступе к архивам!

Лицо малама Данбаты было опущено. Гвианийцы прошли мимо стоявших, не обращая на них никакого внимания. Но Петр почувствовал, как европеец скользнул по его лицу холодным острым взглядом. Скользнул — и прошел.

— Полиция, — выдохнул первый студент.

Второй покрутил головой:

— Вот тебе и независимость!

Первый подтолкнул его локтем и взглядом указал на Петра:

— Видали, мистер? Вот вам и демократические свободы! Стоит человеку начать думать по-своему, как его тут же в каталажку.

Он обернулся к приятелю:

— Пошли! Теперь они тут будут рыться до самого вечера!

Петру больше ничего не оставалось делать, как вернуться к своему «пежо».

Вздохнув, он сел в машину, завел мотор. Поправляя зеркальце, Петр вдруг обратил внимание на точно такую же зеленую машину «пежо», стоявшую метрах в двадцати позади него — в тени куста, усыпанного крупными красными цветами. В машине сидело четверо — гвианийцы в национальной одежде.

Следят! Теперь Петр думал об этом уже с раздражением. Сцена в университетской библиотеке все еще стояла у него перед глазами.

Он резко взял с места, так же резко взяла с места и другая машина. В зеркальце было видно, как напряглось лицо ее водителя.

— Ну, погодите, — сказал вслух Петр. — Сейчас я вам устрою ковбойщину!

Он прибавил газу. Впереди, перед трехэтажным зданием библиотеки, была просторная асфальтированная площадка. С десятков машин стояло в квадратах, в которых белыми цифрами значились их номера. Это была стоянка автомашин администрации и преподавателей университета.

Две дороги огибали здание и уходили дальше, к корпусам общежитий. И теперь Петр погнал машину прямо на ту дорогу, что справа. Стрелка спидометра

быстро перебирала цифры: тридцать миль, сорок, пятьдесят, семьдесят...

Петр глянул в зеркальце. Преследователи шли на той же скорости. У самого выезда на дорогу Петр резко бросил машину влево, вывернул руль, промчался мимо стоянки, еще раз вывернул влево и понесся к выезду с университетской территории.

Машина преследователей проделала точно такой же маневр и уверенно неслась следом. Они пронеслись мимо караульной будки и столбов с поднятым шлагбаумом, у которого расхаживал полицейский. Полицейский ошарашенно вскинул голову, когда мимо него пролетели один за другим два зеленых «пежо».

Петр свернул на дорогу, ведущую к Каруне. Это было отличное современное шоссе, построенное итальянской фирмой. Оно было абсолютно прямое — ни малейшего намека на поворот, ни малейшего возвышения или понижения. Мощные современнейшие машины создали здесь, в африканской саванне, идеальную плоскость, позволяющую развивать максимальную скорость.

Стрелка спидометра показывала сто миль.

«Ого! — подумал Петр. — Около ста тридцати километров! Не дай бог — лопнет баллон!»

Азарт захватил и преследователей. Их машина приближалась.

«У них — форсированный двигатель, — отметил про себя Петр. — Скорость миль сто десять, сто двадцать...»

Впереди на дороге показалась темная точка. Через пару секунд можно было различить, что это стоит тяжелый, груженный мешками прицеп. Водитель бросил его прямо на проезжей части, не потрудившись даже стащить на обочину.

Петр взял чуть в сторону, чтобы проскочить мимо опасности. И сейчас же увидел, что навстречу ему несется грузовой «мерседес» — мощное чудовище с прицепом.

Дальше все делалось Петром абсолютно автоматически. Какой компьютер сработал в его мозгу — это потом долго занимало Петра. А расчет был точен до долей секунды.

Нога сама резко нажала на тормоз. Завизжали колеса, пахло жженой резиной, машину выбросило на середину проезжей части. «Пежо», шедший сзади,

чуть было не врезался в нее. Водитель его упустил момент — одно или два мгновения. Он попытался удержать автомобиль на прямой. Его развернуло, повело в сторону.

А спереди летел тяжелый «мерседес». Петр успел вывернуть, его машина освободила проезжую часть и проскользнула мимо брошенного прицепа почти под самым радиатором встречного грузовика.

Шофер преследователей попытался было сделать то же самое. Но опоздал: грузовик на полном ходу задел машину — и швырнул ее на прицеп. Раздался треск, мешки посыпались на дорогу. «Пежо» ударился о борт прицепа, посыпались доски, и отброшенная, словно мячик, машина два раза перевернулась через крышу, отлетела через всю ширину шоссе и завалилась в канаву.

Все это случилось в какие-то секунды, но Петру показалось, что он смотрит замедленную киноплёнку, настолько четко сознание фиксировало каждый мельчайший отрезок времени и действия.

Он с трудом удержал руль. Но стрелка спидометра уже отсчитывала цифры в обратном порядке: восемьдесят, семьдесят, шестьдесят, пятьдесят...

«Надо было бы остановиться», — вяло подумал Петр, но не сделал этого. Во дворе отеля он не сразу смог выйти из машины, устало опустил руки на сиденье и закрыл глаза.

— Добрый вечер!

Он не заметил, как к машине подошла Элино́р.

— Вы?

Петр с трудом вылез из машины.

— Что с вами? — настороженно спросила Элино́р. — Что-нибудь случилось?

— Н-нет... — нерешительно пробормотал Петр. — Просто... устал.

— Это все климат, — вздохнула художница, поживаясь. — Мы уже привыкли там, у нас на Юге, к жаре и духоте. А здесь свежо!

Она была необыкновенно спокойна.

«Вот у кого надо учиться, как себя держать», — подумал Петр.

— Весь день бродила по Каруне, — словно продолжая прерванный рассказ, монотонно говорила Элино́р. —

Рисовала. Весь день рисовала. Я уже тысячу лет не рисовала так много!

«Одни рисуют, другие пьют... И все, чтобы забыться. А я? Неужели же я угробил этих четырех служак для того, чтобы забыться?» — думал Петр.

— Что с Робертом? — спросил он, чтобы отогнать эту мысль.

Элинор помрачнела. Лицо ее стало жестким, губы побелели.

— Он пьян. Он мертвецки пьян, — ответила она с такой злобой, которую Петр в ее голосе слышал впервые.

— Он вас любит, — грустно сказал Петр.

— Да...

Элинор провела рукой по глазам: они были сухими и холодными.

— И самое страшное, что я тоже люблю его. И все это ни к чему, Питер. Все это не нужно ни мне, ни ему.

Она повернулась и пошла по аллее к отелю, медленно, опустив голову.

«Не оставляй ее, — вспомнились Петру слова австралийца. — Ей сейчас нельзя быть одной».

Он поспешно догнал Элинор и пошел с нею рядом, принаравливая свои размашистые шаги к ее небольшим, неторопливым.

Элинор вскинула голову. Взгляд ее потеплел.

— А вы знаете, что я подумала, когда впервые увидела вас, Питер?

Петр промолчал.

— Я подумала, будь я лет на пятнадцать моложе, я бы влюбилась в этого парня. Вы так чисты, так наивно откровенны по сравнению со всеми нами. И еще тогда мне вас стало жаль. Вот и еще одна жертва, подумала я, жертва нашего злобного, безжалостного мира, где человек безумно одинок. Мы не волки, Питер, мы хуже волков. Волки не убивают друг друга исподтишка, подло, как это делаем мы...

— Только не вы, — тихо возразил Петр.

— И я тоже, — покачала головой художница.

Петр осторожно взял ее руку.

— Вам надо отдохнуть и успокоиться. Кстати, письмо доктора Смита и фотокопию я привезу вам сегодня вечером... — Он помедлил. — А потом? Что вы будете с ними делать?

— Я знаю, Питер.

Она не отняла руку.

— Расскажите, как ваши дела с письмом султана? Может быть, и я смогу вам помочь?

— Вы?

Петр даже остановился от неожиданности. Конечно, Элинор долго жила в Гвиании и умеет разговаривать с гвианцами. Но сумеет ли она найти общий язык с одноглазым муллой? Сейчас, когда она в таком смятении! Но, может быть, она сама ищет чужие заботы, чтобы забыться в них? Он вздохнул и начал неуверенно рассказывать о своей встрече с муллой. Когда он окончил, Элинор некоторое время молчала. Потом медленно подняла голову:

— Хотите, чтобы я убедила старика отдать вам копию письма султана?

Это было сказано таким тоном, что Петр почувствовал себя неловко. Но отступать было поздно, и он молча кивнул.

Элинор внимательно посмотрела на него, задумалась.

— Я попробую, Питер, — наконец сказала она просто.

До вечера Петр не выходил из своей комнаты. Он лежал, не раздеваясь, на кровати и пытался заснуть. Время тянулось удивительно медленно, и в голову лезли мысли — одна хуже другой. Наконец стало смеркаться.

Поплутав с полчаса по темным, неасфальтированным улицам старого города, Петр в конце концов выехал к мечети. Неподалеку от нее Петр без труда нашел знакомую фотографию.

Он остановил машину прямо у входа. Сразу же за дверью ударил в глаза свет от яркой лампы без абажура. Здесь было нечто вроде маленькой приемной: несколько просиженных грязных кресел, на стенах — образцы продукции этого крошечного ателье.

Сам хозяин сидел в кресле и пил пиво из бутылки, которую ставил на пол. Два молодых гвианца — видимо, его приятели — сидели рядом и тоже пили пиво, оживленно болтая на местном языке.

— А... — протянул фотограф, завидя Петра. — Вы за фотокопиями?

Парни прервали разговор и с любопытством посмотрели на Петра.

— Одну минуту.

Хозяин скрылся за дверью, ведущей в лабораторию, и сейчас же появился оттуда с конвертом.

— Вот.

Он вытащил из конверта несколько фотоотпечатков и листок бумаги.

— Можете проверить.

— Спасибо.

Петр развернул отпечатки веером, просмотрел их.

— Я напечатал уменьшенным форматом, чтобы было удобнее, — объяснил хозяин, пристально глядя на Петра.

Петр вскинул глаза: в голосе фотографа ему почудилось что-то странное. Но лицо гвианийца было абсолютно бесстрастно, лишь в глазах мелькнул огонек и тут же погас.

— До свидания, — сказал он.

— До свидания.

Петр взялся за ручку двери. Парни встали.

— Вы едете к «Сентралу»? — спросил один из них, тот, что повыше.

— Подвезете? — уверенно сказал второй, как о деле уже решенном, и шагнул к Петру.

Хозяин поспешно отвернулся и скрылся за дверью фотолаборатории.

Мозг Петра работал лихорадочно:

«Еще одно приключение? Кто они? Враги? Ерунда! Просто сдают нервы».

Он кивнул — и парни вышли следом за ним. Высокий по-хозяйски открыл переднюю дверцу и сел вперед — рядом с Петром. Второй пристроился на заднем сиденье — прямо за спиной Петра.

«Во всяком случае, убивать меня им расчета нет, — думал Петр, выводя машину из старого города. — Это наделало бы слишком много шума».

Улица по мере приближения к площади Красильщиков становилась все темнее и темнее. Здесь почти не было прохожих, и торговки не расставляли здесь своих ящиков.

Лишь луна освещала улицу и площадь холодным голубым светом, и в этом свете все приобретало странную, прозрачную ирреальность.

И когда в проеме крепостных ворот прямо перед радиатором «пежо» вдруг выросла фигура слепого нищего, Петру в первое мгновение она тоже показалась нереальной.

Но нищий упрямо шел на машину — прямо посредине дороги, и обогнуть его было нельзя: ворота были слишком узкими.

Петр выжал сцепление, притормозил, но рычаг скоростей переставил на вторую позицию. Машина сбавила скорость, но не остановилась.

— Не останавливайтесь! — вдруг резко крикнул над самым ухом Петра сидевший рядом с ним парень. — Не останавливайтесь!

Петр от неожиданности отпустил педаль сцепления. Нога вдавила акселератор. Машина с ревом прыгнула вперед. И в тот же миг нищий с руганью отскочил назад и в сторону. Его рукахватила из лохмотьев что-то блестящее, и... боль ударила Петра сзади, чуть ниже уха, показалось, что голова раскололась на тысячи огненных осколков.

Он успел заметить, что из темноты на машину набегали какие-то люди. И изо всех сил надавил на акселератор.

Машина остановилась лишь метров через пятьсот.

— Прорвались.

Сосед по сиденью перевел дух и нервно засмеялся:

— Вот она, Гвиания!

— Бастарды! — выругался тот, кто сидел сзади. — Ты кого-нибудь узнал?

— Нет.

Парень, сидящий впереди, дотронулся до плеча Петра:

— Как вы... о'кэй?

Петр с трудом повернул голову:

— Не знаю.

Он зажег в кабине свет. Голова гудела. Он чувствовал, как ниже уха начинает вздуваться опухоль, как она ползет вниз — на шею, сковывая движения. Он дотронулся до этого места рукой. Пальцы сразу же стали липкими от крови.

— Кровь! — тревожно сказал сидящий сзади.

— Сволочи! Чем они его? — спросил высокий.

Они разговаривали, как будто бы Петр был неодушевленным предметом.

Сидящий сзади пошарил по сиденью, по полу.

— Вот. Консервная банка с песком...

Высокий усмехнулся:

— Известный способ!

Петр тронул машину: это его уже начинало бесить. Свет в машине все еще был включен, и, скосив глаза, Петр заметил, что из отдувающегося брючного кармана высокого торчит кусок велосипедной цепи.

Парни опять замолчали, но Петр чувствовал, как пристально вглядываются они в темноту улиц, по которым он гнал машину.

— Стоп!— сказал высокий, когда они подъехали к воротам «Сентрала».— Мы выйдем здесь. Спасибо.

И когда Петр остановил машину, он наклонился к нему, весело подмигнул и вполголоса сказал:

— До свидания, товарищ!

Петр все еще крутил головой, когда, оказавшись уже вне машины, парни вдруг поклонились в пояс и громко заорали, как орали нищие на улицах Каруны:

— Да поможет тебе аллах, батуре! Добрый ты человек, батуре!

И пропали в темноте.

Глава 32

Петр все еще сидел в кресле с кусками льда, завязанными в платок и приложенными к затылку, куда угодила банка с песком, когда в его номере зазвонил телефон.

Он с трудом повернул голову и взял трубку.

— Алло!

На том конце провода молчали.

— Алло!— повторил Петр.— Ну говорите же!

Опять молчание. Петру было слышно, как кто-то прерывисто дышал. И Петру, несмотря на боль, стало вдруг смешно; он рассмеялся прямо в трубку:

— Ну и черт с вами!

— Товарищ... Николаев?— заговорила трубка голосом Гоке...— Это... вы?

В голосе была растерянность.

— Вы... дома?

— Гоке, а как бы я с вами мог говорить, если бы меня не было?

— Прошу прощения,— вдруг вмешался другой голос, сухой, официальный.— Телефон отключается на час. Как предупреждение, что до забастовки осталось три дня. Извините за причиненные неудобства.

Телефон шелкнул и онемел.

— Однако...

Петр на минуту даже забыл про рану:

— Здорово они разворачиваются!

Но рана сейчас же напомнила о себе тупой, ноющей болью.

Петр нажал кнопку, вызвал стюарда и заказал еще льда.

Фотокопии письма доктора Смита лежали перед ним на туалетном столике. Чтобы забыть о боли, Петр еще раз принялся перечитывать неровные строчки.

В дверь постучали.

— Войдите,— крикнул Петр, ожидая увидеть стюарда с новой порцией льда. Но в комнату вошел Роберт Рекорд.

Теперь он был совершенно трезв — по крайней мере, держался твердо и уверенно.

— Что с тобой? — встревоженно спросил он прямо с порога. — Ты ранен?

Он торопливо подошел к Петру, отвел его руку с платком от раны.

— Чепуха! — попытался улыбнуться Петр.

— Чепуха?

Роберт быстро подошел к умывальнику и принялся намыливать себе руки:

— Чем это они тебя?

— Банкой... консервной. Только вместо консервов — консервированный песок.

— Не паясничай! Здесь столько всякой заразы...

Он подошел к Петру:

— Ложись на кровать!

Голос его был тверд.

— С этой царапиной... — попытался было протестовать Петр. Но австралиец схватил его за плечи и повел к кровати. Руки его были сильными и цепкими, как клещи. Сопротивляться ему было бесполезно.

Затем, несмотря на слабые протесты Петра, австра-

лиец извлек из кармана плоскую металлическую коробку. В ней оказался ватный тампон, бинт, пузырек прозрачной жидкости и пластмассовый шприц. В комнате запахло аптекой.

Роберт быстро и ловко промыл рану вонючей жидкостью из пузырька, наложил тампон, сделал повязку.

— А теперь подставляй зад!

С этими словами он стащил с Петра брюки и ловко всадил ему в ягодицу иголку.

Через минуту он отбросил уже пустой шприц в корзину для мусора.

— Все! Следующий!

Петр натянул брюки.

— Сколько за визит, док?

— Э... Пустяки! Сочтемся на том свете уголочками!— в тон ответил австралиец и усмехнулся.— Давненько мне уже никого не приходилось врачевать. После Вьетнама-то...

Он вздохнул и сел в кресло около кровати.

— Послушай!— вдруг приподнялся на локте Петр.— А откуда ты узнал...

— Что на тебя было нападение?

Петр смотрел на него с любопытством.

— На черта тебе нужно было все это там, на дороге из университета?— неожиданно спросил Роберт.

Он грустно покачал головой.

— Они... погибли?

В груди у Петра похолодело.

— Нет. В больнице.

Австралиец с любопытством смотрел на Петра, словно видя его впервые.

— Так вот ты, оказывается... какой! — задумчиво произнес он.

— Какой?— откликнулся Петр.

Роберт встал, подошел и сел на кровать в ногах у Петра.

— Питер,— медленно начал он,— ответь мне на один вопрос...

Он на мгновение задержал дыхание, как перед прыжком в воду, и решил:

— Ты разведчик?

От неожиданности Петр даже вскочил:

— Ты... пьян?

Австралиец усмехнулся:

— Конечно, если бы это и было так, ты ни за что бы не сказал мне этого!

— Это уж точно!

Петр начинал потихоньку закипать.

— Да, ты не разведчик,— уже тверже сказал Роберт.— Я служил в контрразведке... во Вьетнаме. Я видел настоящих разведчиков. Одни из них молчали, другие говорили слишком много, когда мы с ними... работали. Но ни один разведчик в мире, даже самый-самый бездарный, не делал бы столько глупостей, сколько делаешь ты.

— Иди и выпипись! Или напейся! Только оставь меня в покое, ученик Шерлока Холмса!

Но Роберт упрямо мотнул головой:

— Джин меня уже не берет. Нервы.

Он протянул руку и взял с туалетного столика пачку фотокопий письма доктора Смита, свернул их в трубку.

— Это не для тебя, Питер! Оставь это мне. С тебя хватит!

Петр прищурился, на скулах его выступили желваки:

— Это бумаги Элинора, она ждет их!

— И она их получит.

Австралиец спокойно сунул бумаги в карман.

Петр усмехнулся и покачал головой:

— Так вот кто ты такой, Роберт Рекорд!

Но австралиец сделал вид, будто не слышал его слов.

— Так-то будет лучше,— мягко сказал он.

В дверь резко постучали. Она распахнулась, и в комнату вошел высокий голенастый европеец в форме гвианской полиции: серо-голубая рубаша со множеством блестящих медных пуговиц, широкие шорты из грубой жесткой материи, отглаженные так, что складки их торчали, как острия ножей. Под мышкой он держал деревянный жезл.

Петр сразу же узнал его. Это он уводил сегодня малама Данбату там, в университете. Только тогда он был в штатском.

— Мистер Николаев?

— Я.

Офицер козырнул, окинул его взглядом с головы до ног, потом перевел водянистые глаза на Роберта.

— Я хотел бы поговорить с мистером Николаевым наедине,— сказал он сухо.

Роберт, не глядя на Петра, вышел.

— Разрешите представиться. Комиссар Прайс. Советник иммиграционного управления Гвиании.

«Спокойно,— сказал сам себе Петр. — Держись! Главное — не поддаться на провокацию».

— У нас есть основания считать,— сухо продолжал Прайс,— что при въезде в страну вами были нарушены визовые правила.

— Ерунда! — усмехнулся Петр.

Он вытащил из нагрудного кармана паспорт и протянул его Прайсу. Тот взял документ и, не глядя, сунул в карман.

— А сейчас я предлагаю вам проехать со мною в главное полицейское управление.

— Это что же? Арест?

Петр изо всех сил старался быть спокойным.

— Арест? — улыбка искривила сухие, бесцветные губы Прайса.— Нет, мы задержим вас... всего на несколько часов.

— Я требую информировать об этом советское посольство и не буду отвечать на вопросы, если при этом не будет присутствовать наш консул.

— Это ваше право,— учтиво кивнул Прайс.— А сейчас прошу! Вещи ваши будут вам доставлены чуть позже.

И он приоткрыл дверь, пропуская Петра вперед.

Лишь только они вышли из подъезда отеля, как Петра ослепили вспышки блицев. С десятков фотокорреспондентов снимали их, пока они шли к машине Прайса — полицейскому «джипу».

Прайс сам сел за руль, включил сирену, и машина с воем рванула с места.

Они ехали по темным улицам города, и редкие прохожие при звуке сирены испуганно жались к глухим глиняным стенам домов-крепостей.

От Прайса сильно пахло спиртным, но машину он вел уверенно. Петр даже залюбовался его точными, четкими движениями.

«Что значит — привык,— подумал Петр.— А машина-то похожа на наш «газик»... Интересно, смог бы я ее вести?»

Прайс выключил сирену, они выехали на загородное шоссе.

— Куда мы едем?— встревожился Петр.

Англичанин чуть повернул к нему свое лошадиное лицо.

— Если бы я хотел вас похитить, это бы было сделано не в присутствии журналистов у подъезда отеля. Он усмехнулся:

— Считайте, что вы лишь переезжаете из одного отеля в другой, загородный...

«А он выпил, и ему хочется поболтать», — отметил про себя Петр. — Что же, давайте попробуем. Может быть, что-нибудь прояснится».

— Вы давно в Гвиании? — спросил он миролюбиво. Англичанин от неожиданности даже обернулся:

— Наверное, столько лет, сколько вы прожили на свете.

— И нравится?

— Глупый вопрос! — отрезал Прайс.

Он притормозил и свернул с дороги на чуть заметную колею, уводящую в саванну. Машина въехала в узкий коридор, проложенный между стенами желтой, в рост человека, травы и понеслась по нему, поднимая клубы горьковатой пыли.

В горле у Петра запершило, он закашлялся.

— Выпейте виски, — предложил Прайс. — Там, в ящичке около сиденья, бутылка.

Петр нашарил ящичек, достал бутылку и отвинтил пробку. «Стаканчиков, конечно, здесь не полагается», — сообразил он. И, поднеся горлышко бутылки к губам, невольно улыбнулся: и все-таки даже в этом приключении была своя прелесть! Ночная саванна, старый колонизатор, виски прямо из горлышка.

Но сейчас же он обругал себя за легкомыслие: тоже нашел романтику! Наши завтра будут стучаться во все двери, чтобы узнать, что с ним случилось, и выручить, а он...

Не говоря ни слова, Прайс протянул руку и взял у него бутылку. Он даже не притормозил, поднося ее ко рту. Его кадык ходил в такт бульканью.

Выпив, англичанин вернул бутылку Петру: она была уже почти пуста. «Ого», — подумал Петр, завинтил пробку и положил бутылку на место.

Горизонт впереди светился слабым розоватым светом. Тонкая полоска красного быстро расширялась, напознала на черноту неба.

— Что это? — спросил Петр англичанина.

— Проскочим! — уверенно ответил тот, и «джип» увеличил скорость. Сухие и толстые стебли травы шуршали, царапая бока машины. Они нависали над крышей, бились в ветровое стекло.

— Но что же это? — опять спросил Петр, не желая верить смутной догадке.

— Огонь. Племена пустили пал по саванне. Они делают это каждый год перед началом посевов. Красивое зрелище!

Голос Прайса был равнодушен.

— Но ведь огонь идет на нас! — вырвалось у Петра.

— Бойтесь?

Теперь в голосе Прайса была ирония:

— И не идет, а мчится. Как экспресс!

Он вдохнул всей грудью.

— Когда горит саванна, и запах гари-то какой-то особый!

— Вы говорите об этом, как поэт! — стараясь не выдать волнения, заметил Петр.

Голос Прайса опять стал сух и бесцветен:

— Просто я проскакивал сквозь пал раза три. Главное, чтоб только не подвела машина.

Он усмехнулся:

— Вам повезло, будет что вспомнить.

Небо было уже багровым почти наполовину. Сквозь опущенные стекла врывался горячий ветер, пахнувший дымом и гарью. Желтое море сухой травы шло волнами и сверкало в длинных белых столбах света, бегущих перед фарами «джипа».

Прайс жал на акселератор, и «джип» неся вперед. Пожар и машина сближались.

— Через десять минут встретимся, — сквозь зубы процедил англичанин. Он отрезвел, и теперь лицо его было каменным от напряжения.

— Дьявол! — неожиданно вырвалось у него. Он резко крутанул баранку руля, но было поздно: «джип» врезался в темную массу, вывалившуюся вдруг на дорогу из зарослей. Что-то охнуло, взревело, с шумом кинулось в сторону.

«Джип» подбросило, накренило, потом машина опять встала на все четыре колеса... и мотор заглох.

Петра швырнуло вперед, на ветровое стекло. Он успел выставить впереди себя руки и больно ударился ладонями о щиток приборов. И сейчас же обернулся к

Прайсу. Англичанин мешком осел на сиденье, подбородок его упирался в грудь, в которую пришелся удар рулем...

— Эй!

Петр потряс его плечо:

— Очнитесь!

Прайс тихо застонал и повалился на бок, на Петра...

«Бежать! Оставить Прайса здесь, в горящей саванне, и бежать?»

От этой мысли Петра бросило в жар, все тело вдруг ослабло. Да, это была реальная возможность вырваться из лап похитителя. Но он сразу же овладел собою. Бежать — это значило признать себя в чем-то виновным. В чем — Петр уже догадывался. Слишком накалялась атмосфера с приближением забастовки, чтобы на нем сейчас не попытались отыгаться те, кто хотел бы расправиться с левыми.

Петр глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Надо было что-то делать. Он осторожно вытащил англичанина из-за руля, положил на сиденье, затем вылез из машины, обошел ее и занял место водителя...

Пал приближался. Небо светлело с каждой минутой. Из красноватого оно становилось оранжевым, потом желтым... Справа и слева от машины гудела земля: невидимые стада неслись мимо в бешеном галопе. Трава впереди была примята — видимо, «джип» врезался в стадо диких быков или каких-нибудь других крупных животных и налетел на одного из них.

«Что же делать? — думал Петр. — Что делать?»

Прорываться сквозь пал? Нет, он не решился бы на такое даже на неповрежденной машине, а сейчас — кто знает, что случилось с «джипом»?

Он неуверенно повернул ключ стартера, мотор заработал. Но руль поворачивался только влево, вправо его было не повернуть. Заклинило от удара.

«Что же делать? Что же делать? — лихорадочно думал Петр. — Неужели же так и погибнуть здесь ни за что ни про что! Через десять минут огонь домчится до машины, бензобак взорвется и...»

Бензобак... А что, если... пустить встречный пал? Роберт однажды рассказывал ему, как делают это жители здешней саванны.

Петр ощупал карманы англичанина. Да, в заднем кармане у того был небольшой браунинг.

Петр взял оружие и вышел из машины... Потом присел на корточки и трижды выстрелил в бензобак. Упругие струйки бензина ударили в пыльную траву.

Петр осторожно постучал по бензобаку рукояткой браунинга — бак был полон. Затем он сел за руль, выкрутил его влево как только мог и нажал на акселератор.

«Джип» послушно свернул в высокую золотую стену и, натужно рыча, пошел сквозь заросли, описывая правильный круг. Через две-три минуты Петр выехал на то же место, откуда начинал кружить, потом сделал еще один круг, и еще...

Небо было уже почти белым — теперь оно было похоже на раскаленное добела железо.

Горячий ветер свистел над головой, когда Петр с треском разорвал на узкие полоски платок и поспешно забил ими пробоины в баке. Затем он отвел машину назад, в центр островка — очерченного бензиновыми струями круга...

Теперь надо было точно рассчитать, уловить момент, когда ветер потянет понизу, навстречу надвигающейся стене огня — как тяга в печке... И тогда пустить встречный пал!

Все-таки он недаром увлекался книгами о путешественниках!

Он сорвал горсть травы и подбросил ее над землей. Да, пора, пора было зажигать...

Но чем? В груди похолодело. У него спичек не было, он не курил. Не было спичек и в карманах у Прайса...

Рядом в траве что-то зашуршало. И при свете зарева, охватившего почти все небо, Петр увидел неподалеку от себя большое и красивое животное, похожее на леопарда. Злые зеленые глаза смотрели на него в упор, пятнистые бока вздымались и опускались, как кузнечные мехи.

«Да ведь это гепард! — узнал его Петр. — Самый быстрый зверь в мире! Но почему он не уходит от огня?»

Гепард зарычал, с трудом поднялся и заковылял в чашу травы, Петр увидел обломок копья, торчащего из ляжки зверя. Гепард был ранен людьми, и теперь пожар, зажженный ими же, должен был прикончить его.

Петр сунул руку в карман и вытащил браунинг Прайса... В обойме оставалось пять патронов — золотистых, маслянистых карандашиков. Один — для ге-

парда, один — для него, один — для Прайса... И все-таки это было лучше, чем сгореть заживо!

Петр вытащил обойму и еще раз пересчитал оставшиеся патроны, касаясь каждого пальцем... Пуля в одном сидела неплотно — и Петр вытащил его из обоймы, попытался вжать пулю в патрон. Но ничего не получилось, лишь на ладонь высыпалось несколько крупинок пороха...

Он зубами вытащил расшатанную пулю, забил патрон пыжом — кусочком все того же платка... Теперь он явственно ощущал целых два потока воздуха. Один несся над головой — перед мчавшимся прямо на него желтым пламенем — от горизонта до горизонта, а другой стремился по земле, навстречу огню...

Только бы не опоздать! Только бы еще не было поздно!

Он добежал до колеи от колес «джипа», большой дугой огибающей и его, и машину, и гепарда, и почти в упор выстрелил в политую бензином траву. Ярочно-оранжевая жаркая стена взметнулась перед ним — покати-лась вправо и влево по кольцу, устремилась навстречу палу.

И тут силы оставили Петра. Земля накренилась, он опустился на колени, глядя, как впереди сближались грудью в грудь два огненных смерча. Так он сидел в полном бессилии, пока не очнулся Прайс.

Пал давно пронесся мимо. Взошла луна, но саванна была уже не золотой, а черной. Она дымилась, и догорали еще кое-где молодые деревца, словно факелы, воткнутые в землю. И только вокруг шелестел золотой островок высокой травы.

...Остаток ночи Петр провел миль за тридцать от Каруны — в образцово-показательной тюрьме, куда доставил его Прайс. Но не в камере, а в комнате для приезжих. Таков был приказ Прайса дежурному офицеру.

— Мой друг у вас долго не задержится, — усмехнулся англичанин, когда офицер попросил сопроводительные документы на необычного заключенного. — И вообще... запомните это — у вас нет и не было арестованного русского. У вас есть гость... мой гость. И про-шу обращаться с ним соответственно.

Он церемонно поклонился и козырнул Петру:

— Надеюсь, что вы будете вести себя достойно. Как подобает белому человеку в Африке!

Глава 33

Элинор вышла из такси, остановившегося у отеля, в тот самый момент, когда за Петром захлопнулась дверца полицейского лендровера.

Сначала она подумала, что все это ей только показалось, почудилось — и полицейский «джип», и бледное лицо Петра, вырванное из темноты фотовспышкой газетчика.

— Что это? — все еще не веря своим глазам, спросила она Роберта, стоявшего тут же, у полуосвещенного подъезда.

Австралиец странно посмотрел на нее и отвернулся.

— Что с Питером? — настойчиво повторила Элинор и схватила австралийца за руку.

— Арестован.

Он осторожно попытался освободиться.

— Это сделали... вы?

Роберт опустил голову.

И, не помня себя, Элинор со всей силы ударила по щеке этого человека, который сейчас был для нее воплощением всего зла, царящего в мире, всего, что она ненавидела, всего, что исковеркало, изломало ее жизнь.

Австралиец отшатнулся, лицо его перекосилось, он стиснул кулаки.

— Осторожно, мадам! — прошипел он. — В таких случаях я не корчу из себя джентльмена!

И, резко повернувшись, он пошел в темноту, в черноту ночи, обступившую его со всех сторон. Потом он больно ударился ногой о скамейку и сел на нее. К горлу подступил комок, и он разрыдался, как мальчишка, не в силах остановиться и только радуясь, что вокруг темно и он один.

Да, он был один, и перед ним был тупик, и некуда было идти дальше, и незачем больше жить. У него уже было однажды такое много лет назад, когда он пришел домой и сказал отцу, что уезжает добровольцем во Вьетнам. И отец с размаху ударил его тяжелой рукой, которую он так любил, которая когда-то делала для него бумажных змеев и игрушечные яхты, а теперь...

— Боб!

Рядом с ним сидела Элинора. Он поспешно вытер рукой глаза, думая, сколько времени здесь эта женщина, принесшая ему столько страданий, и что ей нужно от него сейчас, когда все вокруг так мерзко и он так мерзок самому себе.

— Боб, — мягко повторила Элинора. — Ты должен помочь мне, Боб! Ты должен помочь мне и Питеру.

Он медленно покачал головой.

— Я прошу тебя, Боб, — настойчиво повторила художница. Она помедлила и с усилием добавила: — И тогда у нас все будет как раньше. Помоги мне, Боб.

— Нет!

Теперь он говорил уже почти спокойно и даже насмешливо.

— А ты все играешь в свою игру — в добро и зло. Что он тебе — этот русский?

— Мне?

Элинора замолчала.

Роберт сидел рядом с нею на скамейке и тоже молчал. Он не ждал ответа на свой вопрос — что для нее этот русский. Понимал ли он, что она просила его помочь не русскому — она просила помочь ей, ей и ее любви, любви к нему, к Роберту?

...Полковник Роджерс с удовлетворением хмыкнул и аккуратно положил газету в стопку других, лежащих у него на письменном столе. Все шло как нельзя лучше. Почти все газеты Луиса были полны сегодня фотографиями Николаева. Казалось, будто их фоторепортеры заранее готовились к этой сенсации, ни на минуту не упуская русского из виду с самого первого момента его прибытия в Гвианию.

Вот он предъявляет документы в аэропорту Луиса. Вот он склонился над Стивом Коладе неподалеку от американского посольства. Разговаривает со Стивом во дворе дома его брата. Садится с Гоке Габойе в ленд-ровер. Смотрит, как мимо него ведут малама Данбату. И наконец, выходит из отеля вместе с Прайсом.

«Москва вмешивается в наши дела!», «Нам не нужны инструкторы из-за железного занавеса!», «Остановить проникновение красных в профсоюзы», — кричали аршинные заголовки на первых полосах.

Роджерс одобрительно хмыкнул: только бы не перестарались в выражениях.

Обозреватели, специализирующиеся на вопросах профсоюзного движения, рассуждали о независимости профсоюзов Гвиании, о необходимости держаться подальше от идеологии. Осторожно намекали, что всеобщая забастовка и создание объединенного забастовочного комитета — дело, которое теперь — в свете ареста русского агента — нуждается в тщательном изучении.

«Да, — подумал Роджерс. — Что все-таки значит хорошенько поработать с прессой! Правда, кампанию ведут в основном правые, но...»

Он продолжал просматривать желтоватые, пахнущие типографской краской бумажные простыни.

«Дейли телеграф», славящаяся своим антисоветизмом, требовала немедленно закрыть советское посольство и выкинуть всех русских из страны.

«Мы всегда были против установления дипломатических отношений с Россией!» — с гордостью заявлял в передовой статье ее редактор.

«Дейли таймс», собственность английского газетного короля, старалась выдержать спокойный тон. Ссылаясь на недостаток объективной информации и на законные опасения граждан — не готовили ли красные в стране переворот, первой стадией которого должна была стать забастовка, — газета требовала от министра внутренних дел провести расследование.

Полковник Роджерс довольно улыбался. Лондонские газеты еще не пришли, но в шифровке из центра говорилось, что и газеты, и Би-Би-Си уже широко подхватили сообщение из Гвиании и теперь развертывают мощную кампанию против проникновения Советов в молодые африканские государства.

Телефон на столе зазвонил.

— Алло!

Роджерс спокойно выслушал сообщение, что посольство СССР уже передало правительству Гвиании ноту протеста и потребовало предоставить возможность немедленно установить контакт с Николаевым. Министерство иностранных дел Гвиании обратилось в министерство внутренних дел за разъяснениями.

— Что ж, этого следовало ожидать, — усмехнулся

полковник. — Во всяком случае, с ответом мы спешить не будем.

Он довольно пригладил свои волосы. Все шло по плану. Операция «Хамелеон» благополучно завершалась.

Полковник знал, что по всему городу уже идут аресты и обыски. Хватали функционеров левых профсоюзов, обыскивали их квартиры, конфисковывали бумаги.

Агенты полиции, засланные в ряды профсоюзов, придерживающихся нейтралитета, распускали слухи о «красном заговоре», о готовящемся государственном перевороте.

И все же до того, как полиция опечатала типографию профсоюзов Бора, «красные» успели выпустить и распространить часть тиража своей газеты «Единство». Собственно, это была даже не газета — вышла лишь листовка с подзаголовком «Провокация!». Здесь была напечатана лишь одна статья, и была она написана самим Бора.

Листовку принесли Роджерсу с некоторым опозданием, словно боялись испортить ему настроение. Что ж, основания для этого имелись.

Роджерс внимательно прочел ее один раз, другой. Да, он не отказал бы автору в таланте. Статья была коротка и логична. А главное, она с удивительной точностью раскрывала направление операции «Хамелеон»!

Бора утверждал, что английская разведка решила нанести удар по прогрессивным силам страны и столкнуть Гвианию с пути нейтралитета и неприсоединения. Для этой цели она решила использовать пребывание в стране молодого советского ученого и обвинить его в участии в подготовке всеобщей забастовки. Таким образом, изыскивался повод к разворачиванию антисоветской истерии и давлению на правительство, чтобы заставить его переориентироваться на Запад. Одновременно начиналось широкое наступление реакционных, прозападных сил на левые элементы.

Бора предупреждал, что Конгресс профсоюзов Гвиании с самого начала бдительно следил за подготовкой и ходом операции «Хамелеон» и готов представить правительству и общественности все данные по этому вопросу.

Роджерс нахмурился.

Они знали, оказывается, даже кодовое название

операции — «Хамелеон»! Так вот почему Николаев задержался в аэропорту с проколотым колесом. А «счастливое спасение» Николаева от разбойников около Огомошо? А потом и в Каруне? Значит, все эти американские штучки сорвались из-за того, что левые охраняли этого русского?

Да, это был уже новый, непредусмотренный фактор в ходе операции. Роджерс вздохнул. На мгновение ему стало не по себе, но он сейчас же взял себя в руки. Отступать теперь уже было поздно.

Опять зазвенел телефон.

На этот раз звонил из Каруны Прайс. Это был его второй звонок. Впервые он звонил вчера ночью — после того, как отвез Николаева в загородную тюрьму.

— Как дела? — спросил его Роджерс.

— Не нравится мне вся эта ваша выдумка! — мрачным голосом сообщил Прайс. Он был явно недоволен, что центр приказал ему выполнять все указания Роджерса, и не думал скрывать этого.

— Он в тюрьме?

— В комнате для приезжих, — ехидно ответил Прайс.

— Но у вас же были точные инструкции — обращаться, как с обычным преступником!

Роджерс с трудом сдерживал раздражение.

— Бросьте, полковник! — холодно возразил Прайс. — Вот когда я отсюда уберусь ко всем чертям, пусть тогда белых арестовывают и эти черномазые. Пусть белые сидят с ними в одних камерах и едят ту же самую бурду. Но вы-то меня знаете, Роджерс, я из семьи строителей империи. И при мне ни один белый не будет поставлен на одну доску с черными.

Он помолчал и добавил:

— Надеюсь, я не доживу до этого!

«Старый осел! Болван!» — обругал его про себя полковник.

— Прайс! Алло, Прайс! — сдерживаясь уже изо всех сил, сказал он в трубку.

— Слушаю, — сухо отозвались на том конце провода.

— Нашли ли при нем какие-либо бумаги, письма?

— Письмо от Стива Коладе. Бред какого-то старика.

— Отлично! А еще что-нибудь?

— Паспорт. Рекомендательное письмо профессора Нортонa с просьбой оказывать содействие.

— И все?

— Он потребовал немедленно связать его с посольством.

Роджерсу послышалось в голосе Прайса злорадство.

«Хорошо, что этот старый идиот не знает всей схемы операции! Вот бы наломал он нам дров!» — подумал полковник.

— Подождем, — спокойно сказал он в трубку. — А что мисс Карлисл?

— Вчера осматривала город. Рынок, мечеть и все такое. На завтра заказала билет на самолет в Лондон.

— А предсмертное письмо доктора Смита? Где оно?

На том конце провода послышалось невнятное ворчание.

— Слушайте, Прайс! — не сдержался полковник. — Мне наплевать на ваши эмоции. Но письмо **это** нужно и нам и американцам!

— У художницы его нет! — твердо сказала трубка.

— Я знаю. Она передала его русскому, чтобы сделать фотокопии! Но у русского вы ничего не нашли. Вы должны достать его во что бы то ни стало. Вы слышите меня, Прайс?

— Слышу. И прекрасно понимаю.

Прайс помолчал.

— Сегодня американцы дважды чуть было не угробили вашего русского. И все из-за этого письма. Они до смерти боятся, что вся эта история с плато Грос попадет в газеты. Вы только представьте — мы начинаем возню с русским, а в это время выясняется, что американцы испытывают на гвианийцах бактериологическое оружие. Причем в таких масштабах, что даже один американец не выдерживает и кончает жизнь самоубийством!

В голосе Прайса было злорадство:

— Слухи об этом уже ходят по всей Каруне. По нашим данным, красные хотят распространить **это** письмо в листовках.

Роджерс стиснул телефонную трубку: именно этого-то он и опасался!

Прайс вздохнул и сказал примирительно:

— Извините, полковник. Американцы, как всегда,

нагадили нам и здесь. Но об этом мы с вами еще найдем время поговорить. Когда окажемся без работы!

Прайс хохотнул, довольный собственным остроумием.

— Кстати, «Хамелеон» вылетает к вам частным самолетом Д-127.

Трубка легла на аппарат. Полковник задумался.

Где же письмо и фотокопии? Ведь русский ни с кем не встречался с того момента, как вошел в номер.

Нда... дела! Теперь будет неприятный разговор с Девонем. Начнет обвинять в невыполнении условий. Впрочем, американцы сами нарушили эти условия — ведь договорились же, что они не будут соваться к русскому. Идиоты!

Опять внутренний телефон...

— К вам пришел профессор Нортона, сэр.

Профессор Нортона пользовался большим авторитетом и уважением не только в университете. Даже сэр Хью предпочитал с ним не ссориться. «Это только начало! — подумал Роджерс. — Хлопотливые наступают деньки!»

— Пусть идет, — вздохнул полковник.

Профессор взобрался на третий этаж гораздо быстрее, чем на это рассчитывал Роджерс.

Он без стука вломился в дверь, задыхаясь и вытирая толстой ладонью ручки пота, текущие со лба.

Роджерс встал ему навстречу:

— Дорогой профессор! Вы у нас такой редкий гость. Чем могу служить?

— Уф! — шумно выдохнул профессор, не замечая протянутой ему руки, и тяжело плюхнулся в кресло, поближе к кондишену.

«Ладно, — отметил про себя Роджерс. — Так даже лучше».

Он вернулся к столу и сел на свое вертящееся, обитое пластиком кресло.

— Итак, чем могу быть полезен, профессор? — повторил он опять — уже официальным тоном.

Профессор уставился на собеседника свирепым взглядом:

— Не прикидывайтесь идиотом, мистер Роджерс!

— Я попросил бы вас выбирать выражения, сэр. Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей!

Но Нортон не обратил на это никакого внимания.

— Где мои ребята? — прорычал он.

— Вам следовало бы обратиться с этим вопросом в министерство внутренних дел независимой Республики Гвиании! — с усмешкой парировал полковник, напирая на слово «независимая».

— Да? — профессор посмотрел на него с ироническим интересом.

— Да, — твердо, не замечая иронии, ответил Роджерс.

— И вы здесь ни при чем?

Профессор зло рассмеялся. Жирным подбородком он кивнул на стопку газет, лежащих на столе.

Роджерс молчал, лицо его было непроницаемо.

— А что вы скажете, если я напому вам об одном разговоре, который вы затеяли со мною еще так с месячишко назад, а? Вы кое-что просили меня сделать — во имя патриотизма и демократии. Что вы на это скажете, дорогой сэр?

Лицо Роджерса оставалось бесстрастным:

— Я скажу, что такого разговора не было, сэр!

Он встал:

— Если у вас разговор только на эту тему, то... извините. Я очень занят.

— Ах так... так...

Профессор задышался от ярости.

— Тогда... тогда...

С неожиданной для такого тучного тела быстротой он вскочил на ноги, толкнул дверь плечом и выбежал из кабинета.

Полковник перевел дух. Этот визит не сулил ничего хорошего. Роджерс прошелся несколько раз по комнате, чтобы успокоиться.

— Ну и черт с ним! — в конце концов решил он. — До завтра он все равно ничего не сумеет сделать. А завтра... завтра будет уже поздно!

Подумав немного, он снял телефонную трубку, набрал номер.

— Алло! — голос его был жесток. — Сообщите в пункт Ц, чтобы человек, который вылетит частным самолетом Д-127, явился сегодня вечером в 9.30 на место встречи у парка Дикойи.

Роджерс посмотрел на часы. Был уже полдень, время ленча. Обычно полковник отправлялся на ленч

не домой, а в «Тамтам», небольшой и тихий ресторанчик, расположенный поблизости, на той же улице, что и верховный комиссариат.

Ресторан содержали два брата-ливанца, и он пользовался успехом: здесь всегда было свежее пиво, доставляемое ежедневно из Англии самолетом. Пиво было дорого, да и цены на все остальное были здесь очень высоки.

Как всегда, в ресторане было полутемно и прохладно. С десятков столиков стояло между обрезков тонких пальмовых стволов, на которых висели старые рыбацкие сети.

Красные лампы, прикрытые резными чашами колебасов, бросали с потолка причудливые блики.

Полковник пожал руку хозяину, толстеющему молодому человеку, стоявшему у двери, и прошел к стойке бара, где было два-три свободных табурета. Здесь он обедал каждый день.

— Бифштекс и пиво, — бросил он, усаживаясь на высокий неудобный табурет.

— Йе, са... — выдохнул бармен в красной куртке и, обернувшись к окошечку в стене позади себя, торжественно объявил:

— Бифштекс и пиво для мистера Роджерса!

В ожидании бифштекса полковник неторопливо потягивал пиво, холодное и густое, когда вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд и резко обернулся. За столиком в углу сидел Глаголев. Встретившись взглядом с Роджерсом, Глаголев неторопливо допил пиво, бросил в рот горсть соленых орешков из стоявшего перед ним блюдечка, встал и направился к нему.

Полковник Роджерс знал этого русского. Консул Глаголев частенько бывал по служебным делам у сотрудников верховного комиссариата Великобритании. Встречались они и на дипломатических приемах.

— Хэлло, мистер Роджерс! — весело произнес Глаголев. — Не возражаете?

Он кивнул на пустой табурет у стойки.

«А теперь русские, — с тревогой подумал Роджерс. — Разговор первый, но, видать, не последний».

И сразу же перешел в наступление.

— Если хотите поговорить о Николаеве, к сожалению, ничем помочь не могу. Обратитесь к гвианийским властям.

Неожиданно для самого себя Роджерс почувствовал, что нервничает.

«Странно, — подумал он. — Что это со мной? Наверное, устал. Устал, и сказывается климат».

— Пива, — коротко бросил бармену Глаголев, судя не расслышав сказанного англичанином.

Он неторопливо, с наслаждением отхлебнул из высокой кружки, улыбнулся. Улыбка была спокойной, уверенной.

«У него в крови наверняка есть что-то татаро-монгольское», — отметил про себя Роджерс. Он ждал, что русский вот-вот начнет говорить о том, о чем, надрываясь, кричали сегодняшние газеты. Но русский молча пил пиво, аккуратно сдувая пышную пену. Потом он неторопливо достал и закурил сигарету, глубоко затянулся. И вдруг насмешливо улыбнулся, прямо в бесстрастное лицо полковника:

— Итак, значит, вы ничего не знаете обо всей этой истории с Николаевым?

Он встал, сунул сигареты в карман:

— Ведь мы же с вами уже давно взрослые люди, мистер Роджерс. И отлично понимаем, откуда и какой дует ветер.

Он слегка поклонился и твердым шагом пошел к выходу.

Полковник вежливо кивнул в ответ и поднес кружку к губам. Пиво показалось ему безвкусным; неприятно теплым.

И опять он подумал, что операция идет как-то не так.

Когда он вернулся к себе, ему доложили, что полчаса назад в штаб-квартире профсоюзов хаджи Имола окончилась срочная встреча руководителей объединенного забастовочного комитета.

В отличие от штаб-квартиры Конгресса профсоюзов Гвиании здесь было все солидно и респектабельно. Здание было трехэтажное, недавно отремонтированное. У подъезда — стоянка для машин, неоновая вывеска. Внутри — современная металлическая, оклеенная пластиком мебель, цветные телефоны. Кинозал, зал для совещаний, кабинеты.

Хаджи Имола не скрывал своих связей: на стенах

его кабинета висели портреты президента США, американских профсоюзных боссов.

Лицо хаджи Имола, сидевшего под портретом американского президента, было, как всегда, совершенно бесстрастно. Зеленая чалма, тонкие правильные черты, пепельная кожа. Он молча смотрел перед собой холодными, выцветшими от старости глазами и, казалось, не замечал возбуждения, царившего в комнате.

Растерянно что-то говорил окружавшим его соратникам толстяк Адесанья. Он уже предчувствовал неприятные объяснения с лидерами международной католической организации профсоюзов: ничего себе — оказаться в одной компании с красными, да еще, как выясняется, под прямым руководством русского агента!

— Ох, этот Бора! — говорил Адесанья. — Недаром полиция разыскивает его по всему городу.

Старик Димоду кипел от ярости.

— Такими полумерами, как забастовка, ничего не добьешься! — потрясал он костлявым кулаком. — Восстание! Восстание и восстание! Они начали с разгрома профсоюзов Бора, потом придет очередь Рабочего союза, а потом...

Старик кивал на бесстрастного хаджи Имолу.

Шум все разрастался. Здесь были лидеры и функционеры лишь трех профсоюзных центров — из Конгресса профсоюзов Гвиании не было никого.

Хаджи Имола, решив, видимо, что дольше ждать бесполезно, встал.

— Товарищи! — еле слышным голосом начал Хаджи.

Димоду демонстративно хмыкнул.

— Товарищи! — тверже повторил Имола. — Я взял на себя инициативу собрать это совещание, потому что товарищ Бора, председатель нашего комитета, судя по всему, арестован.

Он обвел собравшихся взглядом. Все молчали.

— Вы знаете, что, как сообщают газеты, лидеры Конгресса профсоюзов Гвиании оказались связаны с русскими. Я не хочу верить в это, как не хочу верить и в то, что наша всеобщая забастовка должна была послужить политическим планам Москвы.

Он резко повернул голову к Димоду.

— Товарищ Димоду, ваш Гоке Габойе поехал на Север. Где он сейчас?

Димоду молча пожал плечами.

Тень торжества мелькнула на лице хаджи.

— Все мы знаем, — продолжал он, — что Николаев помог Стиву Коладе там, у американского посольства. Они были друзьями. Гоке тоже был хорошо знаком с Николаевым. И видимо, не случайно они оказались на Севере одновременно, все трое.

Он помолчал, подчеркивая этим значение своих слов.

— Так вот... У меня есть сведения, что Стив Коладе и Гоке Габойе арестованы.

— Провокация! — вскочил с места горячий Димоду.

Хаджи поднял руку:

— Мистер Димоду, арестовывают лишь лидеров Конгресса профсоюзов Бора и кое-кого из ваших сторонников. Если вы хотите, чтобы власти разгромили все профсоюзные объединения Гвиании, вы можете протестовать. Но я не позволю, чтобы трудящиеся, входящие в мое объединение, лишились своей организации из-за вашей безответственной политики!

— Вы всегда были оппортунистом, мистер Имола! — старик Димоду говорил дрожащим от ярости голосом. — Я знаю, к чему вы ведете. Вы и раньше были против всеобщей забастовки. Но вы знали, что, если вы выступите против забастовки открыто, вам придет конец. Рабочие пойдут за мной, за Бора. И теперь вы хотите использовать эту провокацию, чтобы еще раз доказать лояльность своим американским хозяевам!

— Я прикажу вас выкинуть вон! — спокойно сказал Имола. — Вы авантюрист, готовый ради собственных амбиционных планов поставить под удар все рабочее движение Гвиании.

— Предатель!

Димоду вскочил. Его люди вскочили и окружили старика плотной стеной.

Сторонники хаджи бросились к своему лидеру.

— Господа! Товарищи! — растерянно крикнул католик Адесанья. — Так нельзя...

— Да, так нельзя! — раздался спокойный и насмешливый голос, и порог перешагнул Бора.

Его побитое оспой, мясистое лицо было весело, глаза возбужденно искрились.

— Ого! Вы, я вижу, тренируетесь для предстоящих боев с полицией? Тогда я напоминаю вам, что послезавтра, когда наши колонны пойдут к центру города,

мы не должны поддаваться ни на какие провокации. Забастовка — это забастовка, а не вооруженное восстание!

— Ты... не арестован? — спросил кто-то неуверенным голосом.

— Как видишь! — рассмеялся Бора. — А кто вам сказал эту чушь?

Димоду злобно посмотрел на хаджи Имолу.

Бора перехватил взгляд Димоду.

— Ого! «Номер один», как всегда, кипит!

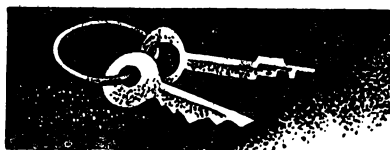
Он подошел к старику и положил ему руку на плечо:

— Спокойнее, товарищ Димоду.

И, обведя взглядом присутствующих, добавил:

— Что ж! Заседание объединенного забастовочного комитета продолжается.

Глава 34

Начальник тюрьмы пришел к Петру утром, важный, затянутый в светло-зеленый мундир, отглаженный до блеска. Короткие штаны тоже были наглажены до того, что они стояли колоколом. Гетры на толстых кривых ногах были белоснежны, а тяжелые солдатские ботинки блестели, как антрацит.

Под мышкой он держал стек.

Приложив руку к козырьку фуражки, он представился и с любопытством оглядел Петра, затем осведомился, нет ли каких претензий.

Лишь перед самым утром Петру все-таки удалось заснуть, часа на два-три, но сейчас он чувствовал в себе исключительный подъем: он уже принял решение: бежать, бежать во что бы то ни стало. Связаться с Гоке, со Стивом. Они помогут ему добраться до посольства. Но пока необходимо спокойствие, полное спокойствие.

Петр сладко потянулся:

— Претензии? Да у вас здесь настоящий санаторий!

Толстяк щелкнул каблуками. Похвала Петра ему явно пришлась по душе.

— Кстати, имеют ли право заключенные на прогулку перед завтраком?

— Но ведь вы же не арестованный, — поспешил уточнить начальник. — Вы даже не в камере, а в комнате для гостей. У нас на этот счет есть инструкции от самого комиссара Прайса!

— Гость!

Петр улыбнулся — так искренен был начальник тюрьмы.

— И часто у вас бывают гости?

— Часто! Пожалуй, даже слишком часто, — затопился толстяк, обрадованный возможностью изменить направление разговора. — У нас ведь образцово-показательная тюрьма.

Эта тема явно была его любимой. Он прошел в комнату, снял фуражку, клетчатым платком вытер голый череп и уселся в кресло.

— Наша тюрьма — без стен!

Он помолчал, наслаждаясь удивлением Петра.

— Да, да! Вы вчера въехали в ворота, не правда ли? Петр кивнул.

— Так вот, у нас здесь тюремное — только ворота. И конечно, караульное помещение. Но вы посмотрите... — он сделал жест в сторону окна, — кроме ворот, ничего: ни колючей проволоки, ни забора. Кругом только саванна.

— И не бегут?

Толстяк всплеснул руками:

— Что вы! За десять лет был один случай. И то заключенный вернулся через день. Сам.

На его лице была гордость.

Петр улыбнулся.

Толстяк ухватился за эту улыбку. Он поспешно вскочил на ноги:

— Не верите? Нет, я вижу, что вы не верите! Тогда... знаете что? Давайте пройдем по территории, посмотрите сами. Я сейчас выйду, а вы одевайтесь.

Он поднес к глазам волосатую толстую руку с часами.

— Через четверть часа я вас буду ждать во дворе, а?

И Петр не успел ничего ответить, как толстяк, словно колобок, выкатился из комнаты на своих кривых ножках.

Петру действительно стало любопытно.

«Разве еще когда-нибудь в жизни удастся увидеть африканскую тюрьму? — весело подумал он, начиная одеваться. — Да еще такую... образцово-показательную...»

Он сунул руку в нагрудный карман рубахи... Потом заглянул под кресло, на котором она висела, на кресла вокруг. Сомнений не было: запись беседы со стариком из Бинды пропала.

Ему опять стало не по себе. Всю ночь он пытался разобраться в том, что произошло. Это было дико, нелепо. Арест без всяких на то оснований. И вспышки блицев, газетчики.

И правильно ли поступил он в саванне, отказавшись от возможности бежать? Ведь наверняка вся эта история задумана с провокационной целью. Но, может быть, ее организаторы и рассчитывали, что он попытается бежать?

Он сразу же заявил о пропаже письма, как только очутился во дворе, лицом к лицу с начальником тюрьмы. Тот внимательно выслушал Петра и надул щеки. Ему было неприятно говорить на эту тему — он даже и не пытался скрыть это.

— Да, сэр...

Он снял фуражку, вытер платком лысину.

— Это не сотрудники тюрьмы. Пока у нас нет документов на ваш арест, вы не считаетесь арестантом. Но...

Он понизил голос:

— Ночью приезжали люди из разведки, из отдела борьбы с коммунизмом. Это их рук дело.

И чтобы окончательно убедить Петра в своей непричастности к пропаже, добавил:

— Вы, наверное, не знаете, что тюрьмы в Гвиани относятся даже не к министерству внутренних дел, а к министерству социального обеспечения.

— Мне от этого не легче, — буркнул Петр, но сейчас же сам себя одернул: «Действительно, при чем здесь этот добродушный толстяк? Он сам чувствует себя не в своей тарелке. Наверняка ведь протестовал против того, чтобы меня ему навязали без ордера на арест. Небось за всю свою службу не допустил ни одного нарушения тюремного устава, а тут...»

— Вам скоро на пенсию? — спросил он толстяка и тут же спохватился: еще, чего доброго, обидится!

Но толстяк, против ожидания, не обиделся. Наоборот, он весь просиял:

— Через год и четыре месяца!

И Петр вспомнил, что где-то читал, что государственная пенсия в африканских странах была пределом мечтаний многих, и счастливым, имевшим ее, все завидовали.

Теперь, решив, что инцидент с пропажей исчерпан, начальник тюрьмы выступил в роли, которая, видимо, ему чрезвычайно нравилась: в роли гида.

Он провел Петра по асфальтированной дорожке через тенистый садик, прикрытый раскидистой акацией, на просторную квадратную площадь, образованную одноэтажными домиками под крышами из рифленого железа.

Вокруг площади шли асфальтированные дорожки, окаймленные аккуратно подстриженными зелеными изгородями. Несколько человек в коротких белых штанах, в широких белых рубахах навыпуск и в белых шапочках подметали дорожки, подравнивали изгородь. Другие заравнивали спортивные площадки, устроенные тут же, на площади: теннисные корты, площадки для баскетбола и волейбола. Человек пять дымящимися и стрекочущими машинками подстригали траву на футбольном поле.

— А здесь у нас библиотека, — сказал толстяк и свернул с главной дорожки на боковую, к одному из домов под рифленой крышей. Они прошли мимо заключенных-садовников, те молча поклонились им в пояс, вошли в дом.

Сразу же за входной дверью тянулся массивный прилавок, возле которого хлопотал гвианиец в одежде заключенного. Он вежливо поздоровался, но не поклонился. Лицо его было интеллигентным. На Петра он посмотрел без всякого любопытства и отвернулся, склонился над какой-то рукописью, которую, видимо, правил перед их приходом.

За прилавком тянулись ряды полок с книгами. Двое или трое заключенных бродили между полками, выбирая себе книги.

— Как «Феникс»? — спросил толстяк библиотекаря.

— Завтра сдадим на рогатор, — ответил тот.

Начальник тюрьмы с гордостью посмотрел на Петра:

— Мы издаем здесь журнал «Феникс». Заключенные

сами пишут материалы, сами редактируют, сами печатают.

Они вышли из библиотеки.

— А ведь почти все, кто попадает сюда, не умеют читать,— продолжал начальник.— Я с Юга, там у нас совсем иное дело. А здесь...

Он печально махнул рукой:

— Здесь эмиры. Многие даже запрещают посылать детей в школы. Да что в школы!— Он понизил голос:— Вы видели библиотекаря? Так вот — человек учился в колледже в Англии. А здесь на десять лет. Думаете, за что? Убийство? Никак нет! Вздумал выступить против своего эмира на выборах. Вот его и приговорил эмирский суд — он здесь называется «суд алхаджи», то есть старейшин,— к десяти годам за оскорбление эмира.

Толстяк неодобрительно покачал головой:

— Там, в Луисе, на Юге, есть только один суд — государственный. А здесь все гораздо сложнее. Здесь две власти — государственная и власть эмиров.

И опять он покачал головою с неодобрением:

— Когда лорд Дункан завоевал эти края, он посадил на место воевавших против него эмиров своих собственных, выбранных им лично из покорившихся вождей. И оставил им власть прежних эмиров. Это здесь называлось косвенным управлением. Англичанам-то эмиры подчинялись, а вот после получения независимости дела пошли хуже. Эмиры предпочитают жить по своим собственным законам.

Они шли вдоль выстроенных словно по линейке домов.

— Школа,— говорил толстяк и вел Петра к домам, из открытых окон которых доносился хор мужских голосов, повторявших что-то за учителем.

— Места для молений. Христиане — отдельно, мусульмане — отдельно. А там мастерские. Мы даем специальности электриков, слесарей, токарей, шоферов и даже... — толстяк помедлил, — и даже специалистов по ремонту радиоприемников и телевизоров!

— А теперь позавтракаем, — предложил толстяк, неожиданно взглянув на часы.— Я приглашаю вас.

Весь день они провели вместе. Вместе и обедали и ужинали. Казалось, начальник тюрьмы имел строгое указание ни на секунду не оставлять Петра одного.

Они почти закончили ужин, когда дверь отворилась

и на пороге появился советник Прайс. Он был пьян — это Петр сразу понял.

Лошадиное лицо англичанина было багровым, он тяжело дышал, раскрывая по-рыбий рот. Легкий серый костюм обтягивал его костлявую фигуру, белоснежная рубаша расстегнута, фиолетовый галстук съехал набок.

Он обвел мутным взглядом кабинет.

Толстяк поспешно вскочил и вскинул руку к козырьку, но Прайс от него отмахнулся.

— Добрый день, — поклонился он Петру и прислонился к дверной притолоке. — Добрый день, сэр.

Петр встал:

— А... дорогой хозяин! Вы пришли справиться о том, как я отдохнул? Не правда ли? А сейчас мы с вами будем играть в бридж?

Прайс усмехнулся:

— А вы мне нравитесь, дорогой мистер Николаев. Вы неплохо держите себя. Как настоящий англичанин.

Он перевел налитые кровью глаза на начальника тюрьмы:

— Мистер Ота, теперь уже я буду заботиться о моем друге. Со мною ему будет спокойнее.

— Йе, са, — вытянулся толстяк. — Очень жаль, са.

— Жаль?

Прайса качнуло:

— Мало ли чего жаль мне, а?

Он попытался дружески улыбнуться Петру:

— Правда, сынок? Мне, например, очень жаль, что приходится таскать вас по всей этой вонючей саванне. Но... — он театрально развел руками, — самолет подан, сэр. Прошу!

Глава 35

Утреннее солнце светило прямо в окно кабинета верховного комиссара Великобритании, но шторы были не задернуты, и полковник Роджерс чувствовал себя не в своей тарелке.

Он до сих пор так и не привык к гвианийскому солнцу. Он любил тень, мягкий, рассеянный свет. И сейчас

чувствовал себя будто на эстраде под лучами мощных прожекторов.

Полковник нервничал. Зато сэр Хью был сух и спокоен, как всегда. Но сегодня его спокойствие особенно бесило Роджерса. Операция «Хамелеон» вступила в стадию завершения, однако все шло не так, как было задумано. Ордера на арест левых профсоюзных деятелей неожиданно были аннулированы канцелярией президента. И люди Роджерса в полиции и контрразведке не смогли добиться отмены президентского решения. Плохой признак, и Роджерс не успокаивал себя в этом отношении. Он и раньше не настраивался на легкую победу — борьба есть борьба. Тем более что в последние годы работать в Гвиании становилось все труднее и труднее. На смену тем, с кем Роджерс давно уже нашел общий язык, верой и правдой служившим Англии еще в колониальное время, постепенно приходили новые люди, с иными идеями и понятиями. Но даже известные своей преданностью «старики» начинали поговаривать о «партнерстве», о «равенстве сторон». Разговоры о социализме велись открыто, капитализм становился бранным словом. И хотя речь шла отнюдь не о социализме Маркса, а о некоем «африканском социализме», Роджерс предвидел, что вскоре пойдет речь и о марксизме.

Но «левая опасность» не слишком пугала Роджерса. Он оценивал ее со всей серьезностью, он внимательно следил за действиями левых, как врач, ждущий, пока нарыв созреет, чтобы оперировать его.

И вот теперь этот момент настал: удар, который будет нанесен операцией «Хамелеон», должен надолго остановить этих левых.

Правда, вчера на заседании объединенного забастовочного комитета Бора сумел убедить профсоюзных лидеров не отменять забастовку. Откровенно говоря, полковник надеялся на обратное.

Этого не произошло. Что же, значит, это произойдет сегодня вечером. Да, сегодня вечером министерство внутренних дел созывает пресс-конференцию, на которую приглашены и профсоюзные лидеры. В том числе и Бора. Жаль, конечно, что «Хамелеона» придется расшифровать. Агент с безупречной репутацией и хорошо внедрен. Но за крупный успех надо крупно платить.

Роджерс выжидательно смотрел на молчавшего сэра Хью. Конечно же, этот старый дипломат ему завидует:

о заговоре красных в Гвиании сейчас трубит весь мир! И все это задумано было им, Роджерсом.

Пусть теперь сэр Хью твердит, что, по его мнению, они в этой игре несколько перестарались. Победителей не судят! А что русские будут протестовать, этого следовало ожидать.

Правда, порой Роджерсу все больше казалось, что Глаголев кое-что знал об операции «Хамелеон», когда улыбался ему в ресторане «Тамтам». Но Роджерс отгонял от себя эту мысль.

— Итак, вы считаете, что ничего страшного нет?— задумчиво произнес наконец сэр Хью.— А левая пресса? Она подозрительно сдержанна, будто хранит что-то про запас.

Его кустистые брови сдвинулись:

— Вы уверены, что не случится чего-нибудь неожиданного?

Сэр Хью многозначительно замолчал.

«Наверняка Прайс звонил и ему»,— подумал Роджерс и усмехнулся. Да, вчера он изрядно понервничал из-за письма этого свихнувшегося американца. Но сегодня утром он получил сообщение, что оно в надежных руках. В Каруну уже отправлен самолет.

Роджерс сдержанно склонил голову:

— Я никогда не гарантирую сто процентов, сэр. И даже сегодня я рассчитываю... ну-у, процентов на девяносто пять.

— Это почему же?

В глазах сэра Хью мелькнуло хмурое любопытство.

— Жизненный опыт...

Сэр Хью вздохнул и встал:

— Что ж, желаю успеха, дорогой полковник!

Роджерс тоже встал и учтиво поклонился.

«Если что-нибудь пойдет не так, он первый будет радоваться моему падению»,— подумал полковник, и мысль об одиночестве резанула его. Да, он стареет. Пока он на высоте, пока он не изведal поражения, никто не скажет ему об этом. Но сколько людей вокруг только и ждут, чтобы он оступился! И тогда они будут с наслаждением топтать его, вымещая всю свою многолетнюю зависть!

Вернувшись в кабинет, он сразу взялся за телефонную трубку.

— Как русский?— спросил он сотрудника отдела по борьбе с коммунизмом.

— Комиссар Прайс своим самолетом доставил его в Луис и отвез к себе на виллу,— доложил тот.— Второй самолет благополучно приземлился в зоне А под Каруной.

— Комиссар... пьян?— спросил Роджерс и тут же пожалел о своем вопросе. Обсуждать с гвианийцами, пьян ли английский офицер? Нет, он, Арчибальд Роджерс, все-таки волнуется — иначе он не задавал бы глупых вопросов.

— Да, сэр!— помедлив, ответила телефонная трубка.— Но мы расставили своих людей вокруг виллы.

Что же, в конце концов это даже хорошо, что русский у Прайса, а не в тюрьме. Потом он не сможет жаловаться на плохое обращение. Этот Прайс соображает на несколько ходов вперед, не то что американцы!

Роджерс поморщился. Неприятное объяснение с Девонем все-таки состоялось вчера вечером, на нейтральной территории, на пляже.

Резидент ЦРУ обвинял его в том, что он скрывает письмо покойного Смита.

— Вы нарушаете нашу договоренность!— говорил он, и лицо его было краснее помидора.— Но это не шахматы, дорогой коллега. И если вы рассчитываете на этот раз сыграть конем и выкинуть из игры заодно и нас, то вы просчитаетесь. Письмо Смита — это оружие и против вас. Хотите ли вы или нет, мы с вами связаны одной веревочкой, и красные оттанцуются за испытания на плато Грос не только на Штатах, но и на старушке Англии.

Огромные волны с грохотом обрушивались на песок, заглушая их голоса. Резко кричали чайки. Ветер хлопал циночками — крышами купальных кабинок. Пляж был грязен и пуст.

Роджерс молчал, давая выговориться американцу, и с наслаждением вдыхал влажный соленый воздух. Потом, когда Девон замолчал, заговорил он:

— Так вот почему вы нарушали нашу договоренность, а? Дружба дружбой, а денежки врозь?

Американец хмуро смотрел на него, его бульдожьих челюсти были крепко стиснуты.

— Сначала вы пытались вывести Николаева из игры, чтобы сорвать нам операцию «Хамелеон» и посмот-

реть, насколько наши позиции в Гвиани ослабнут после всеобщей забастовки. Когда же я припугнул вас письмом Смита, вы дважды пытались добыть его. Мало того, вы хотели убить разом двух зайцев. И добились бы своего, если бы вашим людям удалось угробить Николаева в Каруне.

Девон неожиданно улыбнулся:

— Что ж! Хотите ничью, полковник? Вы приперли меня к стене, особенно если письмо Смита у вас в руках. Но и у нас есть еще кое-что в запасе. Операция «Хамелеон» ведь еще не закончена.

Тогда Роджерс лишь усмехнулся в ответ.

И сейчас, когда все фигуры на шахматной доске были расставлены по местам, он чувствовал себя все увереннее! Письмо находилось у Роберта Рекорда, а значит, в надежных руках!

За целый день Прайс уже смертельно надоел Петру, и Петр не думал этого скрывать. Прайс пил с утра. Время от времени он входил в комнату, которую «уступил» Петру на время, усаживался в кресло и начинал изливать душу. Этот пожилой, потрепанный жизнью человек откровенно скорбел о старых добрых временах, когда в колониях был «порядок» и жизнь шла легко и безоблачно.

— Все началось с косвенного управления,— бубнил он угрюмо, не глядя на Петра.— Дункан был умный человек. Он писал, что ни в коем случае неграм нельзя давать в руки оружие. А сам хотел править руками черных и тем самым сохранял в их руках какую-то власть. Вот и дождались. Конечно, и сейчас они выполняют мои приказания. Но раньше стоило приказать один раз, и все исполнялось, а теперь приходится повторять раз десять!

В шесть часов вечера Прайс вошел в спальню довольно трезвым.

— Мистер Николаев,— сказал он официальным тоном.— Через полчаса начинается пресс-конференция, которую организует министерство внутренних дел.

Он испытующе посмотрел на Петра:

— Думаю, что вам будет интересно. Это касается вас. Если хотите,— он сделал жест в направлении двери,— вы можете посмотреть все это по телевизору. Итак, я жду вас в холле.

И вот теперь Петр сидел в глубоком и удобном кресле напротив большого телевизора. В другом кресле сидел Прайс со стаканом виски в руке.

Дикторша объявила, что через минуту будет включен пресс-холл отеля «Хилтон», самого большого в Луисе. У Петра пересохло в горле.

Сначала операторы показали фасад отеля с подъезжающими к нему машинами. Затем пошла реклама туалетной бумаги «День за днем» и автомобилей «форд», поливитаминов и банка «Чейз Манхеттен». Потом дикторша сообщила, что никогда ни в одном из отелей Луиса еще не бывало такой конференции, и заодно рассказала об удобствах, ожидающих тех, кто остановится в отеле «Хилтон».

Наконец на экране появился пресс-холл. Ряды стульев, расставленных перед низкой эстрадой, были уже заняты журналистами, профсоюзными функционерами и просто публикой.

Люди толпились у стен — мест на всех не хватило. Было много белых. Журналисты громко переговаривались, улыбались, предвкушая интересную работу.

— Ассошиэйтед Пресс,— сказал Прайс, кивая на появившегося на экране толстощекого здоровяка.— А тот, унылый,— из Рейтер. Этот — Би-Би-Си.

Он знал журналистскую братию в лицо. Это он давал им въездные визы.

А оператор тем временем показывал панорамой лица присутствующих крупным планом.

— Профсоюзники,— сказал Прайс, когда на экране появилось лицо незнакомого Петру старика в чалме.— Хаджи Имола. Вон тот, череп, обтянутый кожей,— Димоду. Толстяк — Адесанья. А вот и ваш друг Бора. Узнаете?

Петр пожал плечами. Он видел эти лица один раз — на приеме у брата Стива. Ну и что из этого?

На эстраду из зала легко поднялся молодой стройный гвианиец в строгом темном костюме. Он подошел к краю эстрады и поднял руки, призывая к тишине.

— Леди и джентльмены!— закричал он, и шум стал стихать.

— Чиновник по связи с прессой. Министерство внутренних дел,— буркнул Прайс.

— Леди и джентльмены!— еще раз прокричал чиновник.— Министерство внутренних дел поручило мне встретиться с вами и ответить на все ваши вопросы.

Он постучал ногтем по микрофону на длинной блестящей ножке, затем привычно подогнал его под свой рост.

— Для начала позвольте мне огласить заявление соответствующих органов относительно задержания подданного Советского Союза мистера Николаева.

Зал загудел. Блеснули вспышки фоторепортеров. У самой эстрады возилось несколько гвианийцев-техников, проверяя записывающую аппаратуру, на которой пестрели значки Би-Би-Си, «Голоса Америки» и других крупных радиокорпораций.

— Почему в зале нет мистера Николаева?— крикнул кто-то, и сейчас же оператор показал мясистое, побитое оспой лицо Бора. Он уверенно улыбался.

— Прошу не перебивать меня!— привычно парировал чиновник.— Вы сможете задать вопросы после.

Он достал из внутреннего кармана пиджака листок бумаги и откашлялся.

В этот момент четверо служащих отеля, пробившись через переполненный зал, втащили на эстраду небольшой столик и три кресла, установили на столике телефон.

Прайс усмехнулся:

— Ослы! Обязательно что-нибудь у них недоделано!

Он повернул голову к Петру, словно надеясь, что тот его поддержит. Но Петр не отрывал взгляда от экрана. Холод сковывал его внутри. Сердце билось гулко, он отчетливо и болезненно ощущал каждый его удар. Это был не страх, не волнение. Это было холодное бешенство. Ему казалось, будто он стоит там, перед всеми, со связанными руками и заткнутым ртом. И каждая фраза чиновника была как удар по лицу, от которого он не мог защититься. А чиновник тем временем, медленно, старательно выговаривая слова, читал документ, утверждающий, что он, Петр, занимался здесь подготовкой всеобщей забастовки и государственного переворота. Приехав в Гвианию, он немедленно установил контакт с левыми, которые даже приурочили к его приезду разгром посольства США, чтобы показать свою решимость и возможности. Затем, поддерживая тесную связь со Стивом Коладе и Гоке Габойе, он предпринял поездку

на Север, где принял личное участие в подготовке заседаний забастовочного комитета Каруны.

Через родственников некоторых высокопоставленных лиц (чиновник тактично помолчал) мистер Николаев пытался оказывать влияние на принятие некоторых государственных решений. (Опять многозначительная пауза.) Соответствующие органы располагают фактами, доказывающими вмешательство мистера Николаева во внутренние дела страны, которые они готовы предъявить судебным инстанциям.

Чиновник кончил читать, отошел от микрофона и уселся в кресло возле столика, вытянув ноги в узких брюках и полосатых носках. На эстраду быстрым шагом вышел служитель. Он снял микрофон с длинной ножки и поставил его на столик перед чиновником. Тот важно кивнул. По залу сновали другие служители, раздавая опечатанный на листках текст заявления. Корреспонденты-иностранцы делали какие-то наброски на листках бумаги, и их помощники из гвианийцев со всех ног устремлялись к выходу.

— Леди и джентльмены, вы можете задавать вопросы,— объявил чиновник, наклоняясь к микрофону.

И Петр почувствовал вдруг, что судорожно вцепился в ручки кресла, словно приготовившись к тому, что сейчас должно случиться: на него надвигалось нечто безликое, жестокое, холодное, страшное своей неотвратимостью.

«Неужели ничего нельзя сделать?— в отчаянии подумал он.— Остановить весь этот спектакль, помешать всей этой скверной истории!»

Ему даже на мгновение показалось, что все это происходит с ним во сне, и он обрадовался: стоит только проснуться — и все будет хорошо. Но нет, это был не сон. Это было то, о чем говорили ему и посол, и Глаголев еще тогда, до отъезда на Север. И все их слова, осторожные, тактичные, оказались далеко не «политграмотой», как Петр в душе иронически называл все это тогда.

Петр вздохнул: а ведь он не хуже Глаголева знал, что Гвиания напоминала паровой котел, давление в котором уже приближалось к красной черте взрыва. Знал — и все же рискует оказаться пешкой в чужой игре.

«А что я мог изменить? — думал он. — Отказаться

от помощи Стива? Не ездить с Гоке в Общество дружбы? Что должен был делать я, чтобы сейчас не было этой говорильни по телевизору? Чем я виноват, что в жертвы провокации был намечен именно я? Ведь на моем месте мог оказаться любой другой советский гражданин, приехавший в Гвианию!

— О чем вы думаете, сынок?

Голос Прайса вернул Петра к происходящему.

Телеоператор теперь показывал зал и собравшихся в нем людей — черных, белых, африканцев, европейцев, азиатов.

— Прошу вопросы! — повторил чиновник.

— Франс Пресс!

В первом ряду вскочил тучный европеец с густыми черными усами.

— Корреспондент Франс Пресс Робер Деладьё. Где сейчас мистер Николаев? Арестован ли он? И почему бы не дать ему самому возможность выступить перед нами?

В зале зашумели. Чиновник самодовольно улыбнулся и постучал пальцем по микрофону:

— Мы ждали этого вопроса, джентльмены. Мы готовы к нему. Мистер Николаев в Луисе, но не арестован. К сожалению, он не может сейчас прибыть сюда. Но мы готовы представить вам человека, который знаком с мистером Николаевым почти с самого первого дня его пребывания в Гвиании, человека, который ездил вместе с мистером Николаевым на Север...

Он помолчал, наслаждаясь напряженной тишиной, наступившей в зале.

— Этого человека вы все знаете.

У Петра перехватило дыхание. Он уже знал, кто сейчас выступит против него. Это должен быть тот человек, чье лицо он видел на рисунке Элинора в Огомшо... Боб. Роберт. Роберт Рекорд.

— Гоке Габойе! — выкрикнул в тишину чиновник.

Оператор лихорадочно показывал лица. Растерян Адесанья. Что-то вроде злорадной улыбки прозмеилось на губах хаджи Имолы. Искажённое ненавистью лицо Димоду. И сонное, равнодушное, даже слишком демонстративно-равнодушное лицо Бора.

Прайс налил себе целый стакан виски без воды, безо льда.

— Может, выпьете? Помогает...

В голосе полицейского комиссара Петру почудилось сочувствие. Петр отрицательно покачал головой.

Прайс отхлебнул виски.

— Бастард! — буркнул он, глядя на экран.

Там события развивались своим чередом.

В холл быстро вошел Гоке. Он улыбался, как кинозвезда. На нем был новенький европейский костюм, белоснежная рубашка.

И сразу наступила тишина. Люди, толпившиеся в проходе, расступились перед Гоке, словно боясь, что он их коснется, и он шел к эстраде по человеческому коридору твердым решительным шагом.

Вот он взошел на трибуну, поклонился публике и сел рядом с чиновником.

— Джентльмены!

Чиновник сделал приглашающий жест рукой. Оператор опять показывал сидящих в зале. Вот он задержался на Димоду... Старик что-то шептал, яростное, беззвучное. А вот и Бора. Он спокоен, смотрит на часы. А его товарищи напряглись, подавшись вперед, рты их полуоткрыты.

— Прошу, джентльмены прессы, — повторил свое приглашение чиновник.

— Юнайтед Пресс. Джейн Браун, — выкрикнула дама в сером строгом костюме. — Мистер Габойе, можете ли вы сообщить нам какие-либо конкретные факты, доказывающие все это?..

Тощей рукой она подняла вверх листок с заявлением министерства внутренних дел.

Гоке самоуверенно улыбнулся:

— Конечно!

Оператор показывал его лицо крупно, во весь экран. Петру казалось, что глаза Гоке вперены прямо в него, и он закусил губу, чтобы не выругаться от ненависти.

Гоке помедлил. В зале стояла напряженная тишина. Чиновник нетерпеливо кивнул, и Гоке заговорил.

— Я не имею лично против мистера Николаева абсолютно ничего, — начал он медленно. — Но я за то, чтобы никто не пытался совать нос в наши внутренние дела.

Голос его набирал силу. Он встал, как привык стоять на трибунах митингов, заученным ораторским жестом поднял руку.

— Под предлогом поисков переписки лорда Дунка-

на с султаном Каруны мистер Николаев поехал на Север, чтобы помочь в организации забастовки. Он пытался установить связи с местными коммунистами. Он был в доме, где они обычно собираются.

— Джим Харрисон, «Голос Америки»! — вскочил с места высокий человек с темной кожей. — Являетесь ли вы агентом контрразведки Гвиани?

— Американский негр, — кивнул на него Прайс.

— Нет, — решительно ответил Гоке и покосился на сидящего рядом с ним чиновника.

Тот одобрительно кивнул.

— Что же заставило вас пойти на...

Американец не договорил.

— Политические убеждения, — так же решительно отчеканил Гоке.

В зале кто-то издевательски захохотал. Это был Бора.

Чиновник тревожно вскинул голову.

— А были они у тебя когда-нибудь, политические убеждения? — насмешливо крикнул Бора. — Или именно они и заставили тебя стать агентом-provокатором?

— Я прикажу удалить вас из зала! — вскочил чиновник.

Зал взорвался. Профсоюзники с грохотом повскакивали с мест.

— Долой! Долой! — яростно кричали они и махали тяжелыми кулаками в сторону эстрады.

Но весь этот шум перекрыл тренированный голос Гоке.

— Если хотите — да! — зло выкрикнул он. — Белые есть белые. Они всегда эксплуатировали и черных, и желтых, и цветных. И чем больше они будут грызть друг другу глотки, тем лучше будет для нас, африканцев!

— Демагогия! И вы верите, что этот оборотень действительно печется о нас, африканцах?

Бора уже стоял и, показывая пальцем на Гоке, обращался к затихшему залу.

— Я не верю. Даже этот паршивый расизм, которым он хочет сейчас прикрыться, присоветован ему хозяевами. Только которыми — англичанами или американцами? Он ведь служил и тем и другим!

— Ты ответишь мне за это! — почти прошипел Гоке, стискивая кулаки.

Бора иронически улыбнулся:

— Я готов. А ты?

Чиновник нервно расстегнул воротничок своей туго накрахмаленной рубашки:

— Господа! Дайте слово журналистам!

— Рональд Мёрфи. «Гардиан», — встал молодой человек в светлом костюме. — Не связывается ли смерть американского ученого Смита с поездкой мистера Николаева на Север?

Уже овладевший собою Гоке быстро глянул на чиновника. Тот чуть заметно кивнул.

— Мистер Николаев был в лагере доктора Смита, — твердо сказал Гоке. — Он...

Экран телевизора внезапно погас.

— Вечно у них что-нибудь ломается! — голос Прайса был пьяно-благодарен. Стакан в его руке был почти пуст. — Без нас, европейцев, они беспомощнее детей. Впрочем...

Прайс усмехнулся.

— Без мистера Роджерса не было бы и всей этой комедии. «Операция «Хамелеон» — пышное название для пошленькой провокации. Такое может пройти сейчас разве что только в Африке. Находят человека из России, устраивают ему знакомство с местными «красными», а потом — хлоп! И в который раз поднимается шум о все той же «руке Москвы»!

Он поднес стакан к глазам и посмотрел сквозь него на Петра:

— Не расстраивайтесь, сынок! В этой игре нет правил. Вы бы должны это знать.

«Только бы не сорваться», — подумал Петр и заставил себя улыбнуться. Его буквально трясло от ярости: так вот, значит, в чем дело! Его приезд в Гвианию, знакомство со Стивом, поездку на Север — все это хотят использовать для разгрома левых профсоюзов! Операция «Хамелеон»! И название-то какое!

Прайс опустил стакан:

— И все-таки вы нервничаете.

Он допил виски. Его лошадиное лицо становилось все более благодушным. Прищурился, положил руку на колено Петра.

— А вы мне нравитесь. Люблю решительных людей. И кроме того... (он сделал паузу) я обязан вам жизнью.

Петр резко обернулся:

— Ну и что же дальше?

Прайс пожал плечами:

— Ничего. Но поверьте мне, сынок, если бы мы вас не арестовали, кое-кто до вас бы все равно добрался. Дело неожиданно осложнилось. Ведь письмо доктора Смита для американцев сейчас куда дороже вашей жизни. Откровенно говоря, я охотно поддержал требование вашего друга, когда узнал, как за вами охотятся. Он просил, чтобы вас арестовали немедленно. И я тоже не люблю, когда черные убивают белых!

— Друга? — невольно вырвалось у Петра.

— Не врага же, — добродушно проворчал Прайс. — Я говорю о Роберте Рекорде.

В душе у Петра словно что-то оборвалось. Значит, это был он, Роберт, тот человек, кого Элинор видела с Роджерсом. Она видела Роберта, разговаривающего с английским полковником! И промолчала, когда Петр спрашивал ее. Ему показалось, что все вокруг рушится, что он сейчас один на целом свете, что вокруг одни враги.

Прайс смотрел на него с пьяным добродушием, но Петру на мгновение показалось, что из-под дряблых опухших век этого старого колониального чиновника на него вдруг взглянули трезвые, холодные, внимательные глаза. И тогда Петр, собрав всю волю, взял себя в руки.

— Меня это не интересует, — сказал он англичанину и отвернулся к засветившемуся опять телеэкрану.

Прайс молча взял бутылку виски, стоявшую на полу возле его кресла, и вылил все, что там еще оставалось, себе в стакан.

Гоке продолжал отвечать на вопросы. Он рассказывал о поездке в долину Ива Велли, о том, как Петр пытался встретиться с известным коммунистом Данбатой, как приехал на заседание забастовочного комитета Каруны. Говорил он с недомолвками, с полунамеками. А когда журналисты начинали его припирать, чиновник постукивал по микрофону и объявлял, что точнее на данный вопрос отвечать нельзя в интересах следствия и государственной безопасности.

Вопросы становились все более вялыми: журналисты явно теряли интерес к Гоке. Кое у кого на лицах уже появилось выражение скуки.

Чиновник забеспокоился.

— Вопросы, джентльмены, вопросы! — выкрикивал он, озираясь по сторонам.

И тут произошло неожиданное. Из задних рядов к эстраде вдруг начал протискиваться толстяк европеец. Пыхтя и задыхаясь, он лез сквозь толпу, бормоча:

— Позвольте, джентльмены, позвольте...

— Профессор Нортон! — невольно ахнул Петр и оглянулся на Прайса: голова англичанина была запрокинута на спинку кресла, рот широко открыт. Он храпел.

Профессор Нортон тяжело взобрался на эстраду. Затем он по-хозяйски плюхнулся в кресло рядом с оторопевшим чиновником, ослабил узел галстука и перевел дух.

Тяжелой, мясистой рукой он взял со стола микрофон, подышал в него и проворчал:

— Жарко!

По залу пронесся легкий смех. Профессор нахмурился — так, будто он был на лекции.

— Так вот, джентльмены, — прохрипел он, задыхаясь и презрительно посмотрел на Гоке, отступившего тем временем к краю эстрады. — Этот молодой человек... ух, до чего же здесь тяжелый климат!.. жарко!.. плел тут вам про одного из моих учеников. Да, одного из моих учеников — Питера Николаева! Так вот что я вам должен сказать, господа журналисты. Это самая обыкновенная, самая грязная провокация, организованная... — он помолчал, — британской службой «Интеллидженс сервис».

Зал зашумел. Люди повскакивали с мест, чтобы лучше видеть профессора.

— Да, да, молодой человек! — рявкнул Нортон на чиновника, хотевшего ему что-то возразить. — Я тут вас слушал, а теперь послушайте меня!

Он опять обратился к залу:

— Я могу присягнуть на библии, что полковник Роджерс пытался и меня вовлечь во всю эту авантюру. Я тогда не поверил в этот бред, посмеялся. Мол, я стар и слишком жирен...

Глаза его сделались веселыми и почти скрылись в складках жирных век.

— Но полковник, оказывается, не шутил! Он нашел вот этого...

Он презрительно кивнул на Гоке.

Из зала на эстраду быстро поднялся мальчик-рас-
сылный и протянул записку чиновнику. Тот прочитал
ее, кивнул мальчишке. Мальчишка спрыгнул с эстрады
и заработал локтями, пробиваясь к выходу.

— С Питером поехал еще один мой ученик, Роберт
Рекорд, — продолжал Нортон, не обращая внимания
на происходящее. — Хорошо, допустим, Питер поче-
му-то действительно не может быть здесь! Но где же
тогда Боб? Что он скажет обо всем этом?

— Мистер Рекорд выступит на предстоящем про-
цессе в качестве свидетеля обвинения! — неожиданно
выкрикнул чиновник и вскочил, размахивая только что
полученной запиской.

— Вы лжете, милейший! — заревел профессор. —
Вы лжете, как лжет и этот ваш свидетель.

Он ткнул толстым пальцем в направлении растеряв-
шегося Гоке.

— Нет, профессор! — язвительно ответил чинов-
ник. — Мистер Рекорд здесь, и мы решили дать ему
возможность выступить сегодня перед прессой. Вот он!

— Да, это я! — раздался голос Роберта.

Все обернулись: в дверях стоял Роберт Рекорд,
а позади него — в глазах Петра помутилось! — позади
него стоял Стив с кипой бумаг под мышкой.

Это было уже выше всяких сил: Гоке, Боб и, на-
конец, Стив. Петра охватило отчаяние. Надо было что-то
делать, действовать сейчас, немедленно!

Он вскочил, он не мог сидеть здесь, у телевизора.
Он слишком долго бездействовал...

Прайс храпел громко, его храп отдавался у Петра
в мозгу. Он внимательно посмотрел на лицо англича-
нина. Веко спящего чуть дрогнуло, словно подмигнуло.

Петр осторожно прошел мимо него, не оглядываясь.
Вышел в короткий коридор. Прямо перед ним была
дверь в сад, под высокий козырек подъезда.

«Спокойнее, — приказал себе Петр. — Где-то здесь
должна быть кухня. Обычно из кухни бывает выход на
задний двор».

Кухня оказалась в конце коридора. Не зажигая
света, Петр вошел в нее. Да, здесь была стеклянная
дверь, ведущая во двор. Он нащупал в двери ключ,
осторожно повернул его и очутился на заднем дворе,
посыпанном красным песком.

Двор был окружен высокой бетонной стеной. При

свете луны на ее вершине искрились осколки стекла — защита от воров.

В дальнем углу двора виднелся гараж. Петр помнил, что именно сюда поставил свой полицейский «мерседес» Прайс, когда они приехали к нему домой прямо с небольшой лесной поляны за городом, где сел их маленький трехместный самолет.

Петр тогда еще обратил внимание, что Прайс не вытащил ключей из замка зажигания.

Он огляделся, во дворе никого не было. Осторожно прошел вдоль стены дома, все ближе и ближе к гаражу. Заглянул за угол. Ворота были закрыты, и возле них торчали две фигуры.

Пригибаясь к земле, Петр пробежал к гаражу, вошел в него. Осторожно открыл дверцу машины, сел за руль, пошарил на щитке... Да, ключи были здесь.

— Ну! — сказал он себе вслух. — Давай!

Он повернул ключ и рванул машину с места, направляя ее прямо на закрытые ворота. Но что это? Фигуры заматались, распахивая ворота, и на полном ходу он вылетел со двора и понесся по темному шоссе.

Глава 36

Погони не было. В другой раз это, может быть, показалось бы Петру подозрительным, но сейчас он был целиком во власти одного лишь чувства — ярости. Ярость переполняла его и гнала туда, где сейчас были все эти подонки — Роберт, Гоке, Стив... Он еще не знал, что сделает, когда ворвется в конференц-зал отеля, где они сейчас выворачивают перед всеми свои мерзкие душонки, но он спешил туда, чтобы успеть застать их еще там.

Машина выскочила на главную аллею, скудно освещенную редкими желтыми фонарями, пролетела сквозь нее и свернула на широкую, залитую светом дорогу.

Петр знал: эта дорога ведет в центр, а там до отеля «Хилтон» совсем рядом. Он прибавил газу. «Мерседес» Прайса был послушен, словно Петр ездил на нем всю жизнь.

Вот и мост Виктория, а за ним то, что считается здесь центром города. Навстречу попало несколько машин, и Петр проводил их взглядом. И сейчас же в зеркале заднего осмотра заметил, как позади появилась и стала приближаться на огромной скорости какая-то машина.

«Они!— инстинктивно понял Петр.— За мною».

Он выжал педаль газа до упора, мотор взревел. Но машина преследователей приближалась, медленно, но приближалась. Это был спортивный «фольксваген», легкий и юркий, пушинка по сравнению с «мерседесом».

Его водитель включал и выключал фары, еще раз и еще, требуя, чтобы Петр пропустил его вперед. Петр чуть шевельнул рулем и занял осевую линию...

— Еще немного, еще... Ну!— шептал он, кусая губы.

Они летели по вечернему Луису, и прохожие с удивлением оборачивались им вслѣд. Вот засвистел регулировщик — уже где-то далеко позади.

Петр знал: сейчас будет поворот в улочку, где стоит отель. Он резко нажал на тормоз. Визг... и машину почти развернуло, запахло жженой резиной, но он сумел удержать руль.

Спортивный «фольксваген» пронесся мимо: его водитель не решился тормозить на такой скорости.

Петр облегченно вздохнул: это была победа! Он выиграл две-три минуты, этого достаточно, чтобы оканяться в зале, а там уж они не посмеют его схватить.

А вот и отель. Вдоль улиц тесно стоят машины в два ряда, но Петр не стал искать места для стоянки. Не снижая скорости, влетел по асфальтовому въезду вверх, на возвышение, прямо к роскошному главному входу, и выскочил из машины.

Швейцар в белоснежной форме открыл рот, чтобы приветствовать гостя, но Петр вихрем пробежал мимо него прямо в холл. Здесь он замешкался — большая картонная стрелка с надписью «Конференц-зал» указывала налево. И в этот момент из кресла в углу навстречу поднялся европеец. Это был полковник Роджерс.

— Мистер Николаев?

Голос полковника был строго официален, но Петру показалось, что он заметил в глазах англичанина удивление.

— Именем правительства...— продолжал полковник, отчеканивая каждое слово.— Я вас арестую...

«Ну, нет! Так-то просто теперь вы меня здесь не возьмете!»— мелькнуло в мозгу. Он резко выбросил было вперед руку. Но она оказалась вдруг перехваченной кем-то у кисти.

— Не хватает, чтобы вас еще обвинили в оскорблении действием нашего друга Роджерса,— раздался насмешливый голос Глаголева. Петр резко обернулся.

Глаголев отпустил его руку:

— Я же тебе сигналил фарами! «Фольксваген»— это ведь не «мерседес»!

И тут выдержка вдруг изменила ему:

— Какого черта вы примчались сюда, а не в посольство,— закричал он, переходя на «вы».— Ведь если бы какой-то ваш доброжелатель только что не предупредил нас по телефону, что вы едете сюда, вас схватили бы опять и...

— Вас предупредили, что я...

Внезапная догадка мелькнула в мозгу: «Прайс! Спящий Прайс! Спящий... или притворяющийся?»

Глаголев обернулся к Роджерсу:

— Господин полковник, в качестве советского консула я протестую против того, чтобы до предъявления обвинений и суда гражданин Советского Союза находился в предварительном заключении! Тем более что ордера на арест Николаева у вас нет.

Лицо Роджерса напряглось, он нервно провел рукою по аккуратно зачесанным волосам.

— В таком случае я должен предупредить вас, что мистер Николаев должен явиться в суд по первому же вызову.

— Поехали,— решительно сказал Глаголев Петру, игнорируя слова Роджерса.

Петр упрямо мотнул головой:

— Не сейчас. У меня здесь еще есть кое-какие дела!— И он пошел налево, куда указывала стрелка с надписью «Конференц-зал».

— Товарищ Николаев!

Глаголев догнал Петра и схватил его за рукав.

— Не делайте глупостей!

Но, видя, что Петр не думает отказываться от своего решения, вздохнул и укоризненно покачал головой:

— Ну хорошо! Мы пойдем туда вместе.

Но Петру было не до изучения интонаций в голосе Глаголева. Слишком долго он был пешкой в чужой

игре, и теперь настала его пора действовать. И Петр упрямо шел к конференц-залу.

Они вошли незамеченными и стали у дверей в толпе тех, кому не досталось стульев. И как только Петр взглянул туда, где на экране телевизора он видел сначала Гоке, а потом австралийца, он не поверил своим глазам.

В кресле перед микрофоном рядом с чиновником удобно расположился... одноглазый мулла из Каруны!

Он закрыл глаза и что-то бормотал, перебирая агатовые четки, и весь зал ждал затаив дыхание, пока он кончит молиться. Гоке на эстраде не было.

— А что... было дальше?— растерянно спросил Петр Глаголева.

Тот сначала не понял:

— Где?

— Ну... здесь, когда объявили, что будет выступать австралиец?

— А-а,— улыбнулся консул.— Значит, именно в этот момент... вы...

Петр кивнул:

— Да, да. Но что говорил он... Роберт?

И он замолчал, со страхом ожидая, что ответит ему Глаголев.

А было вот что.

Роберт легко взбежал на эстраду и поднял руку, требуя тишины. Несколько раз вспыхнули блицы фоторепортеров, закрутились катушки портативных магнитофонов. Все ожили: события принимали интересный поворот.

— Леди и джентльмены! — весело крикнул австралиец.— Да, это я. И я действительно ездил вместе с русским на Север.

— Мистер Рекорд!— прервал его профессор Нортона, и в его голосе было все: и отвращение, и презрение, и угроза.

Роберт мягко улыбнулся.

— И все же я скажу то, что я хочу, дорогой профессор!

Лицо Нортона побагровело, он сразу обмяк, осел и ссутулился, словно состарился на десять лет. Рука его произвольно легла на сердце.

Теперь уже голос Роберта был жестким. Он смотрел прямо в зал и чеканил фразу за фразой:

— Да, я был все время с мистером Николаевым. И я клянусь, что этот парень — честный ученый, а не тот, кем его пытались здесь выставить...

Он кивнул на притихшего Гоке.

Чиновник вскочил, поднял руку:

— Я прошу вас выбирать слова, мистер Рекорд!

Но австралиец уже не обращал на него внимания.

— И еще я заявляю, что Гоке Габойе — платный провокатор, агент-двойник, работавший и на английскую разведку, и на ЦРУ Соединенных Штатов. Он, как хамелеон, меняет цвета, чтобы услужить и тем и другим. Роджерс использовал его, чтобы скомпрометировать левых, расколоть профсоюзное движение и сорвать забастовку!

— Не верьте ему!

Сейчас в голосе Гоке было что-то откровенно звериное. Еще момент, и... Но вот взгляд его встретился со взглядом Роберта, и Гоке отвернулся.

— Это он убил доктора Смита! — вяло пробормотал он.

— Доктор Смит покончил с собой, когда понял, что испытывал на несчастных жителях плато Грос бактериологическое оружие для Пентагона, — тихо произнес Роберт, но в зале уже стояла такая напряженная тишина, что всем показалось, будто он прокричал эти слова во всю силу своих легких. — Он оставил письмо. Вы можете получить его фотокопии!

— Прошу! — крикнул от двери Стив и поспешно принялся раздавать кипу листков, которую принес с собой.

Журналисты сорвались с мест и бросились к нему.

В суматохе, никем не замеченный, европеец в сером костюме выскользнул из зала и устало опустился в кресло, стоявшее в холле.

Это был полковник Роджерс.

Когда суматоха в зале немного улеглась, Роберт поднял руку, призывая к тишине.

— Но это еще не все, леди и джентльмены! — сказал он и улыбнулся профессору Нортону, от удовольствия потирающему толстые ладони. — Есть еще один человек, которого будет вам довольно интересно послушать в связи со всем тем, что здесь происходит!

Телефон на столике тихо зазвонил. Чиновник поспешно снял трубку, вскочил, угодливо изогнулся.

— Йе, са... сейчас, са... понял, са...

Он почтительно положил трубку и вышел из-за столика.

— Леди и джентльмены!— твердо сказал он.— Пресс-конференция закрывается по распоряжению министра внутренних дел. Всего хорошего!

Но выполнить это распоряжение оказалось не так-то легко. Зал взорвался. Разъяренные журналисты повскакали с мест и кинулись к чиновнику, потрясая кулаками.

— Это свинство! — кричали они. — Вы не имеете права! Мы хотим знать все! Дайте выступить всем, кому нужно!

Телеоператоры взмокли от пота: никогда им не приходилось еще передавать такой острый репортаж! Камеры судорожно выхватывали из толпы разъяренные лица: белые, черные, желтые... Сегодня здесь был весь многочисленный корпус иностранных журналистов, аккредитованных в Гвиани.

Гоке и чиновник, что-то выкрикивая в ответ, медленно отступали в глубину эстрады. Неожиданно Гоке повернулся, побежал и под свист и улюлюканье юркнул в дверь в задней стене. Чиновник приготовился было уже сделать то же самое, но телефон на столике вдруг зазвонил опять.

Трубку снял Роберт, стоявший у столика. Он молча выслушал что-то, рассмеялся и поманил трубкой чиновника.

— Это вас. По личному распоряжению президента пресс-конференция продолжается.

Гром аплодисментов потряс зал.

И пока чиновник раболепно выслушивал телефонную трубку, Роберт объявил:

— Аладжи Гасан ибн-Фодио!

Одноглазый мулла в зеленой чалме вышел из укромного уголка в последнем ряду и пошел к эстраде. Он уверенно взошел на нее, удобно уселся в кресло и склонил голову. Он молился.

Кончив молиться, он поднял лицо и обвел своим единственным глазом притихших журналистов.

— Расскажите о себе,— тихо попросил его Роберт: руководство пресс-конференцией теперь, как нечто само собой разумеющееся, перешло к нему.

Старик кивнул.

— Меня зовут аладжи Гасан ибн-Фодио. Я из рода ибн-Фодио, великих священников и ученых.

Он гордо выпрямился в кресле.

— Когда батуре Дункан пришел в наши земли, я был любимым писцом великого султана Каруны. Нет ни одного важного документа той поры, который бы написал не я. Моя рука была тверда, и никто не писал красивее меня.

По залу прокатилось легкое движение. Кое-кто удивленно переглянулся.

— Минуту терпения, леди и джентльмены! — поспешил вмешаться Роберт. — Я понимаю, что история вас не интересует, но я хочу преподнести вам еще одну маленькую сенсацию, касающуюся убийства главы чеканщиков Бинды, старого Атари!

— Но... значит, старый Атари не умер своей смертью?

Петр удивленно обернулся к Глаголеву. Тот молча пожал плечами.

— И вы это знали? Вы знали, что против меня готовится провокация?

— Не говори глупостей! Если бы мы знали, то уж как-нибудь удержали бы тебя от... — Он оборвал фразу на полуслове.

— От того, что я здесь натворил? — взорвался Петр. — Может быть, ты еще скажешь, что я один во всем виноват?

— Ты напрасно злишься, — примирительно сказал консул. — Никто этого не говорит. Но сказать, что ты абсолютно ни в чем не виноват, я тоже не могу. И будь благодарен нашим друзьям, что операция «Хамелеон» их усилиями оказалась в общем-то сорванной. Перед самой пресс-конференцией профессор Нортон был у нас в посольстве и кое-что рассказал. Впрочем...

Он положил руку на плечо Петра:

— Давай-ка лучше слушаем.

— Вы знали старого Атари? — спрашивал тем временем Роберт одноглазого муллу.

— Знал.

Старик закрыл свой единственный глаз коричневой, иссохшей ладонью, словно собирая воспоминания. Голос его стал глуше.

— Он пришел вместе с эмиром Бинды и остался при дворе султана. Он служил преданно и был честен,

он стал моим другом. И когда пришло время послать гонца с письмом султана к лорду Дункану, я просил султана послать его.

Первое письмо, которое он отнес белым, было гордым и прямым. Султан отказывался выдать эмира Бинды, который лишь защищал свою землю от неверных. Потом лазутчики донесли, что батуре Дункан уже приготовил большое войско, и султан понял — враги ищут предлог, чтобы захватить Каруну. И он послал второе письмо. Он предлагал мир, он даже соглашался выдать эмира Бинды.

Мулла с горечью покачал головой:

— Султан был велик и мудр. Но судьба была против нас. Атари не вернулся. Мы думали, что он погиб. Потом началась война. Неверные победили нас, они ворвались в Каруну.

Я знал, что глиняные стены не устоят перед пушками неверных. И чтобы спасти от поругания мысли моего повелителя, я унес из мечети все книги, все свитки, все, на чем записано было мною хоть одно слово султана. Я поклялся, что, когда моя страна снова станет свободной, я верну все это из тайника и отдам тому, кто возьмется написать правдивую историю наших горестных дней.

Прошло много-много лет. И вдруг ко мне пришел белый малам и спросил, не сохранил ли я бумаги султана. Кто, как не аллах, послал его ко мне? Ведь никто, кроме аллаха и меня, ничего не знал о моем тайнике. Но этот человек был белый, и мою душу охватили сомнения. Я ничего не сказал ему.

Потом ко мне пришла белая мадам, и она тоже спрашивала про бумаги султана. А потом... потом пришли ко мне сразу двое — вот этот батуре, — старик кивнул на Роберта, — и южанин, — старик указал скрюченным пальцем на Стива, сидевшего теперь рядом с Бора в группе профсоюзников. — Они рассказали, что Атари не погиб много-много лет назад и что только теперь какой-то подлый шакал убил моего друга. И еще они просили помочь белому маламу, приехавшему из далекой-далекой страны, чтобы написать правдивую историю моего города. Они сказали, что Атари помогал ему и за это по наущению тех, чьи отцы разрушили Каруну, тех, кто боялся, что мир узнает правду, он и был убит.

Мулла опять замолк, пальцы его заскользили по четкам... Он перевел дыхание — наверное, никогда в жизни он не говорил так долго.

— Неверные хотели убить его еще много лет назад, когда он, принеся от султана письмо с просьбой о мире батуре Дункану, возвращался в Каруну. Люди Дункана заплатили убийцам хорошие деньги, чтобы они схватили Атари в саванне. Но один из них видел Атари в Бинде и знал, что он из рода старшин чеканщиков и что рано или поздно сам станет во главе мастеров Бинды.

«Белые уже заплатили нам деньги. Но мы перехитрим их. Зачем убивать курицу, которая будет нести нам золотые яйца?— сказал он.— Отпустим этого человека, и пусть он платит нам до конца жизни — каждый год, в средние дни поста — выкуп за сохраненную ему жизнь. Только пусть он поклянется в этом на святом коране...»

Атари вернулся в Бинду и заперся у себя в доме. Несколько лет он не показывался в городе, работая днем и ночью, и достиг удивительного мастерства чеканки. Он стал главой чеканщиков, но каждый год — в средние дни поста — тот человек, что спас ему жизнь, приходил за выкупом.

Мулла вздохнул.

— Обо всем этом я узнал только вчера, когда мои новые друзья,— старик опять кивнул на Роберта и на Стива,— уговорили меня прилететь в Бинду на маленьком самолете, таком же, какой есть у нынешнего султана Каруны.

В ту ночь, когда Атари умер, вместе с ним был и человек, спасший ему жизнь в саванне. Он пришел ночью в средний день поста, как делал это много-много лет.

Когда они разговаривали, пришел южанин, тот самый, который сейчас, как трусливый пес, бежал отсюда. Он хотел поговорить с Атари о каком-то важном деле. — Мулла презрительно кивнул на дверь за своей спиной. — Старик взял деньги и попрощался с Атари. Но к старости многие становятся очень любопытными. И он стал подслушивать за дверью. Южанин ругал Атари за то, что он рассказал о смерти Мак-Грегора Стиву Коладе, который помогает белому маламу. Он говорил, что все белые — презренные собаки. Что нельзя верить никому из них. И если белый малам что-то вынюхивает

в нашей стране, пусть он делает это без нашей помощи.

Атари рассердился и сказал, что человек так говорить не может, что Гоке дьявол. Он велел ему уходить и пригрозил, что утром расскажет белому маламу, как найти в Каруне человека, больше всех знающего о падении Каруны. Атари знал, что я хранил списки таких писем, и знал, что я жив.

Мулла помолчал:

— Потом был шум... и южанин ушел. А старого Атари нашли мертвым...

Старик опять замолчал. В зале стояла жуткая тишина. Потом мулла вскинул руки:

— Все, что я рассказал, чистая правда. Аллах свидетель, что я был вчера в Бинде и человек, которому Атари много лет платил за свою жизнь, рассказал мне о смерти моего бедного друга.

Голос его зазвенел ненавистью:

— О аллах! Покарай тех, кто направлял руку убийцы!

Звонок телефона на столике прозвучал как взрыв.

Чиновник, с опущенной головой сидевший в кресле, поспешно схватил трубку. И по мере того как он слушал, на лице его появлялось все более злорадное выражение.

— Йес, сэр!— почти выкрикнул он, кладя трубку на аппарат и вскакивая. — Леди и джентльмены! Распоряжением президента пресс-конференция закрывается!

Глава 37

Самолет садился в Шереметьеве. И Петр не отрываясь смотрел в иллюминатор. Внизу плыли снежные равнины, темнели расплывчатые пятна лесов, бежали тонюсенькие ниточки дорог. Это была Россия, Раша, как говорили гвианийцы.

— Раша,— вслух произнес Петр и устало закрыл глаза.

А ведь еще ровно сутки назад он сидел в просторном стеклянном зале международного аэропорта в Луисе и в последний раз пил холодное гвианийское пиво.

И теперь память, как неопытный киномеханик, прокручивала ленту-фильм, в котором части были безнадежно перепутаны. Но у Петра не было сил, чтобы найти нить логической последовательности и ухватиться за нее, выстроить события по порядку.

...На следующий день после пресс-конференции министерство внутренних дел объявило, что снимает с мистера Николаева обвинения в подрывной деятельности.

Об этом было передано по радио и сообщено в вечерних газетах. Так распорядился Старый Симба. В тот же день полковник Роджерс срочно был вызван к нему во дворец. Беседа продолжалась около часа, и никто, кроме Старого Симбы и Роджерса, не знает ее содержания.

Разъяренный полковник прямо из президентского дворца кинулся было к верховному комиссару Великобритании сэру Хью, в посольство. Он был готов драться до конца в этой уже проигранной игре! Впрочем, он знал, что сэр Хью не поддержит его. И, развернув машину у самого посольства, Роджерс погнал ее по дороге в Дикойи. Сегодня он действительно хотел полного одиночества: проигравший разведчик не нуждается в утешении и сочувствии.

А через неделю было объявлено, что полковник Роджерс уезжает в годичный отпуск «для поправки здоровья». На его место — шефа разведки Гвиании — назначается гвианец бригадир Нжоку.

Это было последним сообщением правительственной радиостанции. Ее сотрудники присоединились к всеобщей забастовке, уже охватившей всю страну.

Затем в советское посольство поступила официальная бумага, в которой приносились извинения за «прискорбный инцидент и выражалась надежда, что мистер Николаев внесет достойный вклад в дело изучения истории Гвиании». Бумагу эту привез сам Прайс.

Прайс заявил, что ему поручено, кроме всего прочего, довести ее содержание до сведения самого мистера Николаева.

И вот, они встретились в приемной посольства.

Сегодня Прайс был трезв и торжествен. Его полицейская форма, как всегда, была в безукоризненном порядке.

Сухо поздоровавшись, он торжественно изложил цель своего визита, пересыпая речь архаическими выпренными оборотами и выражениями, половину которых Петр так и не понял.

После того как формальная часть визита была закончена, Прайс удовлетворенно улыбнулся.

— Ну вот, мистер Николаев, — проговорил он. — Считайте, что вам повезло.

— С вашей помощью, — шутливо согласился Петр.

Прайс стоял перед ним — высокий, нескладный старик.

— Да, вам действительно повезло. Обычно я никогда не оставляю ключей в машине!

Он подмигнул, и, глядя на его довольное лицо, Петр улыбнулся в ответ.

Это привело Прайса в еще более приятное расположение духа:

— Вы мне не верите? А между тем вас можно было бы выслать хотя бы.... хотя бы за похищение полицейского автомобиля.

Он довольно осклабился:

— Да, да, я старая полицейская лиса, и не вы первый попадаетесь на мои маленькие хитрости. Кстати, позвольте мне дать вам еще один дружеский совет: в университете скоро кончается семестр. И всем будет понятно ваше желание провести каникулы на родине.

Он козырнул:

— Желаю успеха, сынок!

...Петр открыл глаза. Самолет снижался. И опять мысли унеслись назад. На этот раз к тому, о чем рассказал ему Роберт, на другой день после пресс-конференции пришедший в советское посольство. Это был долгий разговор. И шаг за шагом перед Петром разворачивалась операция «Хамелеон» так, как готовил ее полковник Роджерс. Это была нелегкая задача.

Сначала выждать, пока ЮНЕСКО выделит место в Луисском университете для аспиранта из России. Потом преодолеть одну за другой трудности: например, профессор Нортона решительно отказался повлиять на своего ученика Роберта Рекорда, с которым должен был поселиться русский. Но австралиец был без ума от мисс Карлисл, помешанной на идее служения Добру. Отлично! А что, если она узнает, что мистер Рекорд допрашивал пленных во Вьетнаме и за это получил

правительственную стипендию? Неважно, что он участвовал в допросах лишь в качестве стенографа. Мисс Карлисл не будет разбираться в таких тонкостях. Но она может ничего и не узнать. Что требуется за это от мистера Рекорда? Сущие пустяки: по пути с аэродрома вместе с русским помочь человеку, которого будут избивать у них на глазах. Всем известному Стиву Коладе.

Потом уже было проще.

Они встретились вечером в парке Дикойи, и красный «ягуар» Роджерса долго кружил по пустынным аллеям парка. Полковник говорил, не отрывая взгляда от бегущего впереди асфальта и не поворачивая голову к Роберту.

Он просил еще об одной услуге.

— Да, да, мы знаем, что вы, мистер Рекорд, расстались с мисс Карлисл. Конечно, это ваше личное дело — рассказывать ей о своем прошлом. Понятно, вы надеялись, что отношения, существующие между вами, настолько крепки, что никакие недомолвки не должны омрачать их в будущем. Вы ошиблись, мистер Рекорд, ваша любимая отшатнулась от вас. Поймите, теперь уже это не шантаж. Мы извиняемся, что ранее вынуждены были прибегнуть к этому методу.

Вы собираетесь ехать с вашим русским другом на Север. Тем более что профессор Нортон просил вас позаботиться о нем. Вот и отлично! Можем вам сообщить конфиденциально: американская разведка заинтересована в том, чтобы скомпрометировать и завербовать мистера Николаева. Не удастся — тогда этот русский не доедет до Каруны. У американцев есть на это причины: экспедиция доктора Смита на плато Грос, база в Каруне. Мы же заинтересованы, как и профессор Нортон, чтобы с русским ничего не случилось. Итак, две просьбы — обеспечить русскому безопасность и, если понадобится, подтвердить его связи с местными красными. За это мы даже готовы помочь вам — вы избавитесь от доктора Смита! Никакой подлости, никакой уголовщины. Просто сообщите мисс Карлисл, что мистер Смит проводит на плато... (шепот). Ол райт? Желаем вам удачи — найти второе письмо султана Каруны лорду Дункану, для исторической науки это, несомненно, будет интересной находкой...

...Роберт рассказывал, и Петру казалось, что он видит все это: двое в машине в вечернем парке. Элегантный

джентльмен и бывший портовый парень. И они говорят о нем, о Петре, как о чем-то неодушевленном, как о предмете, которым можно распоряжаться по своему усмотрению.

И теперь, рассказывая об этом, Роберт не каялся. Он просто вспоминал все сначала, может быть, даже просто повторял сейчас вслух то, что уже много раз говорил самому себе.

Голос австралийца был глух и полон усталости.

— Да, Питер, я сходил с ума и видел в тебе соперника, — говорил он. — Почему я решил, что ты должен обязательно влюбиться в Элинора? Наверное, потому, что ее нельзя не любить. Я был в отчаянии и ненавидел то тебя, то ее. А чаще всего — себя самого. Хорошо еще, что есть на свете джин, иначе можно было бы сойти с ума. А потом все кончилось, и осталась лишь пустота. Доктор Смит умер и занял в душе Элинора еще больше места, чем когда он был жив. Но поверь, я взбунтовался не только поэтому.

Помнишь, ты заболел в Огомощо? Это подстроил один из парней Гоке — он сидел со своими местными дружками тогда в рест-хаузе. Потом я узнал его, когда Гоке догнал нас на лендровере.

И то, что ты очутился в постели Элинора, и убийство старика в Бинде — все это дело рук Гоке. Ты удивляешься? Американцы хотели тебя элементарно шантажировать — фотоаппарат был установлен парнем Гоке в мотор фена. Англичанам же нужно было, чтобы ты искал письмо султана Каруны с помощью твоих «красных» друзей.

Именно Гоке попросил Стива поговорить со стариком и записать для тебя его рассказ. Ему нужно было использовать чувство благодарности Стива, организовать между вами прочную связь.

Роберт вздохнул:

— Кстати, сегодня утром Гоке Габойе найден убитым на одном из пустырей города. Ему проломили голову железной трубой. Об этом говорит весь Луис!

Петр лишь покачал головой, не в силах что-либо произнести.

— Кто знает, как давно он сотрудничал с полковником Роджерсом, — спокойно продолжал австралиец. — Обычная история — провалившегося агента убирают, особенно если он много знал.

— Хорошо, пусть так. И все же я не могу понять, что толкнуло его к англичанам?

— Амбиция. Он жаждал власти, ради нее он был готов на все. Он рассчитывал использовать англичан, а англичане использовали его. Использовали и убрали, как ненужную вещь.

— А ведь у него могло бы все быть иначе, — задумчиво произнес Петр. — Например, как у Стива...

Австралиец согласно кивнул:

— Мистер Коладе — парень с головой. И он умеет говорить с людьми. Это он уговорил одноглазого муллу отправиться сначала в Бинду, а потом в Луис. Кстати...

Он рассмеялся:

— Мы воспользовались самолетом полковника Роджерса, любезно присланным им за мною в Каруну.

...Стива Петр увидел лишь на аэродроме, когда вместе с Глаголевым сидел в зале ожидания. Стив был грустен, но старался скрыть это.

Старый Симба наотрез отказался видеть своего «красного племянника», когда Стив приехал во дворец во второй раз просить за русского. Английские газеты, публикуя письмо покойного Смита, обвиняли власти Гвиании в том, что те знали о бесчеловечном эксперименте на плато Грос. Так англичане мстили за вынужденный «отпуск» полковника Роджерса. И Старый Симба, осторожный и дальновидный, не хотел теперь делать ничего, что могло бы быть использовано для обвинения его в сочувствии «красным».

Стив оживился, лишь когда Петр спросил его, как идет забастовка.

— Жаль, что вы нас не видели! — энергично говорил он. — Мы начали забастовку большой демонстрацией: все профсоюзы пошли с нами. И католики и правые. Люди поняли, на что была рассчитана операция «Хамелеон»! И это сплотило нас.

Он внезапно замолчал, словно устыдился собственной патетики, смущенно улыбнулся. Потом вдруг поспешно сунул руку в карман своей зеленой куртки и вытащил оттуда конверт.

— Это... вам.

Петр с недоумением взял конверт. Улыбнулся стоявший рядом Роберт, улыбался Стив, ободряюще подмигнул Глаголев.

Все они заговорщически переглядывались, пока Петр вскрывал конверт.

Там был один лишь листок — фотокопия документа, написанного красивым арабским алфавитом. Сбоку четко были видны оттиски печатей, хорошо знакомых Петру по образцам, опубликованным во многих изданиях по истории Гвиании.

Это была копия письма султана Каруны.

— Старик так и не решился отдать нам оригинал из своего тайника, — развел руками Стив. — Снял фотокопию и велел передать вам.

— Ну? — Роберт легонько толкнул Петра в плечо. — Нашли ведь все-таки, а? Но ведь не потребуй я, чтобы Прайс тебя арестовал в Каруне, может, и не видать бы тебе этого письма веками!

Петр держал в руках тонкий лист, и все вокруг него плыло. Да, это была удача, о которой он мог только мечтать там, в библиотеке Института истории. Ведь теперь все становилось на свои места, теперь восстанавливалась историческая правда, переставало существовать еще одно «белое пятно» в истории колонизации Черного континента! Ему даже стало как-то неудобно от собственной радости.

— А что с маламом Данбатой? — вдруг вспомнив сцену в университете Каруны, спросил он Стива.

— Освободили, — просто ответил тот. — Ведь Каруна бастует вместе со всей страной. И англичане посоветовали эмирам не раздражать бастующих.

— А... те двое, кто был со мной в машине в старом городе?

— Это тоже были наши, — кивнул Стив. — Они ходили за тобой по пятам. Правда, не слишком умело.

— А я-то принял их за шпииков, — улыбнулся Петр.

— Наши друзья в общих чертах знали об операции «Хамелеон», — заговорил Глаголев. — Кое-кто из службы безопасности предупредил Бора о замыслах англичан. Именно люди Бора прокололи вам шину в аэропорту, пытаясь удержать вас там до моего приезда. Правда, они поручили обеспечивать вашу безопасность Гоке.

Стив развел руками:

— Но кто бы мог подумать! Мы ведь вместе росли, учились. Я до сих пор не могу прийти в себя: трудно все-таки вдруг увидеть в человеке хамелеона.

— А как дела у?..

Петр посмотрел на австралийца и не договорил. Но тот его понял.

— Элино́р в Лондоне. Она отвезла в лондонские газеты письмо Смита, — тихо сказал он и отвернулся. — Там поднялась настоящая буря.

Он неловко вытащил из кармана пачку газетных вырезок, принялся их перебирать:

— Послушайте хотя бы заголовки: «США испытывают бактериологическое оружие на африканцах!», «Забастовка парализовала Гвианию: работает только международный аэропорт!», «Предсмертное письмо американского бактериолога!» И еще — «Провал операции «Хамелеон», «Русский оправдан», «Полковник Роджерс сходит со сцены», «Мисс Карлисл разоблачает».

...Да, Элино́р сделала все, что смогла. Сделала ради доктора Смита, ради Роберта, ради него, Петра. Но найдет ли она наконец самое себя? Будет ли счастлива настоящим, невыдуманым счастьем? И с кем? С Робертом?

Самолет подрулил к аэровокзалу.

И Петр с жадностью прильнул к иллюминатору — как совсем еще недавно он смотрел в иллюминатор самолета, подруливающего к зданию аэровокзала Луиса.

Тогда он прилетел в страну, которая была для него лишь чисто географическим понятием, ареной хоть и бурных, но давних исторических событий. И разве мог он тогда даже предположить, что внезапно окажется в самом центре событий сегодняшних, политических, событий, подобные которым происходят сегодня на всем Черном континенте?

Спокойный, уверенный в себе Стив, импульсивный, мечущийся Роберт Рекорд... Или Элино́р Карлисл — мстящая за свою погубленную любовь, за изломанную душу Роберта и за ужасный, но логически обоснованный конец доктора Смита... Петр вдруг понял, что ему жаль расставаться с этими людьми, так быстро вошедшими в его жизнь, с людьми, с которыми он пережил и столько радости и столько...

Он попытался подобрать слово.

«Неприятности» — это было неверно, «горе» — слишком сильно.

...Пограничники у трапа проверили его документы, и, пока молоденький, подтянутый лейтенант вчитывался в

строки, выведенные черной тушью, Петр вдруг увидел на высокой бетонной галерее, опоясывающей здание аэровокзала, группу людей, весело машущих ему руками. Он различил мать — она держала платок у глаз, отца — рослого, неуклюжего, в модном, непривычном после кожаной шоферской куртки пальто, что-то весело кричащих сестер.

Лейтенант поднес руку к козырьку и дружелюбно улыбнулся:

— Так это вы, значит, Петр Николаев? А мы тут из-за вас уже переживали! Шутка ли — пропал человек в Африке! И добро бы хоть крокодилы съели, а то на тебе — за решетку!

Петр лишь улыбнулся в ответ. За спиной отца он вдруг разглядел профессора Иванникова. И еще ребят из Института истории.

Теплая волна поднялась у него в груди, глаза защипало.

— Ну так как? — продолжал лейтенант весело. — Поедете еще раз в эту... как ее... Гвианию?

— Обязательно! — твердо сказал Петр и ринулся вниз по трапу.

Книга о сегодняшней Африке

«Операция «Хамелеон» — первая книга Евгения Коршунова. Корреспондентом АПН четыре года провел он в Африке, изъездил за это время множество дорог, побывал в крупных городах и в крохотных поселениях в саванне, видел традиционные племенные празднества и повседневный тяжкий труд крестьян, познакомился с древнейшими памятниками африканской культуры, делил трапезу с бродячим людом и как гость участвовал в эмирском застолье.

Но экзотическая новизна мест и ситуаций не заслонила от него всей сложности и противоречивости сегодняшней африканской реальности. С пристальным вниманием приглядывался он к ней. На смелую торопливым журналистским впечатлением пришло знание жизни континента, раздумье о сложности его проблем, трудности судеб его обитателей. И вот родилась книга, которая представляется теперь на суд читателей.

В центре повести молодой человек, наш соотечественник, впервые попавший за рубеж, в Гвианию, страну вымышленную, но удивительно реальную. Его ждет в далекой африканской стране не развлекательный туристский вояж, а месяцы напряженной университетской учебы. Но, едва ступив с трапа самолета на землю, он оказывается замешан в самую гущу политической интриги, умело дирижируемой из-за кулис английской разведкой. Все переплеты этой интриги, в которую невольно попадает аспирант Института истории Петр Николаев, составляют сюжетную канву рассказа.

Обстоятельства складываются так, что в житейском окружении своем аспирант Луисского университета Петр Николаев находит пеструю компанию людей, в большой степени случайно занесенных судьбой на Африканский континент, где что ни персонаж, то иные национальности, гражданство, мировоззрение. Поведение всех этих людей — американца, англичанина, австралийца и австриячки, — по первому впечатлению одинаково дружелюбных, определяет различный духовный опыт, разные цели и жизненные критерии.

Один из них — враг. Кто он? Кто есть кто? Чьи взгляды и убежденность в правоте своей позиции, чье чувство справедливости и человечности, честности и бескомпромиссности сильнее, чьи моральные ценности выше? Ответ на эти вопросы, рождаемые в идейном и нравственном противоборстве действующих лиц, и сообщает повести напряженность.

За короткое, уплотненное чрезвычайными происшествиями время главный герой книги успевает приобрести ярых врагов и верных друзей, понять многое из того, что переживает недавно вышедшее из-под колониальной опеки молодое государство. Вместе с Петром Николаевым этот путь от наивного удивления и восторженного принятия всего окружающего до убеждения, что в сегодняшнем мире не существует «чисто» научной, сторонней позиции зрителя, проходит и читатель.

К бесспорным удачам Е. Коршунова можно отнести образ Роберта Рекорда, человека сложной судьбы, с трудом, через множество потерь пробирающегося к истине; художницы Элинора Карлисл, мучительно отыскивающей свою правду, свой смысл и цель в жизни; образ талантливого художника-самоучки из маленького африканского городка Афораби и некоторых других.

Герои повести немало дней проводят в машине, но дорожное путешествие здесь лишь литературный прием, позволяющий автору более объемно и широко представить Африку, рассказать, какая она, чем живет, как выглядит, что умеет, на что надеется и за что борется.

Если определять жанровую принадлежность повести, то скорее всего «Операция «Хамелеон» — детектив, со всеми присущими этому жанру компонентами. Здесь есть и загадочное убийство, и погоня, и пожар, и автомобильная катастрофа. Энергичность и острота повествования заставляют читателя напряженно следить за развитием событий. Однако занимательность повести объясняется не только наличием в ней острых событийных поворотов и комбинаций. Да и не они, в сущности, составляют ее смысловой нерв.

Сам по себе сюжет «Операции «Хамелеон» — пружинистый косяк, та рама, на которую натягивает Е. Коршунов полотно африканской действительности, досконально, в мелочах и подробностях, знакомой ему. Этнографические приметы быта, удивительные своей необычностью нравы, поражающая воображение природа, непохожие один на другого люди — все это до краев заполняет книгу, живет, движется, складываясь в тот обобщенный образ далекого континента, который становится одним из центральных персонажей повести.

Со страниц ее встает настоящая, почти осязаемая Африка — земля ярких красок и горячего воздуха, с вуалью красной латерит-

товой пыли на дорогах, удушающей влажностью прибрежной полосы и тропического леса, с сухостью горных районов и обнаженностью саванны, с убожеством и нищетой ее деревень, обшарпанностью городишек, веселым гомоном базаров, выбрасывающих на лотки неисчерпаемое разнообразие мелочного товара, с калейдоскопом племен, религий, ремесел, традиций, с потрясающими контрастами существования имущих и неимущих, с устоявшимся веками социальным неравенством. Об этой Африке автор рассказывает со знанием и любовью, с той достоверностью, которая возникает не в результате умозрительных заключений, а появляется лишь вследствие личного опыта.

Умение ориентироваться в громоздкости накопленного географического и политического материала, умение организовать его, объединив с собственными впечатлениями, и подчинить фантазии и строгой логике динамичного сюжета отличает первую повесть Евгения Коршунова.

Последние годы африканская тема все громче заявляет о себе в нашей печати. Но если отбросить специальные труды, посвященные ей, политическую хронику и комментарий, то останутся объемистые или краткие путевые заметки-воспоминания, помеченные штампом торопливой туристской поверхности. Очевидно, на это есть свои причины, и первая из них та, что не так то многим людям, профессионально владеющим пером литератора, довелось близко узнать жизнь африканского общества. Но каковы бы ни были причины, об избытке познавательной-популярной литературы и литературы художественной, построенной на африканском материале, говорить пока не приходится. Тем больший интерес для читателей представляет повесть Евгения Коршунова.

Познавательную значимость ее трудно переоценить. Черный континент предстает в ней не только как край экзотической растительности, климата и традиций. Он имеет свое, насыщенное трагическими событиями прошлое. Эпизоды кровавых схваток исконного населения с английскими колониальными войсками в прошлом веке, органически вкрапленные в ткань повествования, создают естественный фон событиям, разворачивающимся сегодня, подтверждают преемственность борьбы, которую продолжают вести африканские народы за свою экономическую и политическую независимость.

Гвении не существует на географической карте. Тем не менее придуманно-условным является только ее название, потому что и природный облик ее, и примерная расстановка сил на политической сцене, и характер отношений с бывшей метрополией, пытающейся любым способом сохранить свое влияние, и подъем прогрессивных сил — все это, присутствующее в той или иной степени в повести, типично для большинства стран тропической Африки.

Коренные процессы, определяющие общественную атмосферу в этих странах, — борьба против остатков колониализма и происков неоколониализма, против империализма США, рвущегося в «традиционные зоны влияния» старых колониальных держав, рост национального и классового самосознания африканцев, наращивание опыта политических сражений, развитие прогрессивных взглядов и убеждений, — все это нашло в повести свое четкое художественное воплощение.

В сюжетных коллизиях «Операции «Хамелеон» немалое место занимают представители соперничающих английской и американской разведок: колониализму пришлось убраться, но его уполномоченные еще крепко держатся за страну, пытаясь вмешиваться в ее дела, диктовать ей свою волю. Типы старых колониальных служаков, их психология, устоявшийся стиль жизни, манеры выписаны автором подробно и тщательно. Несмотря на некоторые комические черты, присущие их характерам, вовсе не кукольными персонажами выглядят они. Это противник столь же умелый, сколь и опасный, набивший руку на покорении целых народов.

Среди художественных достоинств книги — реалистическая сочность и яркость деталей, языка диалогов, чувство вкуса и точность пропорций в описаниях и социальных характеристиках. Она несет на себе печать рассказа очевидца событий и представляется полезным и увлекательным чтением для людей всех возрастов и особенно молодежи.

В. КОРОВИКОВ

Коршунов Евгений Анатольевич

ОПЕРАЦИЯ «ХАМЕЛЕОН». М. «Молодая
гвардия», 1971.
320 с., с илл.

P2

Редактор А. Строев
Оформление художника Ю. Бажанова
Худож. редактор Б. Федотов
Технич. редактор Н. Михайловская
Корректоры З. Харитонова, А. Долидзе

Подписано к печати с матриц 30/XI 1971 г.
A01193. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1.
Печ. л. 10 (усл. 16,8). Уч.-изд. л. 17,4.
Тираж 100 000 экз. Цена 58 коп. Т. П. 1971 г.,
№ 210. Заказ 2645.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сушеская, 21.

Scan, DJVU: Tiger, 2011

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания издательству и автору.

Пишите по адресу: Москва, А-30, Сущевская ул., 21, издательство «Молодая гвардия».

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ КНИГИ СЕРИИ «СТРЕЛА»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Приключения 1970. Сборник приключенческих повестей и рассказов.

Ардаматский В., Ленинградская зима

Вайнеры А. и Г., Часы для мистера Келли

Адамов А., Круги по воде

Шестаков П., Через лабиринт

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Приключения 1971. Сборник приключенческих повестей и рассказов.

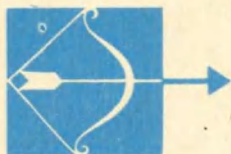
Имерманис А., Призраки отеля «Голливуд»

Смирнов В., Десять осенних ночей

Иванов-Леонов В., Копья народа

Кайяк В., Следы ведут в прошлое

58 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

